

НАТАЛЬЯ КАМИНИНА

ТАЙНЫЕ
ЗНАКИ
СУДЬБЫ

АРОМАТ
КОЛДОВСКОЙ СВЕЧИ

роман

Annotation

Зажигая восковую свечу, молодая журналистка Ника Болдырева не знала, что этой ночью окажется всего лишь на волосок от смерти. Один за другим, почти на ее глазах, погибают люди. Чтобы разорвать цепь трагических событий и разобраться, что же все-таки происходит, Нике придется спуститься в самый ад и узнать ужасную тайну – ту, что скрывает в себе колдовская свеча.

- [Наталья Калинина](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [Три дня спустя](#)
 - [Месяц спустя](#)
-

Наталья Калинина
Аромат колдовской свечи

Старый «уазик» стонал и кряхтел, словно больной старик, на каждом ухабе, и Ника всякий раз, когда машину встряхивало, испуганно замирала, всерьез опасаясь, что древние механизмы не выдержат разбитой дороги и рассыплются. Сквозь пыльное и заляпанное грязью стекло она тревожно рассматривала унылые пейзажи, тщетно пытаясь избавиться от гнетущего ощущения ненадежности. В этом забытом богом уголке на всем, казалось, лежала печать тлена, и достаточно было любого неосторожного прикосновения или даже легкого дуновения ветра, чтобы всё – голые деревья, почерневшие и покосившиеся избы, обветшалые заборы (где они еще присутствовали) – развеялось прахом.

– Отжила свое бабка. Упокой господь ее душу... – Водитель «уазика», мужичок без возраста, вздохнул и торопливо перекрестился – скорее потому, что так положено, чем всерьез огорчаясь смерти старухи.

Машину в очередной раз тряхнуло, и Ника вцепилась пальцами в жесткое сиденье. Всю дорогу она упорно молчала, чем немало огорчала словоохотливого водителя Федора: тому охота было поболтать за жизнь с молодой столичной журналисткой, такой разговорчивой и любознательной утром, а сейчас словно воды в рот набравшей. Вместо Ники беседу вяло, отделяваясь односложными словами и междометиями, поддерживал Стас Шатров – редакционный фотограф.

– Вы так и напишите в статье все как есть, без приукрашиваний, как мы тут живем, – разглагольствовал Федор, затягивая по пятому разу старую «песню».

– Напишем, напишем, – нетерпеливо перебил водителя Стас, а Ника хмуро угукнула.

Хоть статья о проблемах деревень, сопровождаемая красноречивыми фотографиями, обещала получиться острой, от того энтузиазма, с каким девушка собиралась в эту командировку, не осталось и следа. В Никином сознании до недавнего времени русская деревня ассоциировалась с парным молоком и коровами с лоснящимися упругими боками, с бревенчатыми торжественно-праздничными избами, стогами золотого душистого сена, румяными веселыми бабами и стайками хулиганистых и задорных, как воробышки, местных ребятишек. Образ этот сложился по старым фильмам, детским книжкам с картинками и смутным воспоминаниям из детства, когда маленькую Нику однажды на все лето вывезли за город, в

подмосковное село – чистое и опрятное. И поэтому теперь, много лет спустя, перспективу путешествия, в какой-то мере экзотичного для столичной жительницы, она приняла почти с детским восторгом. Но ее радужные представления оказались далекими от действительности. Какие-то деревни, мимо которых они проезжали, были еще обжитые, другие же – совершенно заброшенные, умирающие, состоящие всего из нескольких дворов, где доживали свой век немногочисленные старики и старухи. «Ужас... Полное отсутствие цивилизации... Край земли...»

Отправляясь в командировку, Ника преследовала личный интерес: не столько собрать материал для статьи, сколько побеседовать со старушкой Акулиной, проживающей в деревеньке Лески.

Шеф не сразу, но одобрил предложенную девушкой тему, и Ника самостоятельно составила маршрут. Вчера они со Стасом выехали из Москвы и после шести часов утомительной дороги в рейсовом автобусе прибыли в областной город. Переночевали в местной, не отличающейся уютом гостинице (единственной на весь город), а утром в кафе за завтраком познакомились с деревенским жителем Федором, который на своем «уазике» раз в месяц выезжал в город за продуктами и необходимыми в хозяйстве вещами. Ника поинтересовалась, знает ли Федор, где находится деревня Лески. «Далековато будет, – промолвил тот после паузы, во время которой что-то прикидывал. – Но в целом, можно за день управиться». И за вполне умеренную плату согласился подбросить их до места, а заодно провезти и по соседним деревням. «Вы только напишите все как есть. Правду!» – выдвинул свое условие Федор. А Стас пообещал условленную сумму удвоить, если Федор потом привезет их обратно в город. «Да запросто!» – обрадовался тот возможности быстро и легко заработать.

Они благополучно добрались до Лесков, по пути иногда останавливаясь, чтобы сделать снимки. Но, к великому разочарованию Ники, оказалось, что Акулина, дожившая до восьмидесяти семи лет, умерла неделю назад.

– Слышь, Федор, тормозни здесь, – неожиданно скомандовал Стас, пристально всматриваясь в окно «уазика». – Сделаю еще пару снимков, пока окончательно не стемнело.

– Да дык... – Водитель озадаченно поскреб пятерней непромытый затылок и недоуменно оглянулся на пассажиров. – Мы ж хотели до потемок в город попасть!

– Я тебе сверху пару сотен накину, идет?

– Ну, так это можно! Отчего бы и нет? – бодро провозгласил мужичок и остановил машину.

– Стас, мы уже достаточно сняли! – попыталась урезонить коллегу Ника. Ей хотелось как можно скорее выбраться из этого тоскливого места и попасть в районный городок, где были хоть какие-то признаки цивилизации: освещение на центральных улицах, гостиница, пусть и малокомфортная, но на фоне полуразвалившихся деревянных изб казавшаяся чуть ли не дворцом, вполне сносный ужин в гостиничном ресторане и, главное, горячая вода! Мечты о согревающем душе превалировали сейчас над всеми остальными желаниями.

– Ник, это займет минут пятнадцать, не больше. Для твоей же статьи пригодится, – проговорил Стас, в творческом нетерпении распахивая дверь и выпрыгивая на девственный снег.

Федор оглянулся на растерявшуюся девушку и развел руками:

– Пятнадцать минут можно и обождать.

– Пятнадцать минут в понимании Шатрова – это как минимум три часа, – процедила сквозь зубы Ника и решительно открыла дверь.

Ступив в глубокий снег, она поежилась от пронзительного февральского ветра и огляделась. Вокруг, если не считать заброшенного домишки и чернеющего вдали леса, ничего не было. Что могло заинтересовать тут фотографа?

– Ник, ты погляди! – окликнул девушку Стас, словно прочитав ее мысли. – Отличная иллюстрация к твоей статье!

Оказывается, его вниманием завладел не дом – непримечательная копия уже встречавшихся им по пути, а полусгнивший сруб разрушенного колодца.

Ника приблизилась к срубу и без всякого интереса заглянула в черное колодезное нутро. Конечно, ничего она там не увидела и с еще большим недоумением в глазах развернулась к азартно пританцовывающему вокруг этой развалины коллеге.

Увлеченный работой, Шатров казался еще красивее, чем был на самом деле. В каждом его движении – настраивал ли он камеру, прищуривался ли, выбирая новый ракурс, поправлял ли растрепанные ветром черные волосы – сквозила неприкрытая сексуальность, не картинная, как у позирующей модели, а естественная. «Красивый муж, чужой муж», – вспомнилась старая поговорка, и Нике не к месту подумалось о жене Стаса. Какая она, эта женщина? За Шатровым прочно укрепилась слава ловеласа, и вполне возможно, что его жена сейчас гадает: на самом ли деле муж отправился в командировку или остался у любовницы. Впрочем, какое Нике дело до любовных походов редакционного фотографа? Он никогда ее не интересовал. Тем более у Шатрова появилась постоянная любовница –

секретарша главного редактора, красавица и глупышка Лерочка. Впрочем, сейчас влюбленные, похоже, находились в затянувшейся ссоре: два последних дня секретарша пребывала в скверном настроении, и Ника даже один раз застала ее в слезах. И хоть о причине своей печали Лерочка предпочла умолчать, девушка догадалась, что плакала секретарша из-за Шатрова. Да и сам Стас отправился в командировку в таком мрачном расположении духа, что Ника подумала, не попросить ли кого-нибудь подменить его. Никогда она еще не видела Шатрова, относившегося к своим пассиям без особой привязанности, в такой хандре. Неужели глупышка Лерочка так его зацепила? «Шатров, что у вас там стряслось?» – не удержалась она тогда от бестактного, в общем-то, вопроса. «А какое тебе дело?» – вяло и вполне ожидаемо огрызнулся Стас. И Ника оставила его в покое: действительно, не ее это дело. К тому же вскоре Шатров погрузился в работу и, кажется, немного отвлекся от своих личных переживаний: на него зрелище заброшенных деревень произвело совсем иное впечатление, нежели на Нику...

– Ну и на кой тебе сдались эти руины? – недовольно буркнула Ника, отходя от колодца и выразительно ежась. – Гнилой и уже давно не действующий. Унылое зрелище.

– Вот именно, «унылое»! Тебе такие фотографии и нужны, – отозвался Стас, с задором щелкая камерой. – Кажется, колодца у нас еще не было. Интересно, какой любитель уединения выстроил свою избушку вдали от деревень, практически в чистом поле?

Ника пожалала плечами, закипая от внутреннего раздражения. Ей было все равно, кем и почему был построен этот дом. Судя по степени разрушенности, брошен он был уже очень давно.

– Слышь, Федор? – обратился Стас к вышедшему из машины водителю. – Сколько отсюда до ближайшей деревни?

– Пять-шесть километров, – ответил тот. – Деревня – Пустошь.

– Стас, ты долго еще? Я замерзла! И стемнеет скоро! – нетерпеливо встряла Ника, боясь, что разговор между водителем и фотографом затянется. Сейчас, на холодном ветру, мечта о горячем душе показалась ей в сто крат слаще.

– Всё, всё, – проворчал Шатров, с видимым сожалением зачехляя камеру. И, направившись к машине, беззлобно бросил девушке: – Ну ты и зануда!

Ника огрызаться не стала, молча забралась в остывший салон «уазика» и уткнулась в окно. Еще полтора-два часа тряски, и они прибудут в город. А завтра утром рейсовый автобус отвезет их со Стасом обратно в Москву. К

сожалению, не удалось побеседовать с бабкой Акулиной, но зато впечатлений для статьи – хоть отбавляй... Но не успела Ника помечтать о том, как завтра к вечеру придет домой, примет ванну и с чашкой ароматного чая усядется к компьютеру, как «уазик» подпрыгнул на каком-то ухабе, накренился и замер, пофыркивая и покряхтывая.

– Ё-мое! Неужто в снегу увязли? – Федор поддал газу, но машина лишь вхолостую вращала колесами и опасно кренилась набок. – И-эх, родимая... Давай!

– Стой! Мы так вообще закопаемся. Или, что еще хуже, перевернемся, – прикрикнул Стас на заматерившегося в нетерпении Федора и, открыв дверь, выскочил из машины. – Приехали...

Водитель прибавил еще одно непечатное словечко и тоже вышел наружу. Ника осталась в машине. Обеспокоенно вытягивая шею и всматриваясь в темноту за окном, она силилась увидеть, что делают мужчины. До ее слуха долетали обрывки перебранки и нецензурные слова.

– С нами же девушка! – громко выкрикнул Стас, и Ника, не вытерпев, открыла дверь.

– Что случилось?

– Застряли, – процедил Шатров и бросил сердитый взгляд на съезжившегося водителя.

– И что делать? – строго спросила девушка, с трудом удерживаясь от едкого замечания, что если бы не желание Стаса сфотографировать гнилой колодец, они бы уже подъезжали к городу.

– Три варианта. Первый – отправиться за помощью, но это значит топтать пять-шесть километров до ближайшей деревни, по темноте, через заснеженные поля. И не факт, что сейчас, на ночь глядя, кто-то согласится нам помочь. Второй вариант – переночевать в том старом домишке рядом с колодцем. Мы недалеко от него уехали. И третий, который предлагает Федор, – провести ночь в машине, а утром отправиться за помощью. Ты что выбираешь?

– Я выбираю гостиницу! – резко заметила Ника. Вариант с ночевкой в заброшенной избушке явно принадлежал Стасу – любителю сомнительной «экзотики».

– Ник, мы застряли конкретно, без помощи не обойтись! Но идти несколько километров ночью по снежной целине... Это уж ты меня извини. Разумней переночевать в доме, а утром отправиться на поиски того, кто вытащит нас из этой задницы!

Ей не понравился тон, каким Стас разговаривал с ней: предельно вежливо, произнося слова чуть ли не по слогам, но в то же время почти

теряя терпение. Словно разъясняя упрямому ребенку, почему сейчас не может дать ему конфету. Видимо, опасался, что Ника вполне оправданно станет скандалить, обвинять его во всех грехах и требовать, чтобы он отправился за помощью.

– Если бы не твой колодец, мы бы уже были в городе!

– Мы могли бы запросто застрять и в другом месте! Сама видишь, какая погода и какие здесь дороги! – вспыхнул в ответ Стас. – И давай обойдемся без гавканья.

– Я не гавкаю!

– Вот и хорошо. Бери свою сумку и пошли к дому. Федор, вы идете с нами?

– Нет. – Мужичок торопливо перекрестился и, тараща глаза, страшным шепотом произнес: – Не нравится мне все это. Я вспомнил, что об этом месте говорят как о проклятом!

– Именно об этом месте? – чуть насмешливо переспросила Ника. Слова Федора ее не напугали, но ситуация казалась слишком неестественной, киношной.

– Если я не ошибаюсь... Но вроде все сходится: заброшенный дом на краю поля...

– Федор, тут заброшенных избушек – каждая вторая, если не первая! – с раздражением заметил Стас и настороженно оглянулся на Нику: видимо, забеспокоился, что она поверит в рассказы деревенского мужика и наотрез откажется от ночевки в доме.

Похоже, слова фотографа заставили Федора усомниться в том, что именно это место считается «проклятым». Он растерянно оглянулся, вздохнул, но все же сдаваться так быстро не желал:

– Не советовал бы я вам ночевать здесь. Говорят, много лет назад тут происходили страшные вещи. Будто живший в этой...

– Федор! – резко перебил мужика Стас. – Бросьте ваши предрассудки! Если боитесь, оставайтесь в машине, а мы с Никой пойдем спать в дом.

С этими словами он вытащил из «уазика» обе сумки, свою и девушки, и, кивком позвав Нику, решительно направился в сторону избы. Девушке ничего не оставалось, как проглотить раздражение и двинуться следом за Шатровым.

Когда они отошли от машины уже на приличное расстояние, их окликнули:

– Стойте!

Оглянувшись, они увидели догоняющего их Федора.

– Я передумал! Лучше вместе быть, чем поодиночке.

– Вот это правильно! – громко одобрил Стас, и водитель похвалился:

– Я фонарь из машины прихватил, а еще спички и старые газеты. Вдруг в домишке печка какая сохранилась...

К их удивлению, проход к двери оказался расчищенным от снега, а сама дверь, хоть и казалась с виду прочно вросшей в порог, открылась довольно легко, будто ее недавно отворяли.

– Возможно, охотники тут останавливались, – высказал предположение водитель, и Стас не преминул отпустить шпильку в адрес деревенских предрассудков:

– Вот видите, Федор, не мы первые собираемся тут переночевать. А вы – «проклятое место, проклятое...». Забудьте!

Мужичок заметно приободрился и первым вошел в темное помещение.

На них дохнуло холодом и застоявшимся запахом сырости, гнилого дерева и еще чего-то неприятного, от чего Ника брезгливо сморщила нос. Не лучше ли было остаться в машине? Но Стас, взяв у Федора фонарь, уже приступил к осмотру дома.

– Не хоромы, но переночевать можно! – известил он, поднимая фонарь выше, чтобы и другие смогли увидеть помещение. Свет выхватил из темноты старый стол, стоящий посреди большой комнаты, сломанный стул, старинный буфет и печь, к которой немедленно бросился Федор, но тут же и разочарованно протянул:

– Не получится растопить. Дров нет...

Ника лишь скривила в усмешке губы: ну что за наивность – ожидать, будто в давно пустующей избе кто-то заботливо оставит дрова, чтобы незадачливые путешественники могли переночевать в тепле. Но не успела она открыть рот, чтобы заявить о своем желании вернуться в машину, как Стас, отправившийся с фонарем исследовать вторую комнату, обрадованно закричал:

– Тут сохранилась кровать с матрасом! И при желании на ней могут поместиться двое. А еще я вижу шкаф... Ба! А в шкафу кое-что есть! Кажется, одеяла. В общем, устроиться можно!

Ника направилась на голос и оказалась в маленькой комнатушке, в которой действительно стояла старинная металлическая кровать с голым матрасом. Шатров, поставив фонарь на пол и присев на корточки перед покосившимся шкафом, уже вытаскивал из него какое-то тряпье.

– Тулуп... Одеяло... Это не знаю что, на попону похоже...

Ника подцепила одеяло пальцами и брезгливо сморщилась. На ощупь оно показалось сырым. Или, может быть, просто холодным?

– Ника, давай без капризов. Другого выхода нет, нам придется остаться

здесь до утра. Всего несколько часов, можно и потерпеть, – словно прочитал ее мысли Стас. В его голосе больше не было раздражения и нетерпения, напротив, он ласково уговаривал девушку. И та почти сдалась:

– Может, лучше в машине? Там печка есть.

– Если мы останемся в «уазике» и включим печку, то посадим аккумулятор. И неизвестно, насколько тогда тут застрянем. А здесь, хоть и холодно, все равно теплее, чем на улице. Ветра, по крайней мере, нет. Закутаемся в тулупы и одеяло, прижмемся теснее друг к другу, так и проведем ночь. А утром или за помощью в деревню отправимся, или своими силами обойдемся. Главное, чтобы нового снега за ночь не намело.

– Эй, как вы тут? Я тоже кое-что нашел! – В комнату зашел Федор с зажженной свечой в руке. – В буфете запас свечек обнаружился!

– Отлично! За такую находку, Федор, выделяем тебе тулуп. И еще тряпья, его тут много. Мы с Никой устроимся спать на кровати, а тебе, как деревенскому жителю, постелем на печи, – засмеялся Стас.

Водитель поддержал шутку:

– И-ех, жаль, что печь не топлена!

Наспех перекусив купленными еще утром в городском кафе бутербродами и пирожками, они легли спать. Ника со Стасом – в маленькой комнатушке, Федор – в большой, на холодной печи.

Несмотря на изрядную усталость, девушка долго не могла уснуть. Ей было тесно вдвоем с Шатровым на узкой кровати, холодно, несмотря на кучу тряпья, которым они укрылись, и неудобно в верхней одежде. От дубленки Стаса пахло кожей, сладковатым одеколоном и чужим домом, и эта смесь запахов была незнакомой, неродной, раздражающей. Ника неуклюже повернулась к мужчине спиной и закрыла глаза. Из соседней комнаты доносился храп спящего Федора: тот, забыв, видно, про свои страхи, уснул практически мгновенно. Ей же, похоже, предстояло коротать ночь без сна. Попали в приключения...

Все началось с Эдички, вернее, с отрывков из его рукописи.

Эдуард был бывшим сокурсником Ники. Можно было обмануться невысоким ростом и субтильным телосложением и принять Эдичку за подростка, однако дрябловатая, болезненной желтизны кожа с унылыми складками возле губ выдавала его истинный возраст. Непривлекательная внешность породила глобальные комплексы, и Эдуард избегал общения не только с девушками, но и с сокурсниками, преподавателями и уж тем более – с незнакомыми людьми. Многие недоумевали, почему он выбрал журфак – с его-то патологической стеснительностью и неумением кратко и емко

излагать информацию. Учился Эдуард неплохо, но статьи у него не получались, а получались пронзительные, наполненные вселенской грустью стихи. И еще романы – фантастические, буйный мир которых был так не похож на нежный и ранимый внутренний мир автора. Эдичка куда уверенней чувствовал бы себя в литературной среде, чем в журналистике, но упрямо продолжал тянуть лямку выбранного факультета. Быть может, из-за Ники.

Была у Эдуарда, помимо неказистой внешности, еще одна беда: беспокойная, переходящая в нездоровую подвижность суетливость. Даже на лекциях он не мог усидеть на месте, без конца ерзал и подскакивал на стуле, а то принимался тарабанить по столу нервными и длинными, как у пианиста, пальцами, что несказанно раздражало сокурсников. Мало кто хотел сидеть за одной партой с Эдичкой.

Однажды на втором курсе Ника случайно села с ним. И, видимо, потому, что ни разу за всю лекцию не шикнула на него и даже позволила ему пару раз заглянуть в свой конспект, а после занятий попрощалась с вежливой улыбкой, Эдуард проникся к девушке нежными чувствами. Он старался не надоедать Нике своими ухаживаниями. Он просто здоровался с ней, застенчиво улыбался, отчаянно краснея, и иногда провожал девушку от университета до метро. Поначалу такое ненавязчивое внимание немного раздражало Нику, но потом она привыкла к Эдичке. И хоть на курсе его считали странным из-за его замкнутости, был он далеко не глупым молодым человеком, начитанным и эрудированным. Одним из увлечений Эдуарда было составление различных кроссвордов, литературных шарад и ребусов, которые охотно печатали в газетах и журналах.

Окончив университет, Эдичка не отправился работать по специальности, а засел дома – составлять кроссворды и писать свои фантастические романы. Как-то ему повезло, и один из его опусов в сокращенном виде был опубликован в известном толстом журнале. Но на этом везение и закончилось. Издательства сыпали отказами, ссылаясь то на заполненный портфель, то на неформатность рукописей. Но Эдичка не унывал и проявлял завидное упорство, надеясь когда-нибудь опубликовать все свои сочинения.

С Никой они продолжали общаться и после окончания вуза. Девушка всегда была желанной гостьей в доме Эдуарда, его родители приняли ее как родную – похоже, надеялись, что когда-нибудь она выйдет замуж за их робкого и некрасивого сына. Но Ника любила совсем другого человека...

Четыре с половиной месяца назад Эдуард позвонил ей и, поделившись, что начал очередной роман, возбужденно прокричал в телефонную трубку:

– Это будет «бомба»! Никак иначе! И, между прочим, сюжет будет построен на реальных событиях!

– Так это не фантастический роман? – спросила Ника скорее из вежливости, чем из искреннего интереса. Эдуард всегда, когда начинал работу над новой рукописью, громогласно объявлял, что выйдет шедевр.

– Нет. Это будет роман в несколько ином жанре. Хотя и с невероятными, на первый взгляд, событиями. Но вся соль-то в том, что события – реальные!

– Задумал написать гламурный роман-скандал о шоу-бизнесе? – с иронией предположила девушка.

– Нет! Что ты! Не гламурный и не о шоу-бизнесе, но от этого не менее скандальный. Извини, сейчас не могу рассказать, но потом – обязательно.

После того разговора Эдуард пропал – увлекся рукописью. Ника тоже была занята, поэтому они даже не созванивались. И лишь спустя несколько месяцев приятель объявился. Помнится, в тот вечер Ника очень торопилась: накануне договорилась об интервью с модным писателем, за которым «охотилась» вот уже месяц. Автор нашумевшего бестселлера назначил встречу в очень неудобном для девушки месте и предупредил, что для интервью может выделить лишь полчаса, поэтому Ника боялась опоздать. Но едва она выскочила из редакции, как во дворе заметила знакомую, нервно подпрыгивающую на месте фигуру. «Как некстати», – с легким раздражением подумала она тогда, но приветливо улыбнулась старому другу:

– Привет, Эдуард! Меня ждешь?

Парень подскочил на месте, будто от неожиданности, хотя на самом деле видел, что Ника к нему приближается, и привычно засуетился:

– Нет... Да. Только ты не подумай... Я вот... Если тебе не помешал...

– Эдуард! – строго перебила Ника, уже по опыту зная, что, прежде чем начать разговор, приятель будет долго и нудно расшаркиваться в извинениях, мямлить и заикаться.

– Я с тобой поговорить хотел, – наконец выдал Эдичка и, густо покраснев, добавил: – О моем последнем романе.

Ника еле сдержала вздох досады: подобные разговоры могут длиться часами. Причем говорить будет Эдичка, а ей придется довольствоваться междометиями, поспешно втиснутыми в узкие паузы между его фразами.

– Эдуард, извини, у меня сейчас совсем нет времени. Опаздываю на важное интервью. Может быть, в другой раз?

Он сразу как-то сник, занервничал еще больше и, чтобы скрыть свое разочарование, улыбнулся, но улыбка вышла жалкой.

– Да, да, конечно. В другой день. Я должен был позвонить тебе заранее, чтобы...

– Так ты закончил рукопись?

– Да, но понимаешь... – Он замялся и нервно оглянулся по сторонам, будто проверяя, не подслушивает ли их кто. – Я ее уничтожил.

– Почему?!

– Об этом я и хотел поговорить, но это долгий разговор. Мне нужно будет тебе кое-что рассказать.

– Мы можем поговорить завтра! – предложила Ника. И Эдуард обрадованно согласился.

Он проводил девушку до метро. По дороге они больше не заговаривали о рукописи; Эдичка расспрашивал Нику о тех незначительных событиях, что произошли в ее жизни за те три месяца, когда они не виделись, но было заметно, что слушал он рассеянно, будто продолжал думать о чем-то своем. Еще девушке показалось, будто был Эдуард чем-то сильно встревожен, если не сказать напуган. И вот когда они попрощались, он, будто внезапно решившись, окликнул уже начавшую спускаться в метро девушку:

– Ника, подожди! Вот, возьми! – Он вытащил из-за пазухи сложенный вдвое конверт формата А4 и протянул ей. – Я уничтожил рукопись, но кое-что оставил. Здесь немного. Остальное тебе потом отдам. Завтра встретимся, и я все объясню. Хорошо?

– Ладно, – согласилась Ника. – До завтра!

Но на следующий день они так и не встретились, потому что Эдичка неожиданно умер. Как сказали врачи – от сердечной недостаточности.

В пакете, который он успел передать Нике, оказалось всего три листа с отрывками из романа – настолько короткими и мало связанными между собой, что понять замысел автора не представлялось возможным. На полях одного из листов неровным Эдичкиным почерком был написан адрес некой Акулины Васильевны: N-ская область, деревня Лески. И рядом стояло три восклицательных знака, обведенные неровным кругом. «Я долго собирал материал», – вспомнилось позже Нике, и она подумала, что часть задуманного Эдичкой романа, возможно, была построена на рассказах неизвестной Акулины Васильевны. Девушка решила, что при первой возможности съездит в деревню Лески и побеседует с этой женщиной. Видимо, так хотел Эдичка, иначе зачем написал на полях ее адрес? Но прошло полтора месяца, прежде чем Ника нашла время и возможность отправиться в Лески. И, к сожалению, опоздала.

...Засыпая, она услышала, как Стас завозился и встал.

– Ты куда? – не открывая глаз, в полудреме поинтересовалась девушка.

– Спи, спи. Я сейчас.

Чуть позже раздалось клацанье кнопок мобильного телефона, и Стас громким отчаянным шепотом попросил:

– Лерка, ну возьми же трубку!

Уже погружаясь в тревожный, наполненный неприятными обрывочными видениями сон, Ника услышала, как Шатров выругался в адрес Федора, который куда-то подевал фонарь.

Ранним утром Нику разбудил вопль. Девушка испуганно открыла глаза. Стаса рядом не было, а из другой комнаты доносились завывания. Ника вскочила и, путаясь в тряпье, которым укрывалась ночью, выбежала на голос.

Прямо на полу, обхватив руками взлохмаченную голову, сидел Федор и громко, по-бабьи визгливо причитал.

– Федор... – начала Ника и тут же осеклась, увидев Стаса. Тот лежал на полу навзничь, широко раскинув руки и устремив невидящий взгляд в потолок. Рядом валялся фотоаппарат, с которым Шатров практически никогда не расставался, и выпавшая из мертвого кулака толстая оплавленная свеча. Но больше всего Нику поразило то, что его великолепные смоляные волосы на висках побелели, словно покрылись густым инеем.

II

Как бы Нике ни хотелось поскорей попасть домой, ей пришлось задержаться в районном городке еще на ночь: когда закончились все неприятные беседы с местной милицией, выяснилось, что на Москву уже нет рейсов и ближайший автобус отправится только утром.

Уснуть она не смогла и всю ночь проплакала от страха и от жалости к Стасу и к самой себе, брошенной одной в этой страшной глуши. И едва забрезжил серый, словно покрытый толстым слоем пыли рассвет, торопливо собралась и почти бегом кинулась на вокзал.

В Москву Ника прибыла лишь к вечеру. Шагнув на грязный, но после всех приключений показавшийся самым родным и прекрасным на свете асфальт столичного автовокзала, она достала мобильный и набрала номер подруги.

– Оль, ты дома? Я к тебе приеду. Скоро. Можно?

Ольга ожидаемо ответила, что да, конечно, и, встревоженная ее расстроенным голосом, поинтересовалась, что случилось.

– Потом расскажу. – Ника не стала вдаваться в подробности по телефону, спрятала мобильник в сумку и направилась в сторону метро.

Дома у Ольги было как всегда тепло и уютно. И сама хозяйка, румяная и аппетитная, как свежеиспеченная булочка, хлопотала на кухне, легко, словно играючи, замешивая тесто для пирожков. Ника с долей зависти наблюдала за ловкими движениями Олиных рук, с сожалением признавая, что она, Ника, совершенно не приспособлена к ведению хозяйства. Печь она так и не научилась, как ни пробовала.

– Скоро будут готовы, – Ольга поставила противень с пирогами в духовку и достала из холодильника пакет с молоком. – Потерпишь?

Ника хотела возразить, что она не голодная и пришла сюда не ради пирожков, но вместо этого молча кивнула. Подруга задержала на ней сочувственный взгляд, но не стала задавать вопросов. Все вопросы были уже заданы.

– Может, тебе пока чаю налить?

Ника покачала головой. Она уже выпила две чашки, когда, захлебываясь словами и слезами, глотая окончания фраз, сбивчиво рассказывала подруге о своих злоключениях.

– Оставайся у нас, – уже в третий раз за вечер предложила Ольга. – Володя на дежурстве, Дарья спит. Куда ты ночью поедешь? И что будешь

делать дома одна? Предаваться грустным мыслям и страхам?

Ника вместо ответа благодарно улыбнулась. В доме близкой подруги ее всегда встречали как родную. Так было и раньше, когда девушки были еще школьницами, так было и сейчас, когда подружка вышла замуж и переехала к мужу. Видимо, все дело было в особом уюте домашней обстановки, который вначале создавала Олина мама, а теперь – сама Ольга.

– Володя твой придет с дежурства уставший, а тут я – нежданная гостья... – привела слабый довод Ника, уже зная, что ей на это ответят.

– Когда это Вовка считал тебя «нежданной гостьей»? Наоборот, когда ты не приходишь, спрашивает, что случилось и где ты!

Ника лишь улыбнулась. Между ней и мужем подруги сложились особые, «шефско-отеческие», как их называла Ольга, отношения.

– И все по-прежнему мечтает меня откормить? – спросила Ника. Это была давняя шутка, превратившаяся в традицию. Владимир частенько беззлобно подшучивал над ее мальчишеской худобой и, поглаживая себя по наметившемуся с возрастом (он был старше девушек на одиннадцать лет) животу, приглашал подругу жены приходить в гости чаще – откармливаться на пирогах. В ответ Ника парировала, что пироги она, конечно, с удовольствием съест, но вот беда – не в коня корм. И что лучше она накопит денег и однажды обратится в Володину клинику, где тот работал пластическим хирургом, «нарастить телеса» искусственным путем.

– Ты скажи своему мужу, что, пока он не оставит эту бесполезную идею – закормить меня до ожирения, которое мне не грозит, – я буду приходить к вам не часто. Кстати, в следующем номере выйдет моя статья о пластической хирургии, в которую я включила интервью с Володей. Передашь ему?

– Передам, – улыбнулась Оля, но, услышав из комнаты хныканье трехлетней дочери, нахмурилась. – Дарья проснулась. Ник, последи за пирогами. Если я минут через пятнадцать не вернусь, выключи духовку, ладно?

Ника кивнула, а когда подруга вышла с кухни, прислонилась затылком к стене и прикрыла глаза. Ей не хотелось думать о Стасе, но мысли, дождавшиеся ее одиночества, накинулись сейчас, будто волки на раненую и измотанную жертву. И девушка, безропотно отдавшись им на растерзание, словно перенеслась из знакомой, пахнувшей выпечкой кухни в другое помещение – чужое, стылое, страшное произошедшим в нем несчастьем. Почему Стас умер? Он не должен был умирать. Он не должен был лежать там, в этом брошенном доме на промерзлом полу, нелепо раскинув руки и запрокинув искаженное ужасом лицо к подгнившему потолку. Отчего он

умер? Этого не смогли сказать ни местный фельдшер, приглашенный засвидетельствовать факт смерти, ни единственный на три деревни милиционер. На теле Стаса не было никаких повреждений. Он будто умер... от страха. Что он мог увидеть такое, что напугало его до смерти – в буквальном смысле слова?

Так же умер и Эдичка. На его лице тоже застыла маска ужаса. В медицинском заключении причиной смерти значилась сердечная недостаточность, но Эдуард, несмотря на тщедушное телосложение, излишнюю нервозность и хронический насморк, был здоров. По крайней мере, никогда не жаловался на сердце.

Стас тоже был молодым здоровым мужчиной, куда здоровей и крепче Эдички... И если впечатлительного Эдуарда можно было сильно напугать, то циничного Шатрова – вряд ли. Ника вздрогнула и открыла глаза. Она еще долго будет вспоминать его лицо, обезображенное смертью и ужасом.

Спохватившись, девушка бросила взгляд на часы и выключила духовку. Из комнаты доносились голоса: тонкий картавый Дашкин и Ольгин – уговаривающий, ласковый, наполненный любовью. Дарья ни в какую не хотела засыпать без сказки.

«Никчемное и бесполезное ты существо, Ника: ни семьи, ни ребенка... Был единственный преданный поклонник Эдичка, да и тот умер. А как утешительный приз осталась бестолковая, как и ты сама, безответная любовь, скорее похожая на первую влюбленность девочки-подростка с комплексами, чем на любовь двадцативосьмилетней женщины».

Вздыхнув, Ника поднялась и вышла из кухни. Заглянув в детскую комнату, она увидела, что Ольга сидит рядом с Дашиной кроватью и читает дочери книжку.

– Ник, я еще минут десять-пятнадцать. Если не трудно, вытащи пироги из печи и накрой противень фольгой. Минут через пять можешь начинать пировать, я к тебе присоединюсь, как только уснет Дарья.

– Я тебя дождусь, – пообещала Ника и вышла из комнаты. В коридоре она взяла свою сумочку и зашла в ванную, чтобы привести себя в порядок.

После умывания прохладной водой лицо немного посвежело, но все равно выглядело очень уставшим. Может, и правда принять приглашение Ольги и остаться у нее на ночь? Но так ничего не решив, Ника вернулась на кухню. Вытаскивая пироги из духовки, она ожидаемо обожгла палец.

– Как всегда, неловкая... – Отдернув руку от горячего противня, девушка сунула обожженный палец в рот и в ожидании подруги вновь села за стол.

Ольгу пришлось ждать долго: видимо, Даша все никак не хотела

засыпать. Зато в сон стало клонить Нику, убаюканную домашним спокойствием теплой кухни, аппетитным запахом свежих пирогов и наконец-то пришедшим осознанием, что она уже дома, в Москве. Девушка поморгала и даже потрясла головой, силясь прогнать сонное состояние, но очертания предметов кухонной обстановки постепенно стали расплываться и словно заволакиваться дымкой. И вот Ника видит уже не плиту и настенные шкафчики, а заснеженное поле и себя со спины – бегущую куда-то через это поле. С трудом выдергивая ноги из снега, она пытается от чего-то убежать или, наоборот, куда-то успеть. На ней нелепая одежда: не куртка, не шуба, а нечто похожее на старый деревенский тулуп, подпоясанный к тому же веревкой. Один раз Ника спотыкается и падает. И так явно чувствует холод в руках, словно ее ладони и в самом деле погружаются в снег. Но она тут же вскакивает и снова, спотыкаясь, бежит куда-то в начавшую подергиваться сумерками даль. Ника не слышит своего голоса, но знает, что кричит – с надрывом, отчаянно, без надежды быть услышанной. Ее короткие рыжие волосы растрепались от бега и ветра, а веревка, подпоясывающая «тулуп», развязалась и волочится по снегу. И в голове пульсирует лишь одна мысль: «Убежать!» Убежать от этого страшного места, от выпущенной на свободу смерти. На ходу она оглядывается, будто желая проверить, не преследует ли ее кто. Но это уже не она, а растерянный, перепуганный мальчишка лет тринадцати-четырнадцати, чем-то напоминающий ее саму: такой же рыжий, с худым скуластым лицом и россыпью бледных веснушек на носу. Только глаза у мальчишки не зеленые, как у Ники, а светло-карие, белесыми ресницами и испуганным выражением напоминающие кроличьи.

Наконец мальчик останавливается – резко, будто наткнувшись на невидимую стену. Неуверенно подняв руку, он трогает воздух перед собой и тут же со смиренным обречением опускает руку.

«Ника...» – словно услышав свое имя, мальчишка резко оборачивается...

– Ника, Ника!

Девушка почувствовала, что ее тормозят за плечо, открыла глаза и увидела перед собой Ольгу. Выражение лица подруги было встревоженным. Ника, хмурясь со сна, поморгала и подняла вопросительно брови.

– Ты уснула... – Ольга сделала паузу и тоже нахмурилась. – И закричала во сне. Я испугалась и...

– Закричала? Надо же... Я разбудила Дашу?

– Нет.

– Хорошо, – ответила девушка и, морщась, словно от головной боли, потерла пальцами виски. Приснившийся мальчик был персонажем из рукописи Эдички, и Ника будто в него перевоплотилась. И хоть в тех отрывках, которые у нее были, Эдуард не дал подробного описания героя, Нике казалось, что приятель списал бы его внешность с нее. Просто в каждом его романе один из персонажей обязательно походил внешностью на Нику.

– Ну, как, решила остаться у нас? – перебил ее мысли голос подруги.

– Не знаю, Оль. Скорей всего нет. – Она подумала, что неплохо было бы дома еще раз перечитать отрывки.

– Вот поедим пирогов, тогда, может, и передумаешь, – с надеждой произнесла Ольга и, отвернувшись к плите, добавила: – Брат позвонил. Сказал, что скоро приедет.

– Андрей? – встрепенулась Ника. Вот черт, не ожидала... Не ожидала, что в груди обожжет так сильно и знакомо лишь только при одном упоминании об Андрее. – Я... Я пойду.

– Куда? – развернулась Ольга и недоуменно посмотрела на неожиданно засуетившуюся подругу. – Куда ты пойдешь?

– Домой. Куда же еще? – улыбнулась Ника, постаравшись, чтобы ее слова и поведение выглядели естественно, не выдали нервозности. Но улыбка вышла натянутой и жалкой.

– Вот поешь пирогов, тогда и топай, куда хочешь. Я попрошу Андрея, чтобы он отвез тебя.

– Нет, нет, не надо, – замотала головой Ника. И Ольга посмотрела на нее с еще бо́льшим недоумением.

– Ник, тебя что, напугал визит Андрюхи?

– Нет, нет, конечно. При чем тут он... – неестественно засмеялась она и села обратно за стол. Ольга снова подозрительно покосилась на нее и отвернулась к плите.

– Хорошо, что я пироги затеяла! И тебя накормлю, и Андрея! Лилька вряд ли ему печет. Подождем его, а?

Ника рассеянно кивнула. Ольга, выкладывая пироги в большую миску, продолжала что-то оживленно рассказывать – уже не про Андрея, про дочь. Ника слушала ее вполуха, задумчиво обводя пальцем рисунок на скатерти. Закорючки, незамкнутые кривые... Вот такая и ее жизнь – крючочки и рваные линии каких-то малюсеньких событий на однотонном полотне повседневности. И таким же незамысловатым зигзагом на короткий, как вспышка молнии, момент иногда в ее жизни появляется Андрей.

Когда они виделись в последний раз? Еще в августе, на Володин день

рождения, когда большой «семейной» компанией выезжали за город на шашлыки. Андрей, конечно, был с Лилей и с Никой перекинулся лишь парой вежливых фраз. С тех пор они не виделись, даже на Новый год, потому что Андрей праздновал его в каком-то подмосковном пансионате.

– Ты меня не слушаешь?

Мягкий голос подруги вернул в реальность, Ника сморгнула и, покраснев, виновато улыбнулась:

– Прости...

– Ты выглядишь очень уставшей и расстроенной.

– Немудрено, – пробормотала Ника, намекая на свои приключения.

– Ладно, раз не хочешь оставаться, тогда пусть уж Андрей отвезет тебя. Я попрошу его, даже если ты и возражаешь!

Ника обреченно кивнула в ответ и почти равнодушно подумала, что было бы лучше, если бы она ушла раньше, до того, как приедет Андрей. Не хотелось, чтобы он видел ее такой: взъерошенной, без косметики на уставшем невыразительном лице, в старых джинсах и еще более старом растянутом свитере. Да впрочем, какая разница. Для Андрея она останется незаметной хоть в протертых джинсах, хоть в шикарном вечернем платье. Лишь для нее их встречи не проходят безболезненно и «реабилитационный период» потом растягивается на неопределенные сроки. Рецидивы, твою мать, этой застарелой, безнадежно ввевшейся в сердце любви, с самого начала обреченной на невзаимность.

Брат Ольги приехал минут через десять. Он вошел в кухню, и вместе с ним ворвался свежий запах вкусного морозного воздуха. Коротко стриженные русые волосы Андрея, его покрасневшие щеки, обветренная кожа рук, свитер и брюки были пропитаны этим волнующим запахом, который, смешавшись с ароматом выпечки, придал еще больше уюта небольшой кухне. И эта смесь запахов вызвала у Ники приступ болезненной ностальгии по тем временам, когда ее надежды и мечты еще не казались несбыточными.

– Привет, Рыжик! – бодро, как всегда, поприветствовал он девушку и даже в шутку взъерошил ей волосы.

– Привет, – кисло улыбнулась она в ответ и покраснела. О, как она ненавидела себя за этот румянец, так предательски выдававший каждый раз ее волнение и заставляющий ее чувствовать себя в обществе Андрея робкой школьницей, а не молодой женщиной!

– Как успехи у борца за правду?

Этот вопрос он задавал ей каждый раз при встрече. И Нике каждый раз в нем слышалась ирония. Вот если бы она писала о политике и вела бы

репортажи из «горячих точек», тогда бы, наверное, в глазах Андрея ее профессия имела куда больший вес.

– Нормально, – уклончиво ответила она и опустила взгляд на досконально изученный узор на скатерти.

– Да где уж нормально! – возразила Ольга. И прежде чем Ника успела что-либо произнести, выпалила: – Наша Рыжая в та-акие приключения попала! Перенервничала – дай боже. До сих пор не отошла.

Андрей, который в это время брал из миски пирог, так и замер с протянутой рукой.

– А что случилось? – игнорируя сестру, он обратился именно к Нике. Серьезно, без иронии, встревоженно хмурясь и внимательно глядя ей в глаза. И от этого его взгляда голубых, как у Ольги, глаз и заботливой тревоги в голосе Нике захотелось расплакаться. Короткое счастье замерзшего и голодного щенка, которого сердобольный прохожий сочувственно погладил по спинке. Но... прохожий, поумилявшись и поцокав языком, вскоре уйдет, уже через минуту забыв о рыжем смешном щенке, в маленьком сердечке которого ненадолго поселилась надежда. Ника отдавала себе отчет в том, что Андрей никогда не полюбит ее – угловатую, неловкую, и правда порой напоминающую неуклюжего рыжего щенка. И старалась не строить иллюзий. Хоть это и было тяжело.

– Ох, рассказывать долго... – Так как Ника молчала, за нее ответила Ольга.

– А я не тороплюсь, – усмехнулся Андрей и обеими ладонями придвинул к себе кружку с молоком. Ника задержала взгляд на его пальцах – с обветренной грубой кожей и коротко обстриженными ногтями, с обручальной полоской золота на безымянном пальце – на секунду, и тут же опустила глаза. Единственный мужчина – такой родной и близкий и в то же время очень далекий, чужой.

Ольга немедленно принялась пересказывать брату все услышанное от подруги. Ника продолжала молчать, не перебивая Ольгу, не дополняя ее рассказ.

– Лихо! – удивленно присвистнул Андрей, дослушав рассказ сестры, и повернулся к Нике, будто ожидая от нее каких-то дополнений. Но та быстро отвела взгляд и, посмотрев на часы, поспешно произнесла:

– Мне пора домой.

– Андрей, отвезешь Нику? – попросила Ольга брата, и тот великодушно ответил:

– О чем речь! Конечно.

Квартира, оставленная ей родителями, показалась как никогда огромной и пустой. Привыкшая к одиночеству и тишине, Ника сейчас подумала о том, что, пожалуй, была бы рада присутствию родителей. Но те уже второй год жили в Америке: отцу по работе предложили выгодный контракт. Ника же наотрез отказалась уезжать, хоть родители и звали ее с собой.

Включив музыкальный центр, она неприкаянно бродила из комнаты в комнату, машинально перекладывая с места на место мелкие предметы в виде компакт-дисков, журналов, пультов от телевизора и музыкального центра. Первоначальное желание сразу по возвращении домой взяться за перечитывание Эдичкиного шедевра растворилось в кисло-сладкой грусти, разбуженной встречей с Андреем.

Всю дорогу в машине Ника промолчала, упрямо отвернувшись к окну и страдая от своей неразговорчивости. Андрей, утомленный рабочим днем, тоже отмалчивался. Тишину в машине нарушали лишь иностранные баллады, тихо льющиеся из автомагнитолы. Вслушиваясь в знакомые песни, Ника с легкой грустью думала, что им с Андреем нравится одинаковая музыка. И вздрогнула, когда неожиданно (а может, и ожидаемо) зазвучала песня Duran Duran «Como Undone». «Ты помнишь?...» – чуть не спросила она, поддавшись порыву, у Андрея, но вовремя остановилась. Нет, вряд ли он помнит. У него эта баллада не ассоциируется с вечером, который для нее стал поистине волшебным.

...В тот год, когда Ника с Ольгой оканчивали школу, Андрей переходил на последний курс военного училища. Учился он не в Москве и домой приезжал лишь на каникулы. С Никой за эти четыре года его учебы в училище они виделись раза три, и то мельком. Девушка всегда немного робела перед старшим братом своей подруги. На выпускной вечер сестры Андрею удалось приехать, хоть каникулы у него еще не начались. Он досрочно сдал экзамен, а до следующего еще было время, и его отпустили на три дня в Москву на торжество. Приезд брата оказался приятным сюрпризом для взволнованной Ольги. И для Ники тоже. Она не сразу узнала в высоком статном парне в военной форме, вошедшем в актовый зал, где начиналась церемония вручения аттестатов, брата своей близкой подруги. И только когда Ольга дернула ее за рукав нарядного платья и восторженно прошептала: «Смотри, какой Андрюшка у нас красавец!» – повернула голову и... залилась краской.

Всю церемонию Ника пробыла словно во сне и даже прослушала свою фамилию. И лишь когда одноклассники со всех сторон зашикали на нее, очнулась и обнаружила, что внимание зала приковано к ней. С пунцовыми

щеками и на деревянных ногах Ника под добродушный смех публики вышла за аттестатом, чувствуя себя так неловко, словно ее прилюдно раздели. Она не слышала напутственных слов директрисы, все ее мысли были заняты Андреем, который сидел в этом зале в толпе родственников и видел ее. И, может быть, улыбался, наблюдая, как ей вручают аттестат, и вместе со всеми хлопал в ладоши, поздравляя ее.

А потом была дискотека. Разогретые первым легализованным родителями спиртным одноклассники и одноклассницы залихватски отплясывали под хиты того времени и целовались по углам и во время медленных танцев. Нику тоже приглашали танцевать, но она отказывалась. Ей хотелось найти Ольгу, которая куда-то исчезла, и спросить... Спросить хоть что-нибудь об Андрее. Или просто помолчать в компании такой близкой и родной подруги, которая бы правильно поняла ее молчание и неожиданно возникшую тоску и ни о чем не стала бы расспрашивать. Но Оля куда-то пропала. Ника металась по залу среди танцующих однокашников, ходила по пустынным школьным коридорам, заглядывала в кабинеты, двери в которые не были заперты. И, устав от безуспешных поисков, уселась на подоконник на лестничной площадке между этажами и чуть не заплакала от одиночества, показавшегося особенно острым на фоне дискотечного шума, доносящегося до этого укромного уголка приглушенной волной.

Андрей сам нашел ее.

– Вот ты где! И что ты тут делаешь? У тебя же праздник!

Ника молча пожала плечами, не зная, что сказать.

– Мы тебя потеряли, и Ольга снарядила меня на поиски.

– Я тоже искала... Ольгу, – невнятно пробормотала Ника, с трудом справляясь с волнением.

Андрей почему-то засмеялся. А затем позвал:

– Пойдем лучше потанцуем.

Не дожидаясь Никиного ответа, он взял ее за руку и повел в полутемный зал, где проходила дискотека.

«...Моя безупречная мечта обрела жизнь и оболочку. Я ждал тебя...»

– интимно нашептывал солист Duran Duran.

– Знаешь, а я тебя... люблю, – пролепетала, тая от сладкого голоса певца, Ника.

– Любишь? – недоверчиво засмеялся Андрей.

– Да. Как... Как брата, – спохватившись, поправилась она. И покраснела. Хорошо, что Андрей не увидел в темноте ее пунцовых щек.

– А-а, ясно, – без всякого выражения протянул он. И крепче прижал к

себе обомлевшую от счастья девушку.

«...Неужели ты не можешь сделать так, чтобы все не расходилось по швам?.. Неужели я верю, что ты разбиваешь мое сердце на части?..»

– Мне нравится эта песня. А... можно я тебе буду писать?

– Можно, – усмехнулся Андрей и весело добавил: – Почему же нельзя?..

«...Это займет некоторое время и, возможно, отчасти будет преступлением, если я сейчас потерплю поражение...» – звучало на английском в тот вечер.

«...Мы постараемся не замечать ни надежду, ни страх...» – слышалось сегодня у Андрея в машине.

«...Кто тебе нужен, кого ты любишь, когда ты терпишь поражение?..» – раздавалось сейчас в Никиной квартире.

Она и правда писала ему в течение года после своего выпускного. И он исправно отвечал ей. Только напрасно Ника гадала, как на ромашке, на фразах из писем Андрея, любит ли он ее, и отыскивала скрытый между строк другой смысл его писем. Напрасно. Андрей, окончив через год училище, вернулся в Москву вместе со своей будущей женой...

От воспоминаний стало горько, как после полынной настойки. Ника прекратила бессмысленное кружение по квартире, выключила музыку и вытащила из ящика письменного стола конверт. Испытанное противоядие от непрошенных мыслей – работа. Статьей она займется завтра, а сейчас стоит перечитать, как и хотела изначально, рукопись Эдички.

Захватив конверт с собой, она отправилась на кухню, включила электрический чайник и бросила в чашку чайный пакетик. В ожидании, когда закипит вода, взяла первый лист, тот, на котором был написан адрес Акулины.

«... – Не бойся...»

Голос стал более различимым. Мальчик приоткрыл глаза и увидел старца, лицо которого было настолько испещрено морщинами, что напоминало высохшую кору многовекового пня. Однако пальцы старика, ощупывающие мальчика, оказались ловкими и живыми, будто у молодого. От них исходило приятное успокаивающее тепло, и мальчик, доверившись их бережным прикосновениям, закрыл глаза.

– Жив-то, и ладно, а остальное поправим, – приговаривал старик, укутывая замерзшее тело ребенка в какое-то тряпье. – Обмерз... Сколько же ты в снегу пролежал?

Мальчик почувствовал, что его подхватили и куда-то понесли. Руки у деда, как и пальцы, оказались сильными и молодыми.

По дороге старик бормотал себе под нос, гадая, каким образом мальчуган мог оказаться в безлюдном месте, на окраине леса, в сугробе. Мальчику хотелось рассказать, что его выгнала из дома мачеха, что шел он в город, но в пути сбился с дороги, проголодался и замерз; но он оказался настолько обессиленным, что не смог издать ни звука. Сквозь полуприкрытые веки он видел холодные звезды, казавшиеся на черном бархате ночного неба крупными серебряными монетами, а половинка месяца напоминала желанную горбушку хлеба. Это были последние мысли мальчика перед тем, как он вновь ушел в глубокое и долгое забытие. И уже не видел, как старик внес его в избу, одиноко стоявшую на краю заснеженного поля.

Болея мальчик тяжело и долго, но старик выхаживал его: отпаивал отварами трав, от которых по помещению разносился пряный дух, оборачивал истощенное тело тряпками, пропитанными настойками, и, накладывая сухие и прохладные ладони на горячий лоб ребенка, бормотал под нос слова заговоров.

Зима сменилась весной, мальчик окончательно поправился, но не ушел от старика. И пусть тот был строг с ним и за небольшие провинности сурово наказывал, мальчик не собирался покидать своего спасителя. И в качестве благодарности помогал ему вести нехитрое хозяйство.

Жил старик затворнически, людского общества избегал, сделал исключение лишь для «найденыша», как он называл мальчика. Но иногда в дверь избы раздавался стук – это приходили жители окрестных деревень просить помощи. Об отшельнике ходила слава знахаря, и с любыми недомоганиями обращались к нему. Старик никому не отказывал, молча собирал в котомку мешочки с сушеными травами и пузырьки с настойками и шел к больному. За помощь ему щедро платили – хлебом, молоком, яйцами, овощами. Тем он и жил.

Если не считать визитов к больным, старик почти не отлучался из дому. Только собирать травы, да иногда, в полнолуние, куда-то уходил в ночь. Возвращался он на рассвете и как будто помолодевший, с живым блеском в выцветших глазах. И весь следующий день после ночной отлучки старик был добр с найденышем, хоть и не особо разговорчив. Однажды мальчик, воспользовавшись тем, что его благодетель пребывал в наилучшем расположении духа, робко поинтересовался, куда и зачем уходит тот по ночам. «За травами! – последовал незамедлительный ответ. – Некоторые требуется собирать только в полнолуние. Лишь при таких условиях их лечебная сила раскрывается полностью». Ответ удовлетворил мальчика, и больше с расспросами он не приставал.

– Жрешь ты на халяву, – заметил как-то старик за нехитрым обедом из отварного картофеля, лука и хлеба. И так посмотрел на найденыша, что тот невольно опустил руку, так и не донеся кусок хлеба до рта. – Помощи мне от тебя мало.

Острый взгляд старца сердито сверлил мальчика, и тот не посмел возразить, лишь покорно понурил голову, разглядывая свои руки – в цыпках от грубой домашней работы.

– Парень ты неглупый. Обучу тебя кое-чему. Вот и будет мне от тебя польза.

– Целительство! Вы обучите меня целительству? – обрадованно вскрикнул мальчик, поднимая на старика сияющие глаза.

– Но-но, – остудил его пыл старик. – Мал ты еще для этого. Да и безграмотен. Для целительства нужно много знаний и сил.

– Я буду стараться. Вот увидите!

Мальчик будто в мольбе сложил руки перед грудью, но старик, пожав губами, сухо обронил:

– Поглядим.

Когда наступило лето, старик стал брать мальчика с собой собирать травы. Он обучал не только распознавать их, но и рассказывал, от какого недуга какую следует употребить. Показывал, как правильно сушить, как готовить настои и отвары. Мальчик запоминал все с лету, вскоре мог определять любую траву и безошибочно рассказывать, что и как ею лечится. Ему очень хотелось, чтобы старик был доволен им, чтобы похвалил и сказал, что из него выйдет неплохой лекарь. Но старик был скуп на похвалу. И даже, когда однажды мальчик попробовал сделать свой собственный сбор, отругал его за торопливость.

Так прошел год. Мальчик, познавший науку трав, все еще продолжал выполнять лишь «черновую» работу, которую ему доверил старик: собирал травы, сушил их, делал сборы и настойки. О дальнейшем обучении он не заикался, выжидал удобного момента. И однажды, когда старец, вернувшись из очередной ночной отлучки, пребывал в хорошем расположении духа, напомнил о своем желании узнать больше о целительстве.

– Помню, помню, – ворчливо отозвался тот, мрачняя на глазах. – Похвально, что решения своего ты не изменил. Да вот справишься ли...

– А что тут не справиться, – беззаботно отозвался мальчик. – Ежели я буду стараться!

– Одного старания мало, – резко ответил старик и вновь погрузился в тяжелое молчание, о чем-то размышляя. – Вот что, скажу тебе так, –

ответил он мальчику после долгой паузы. – Подумай хорошо, надобно ли тебе это. Уж коли решишь пойти по этому пути, назад ходу не будет. А дорога непроста, и, боюсь, ко многим вещам, которые тебе встретятся, ты не готов. Дело это хоть и благородное, счастья тебе оно не принесет. Ты видишь лишь одну его сторону, светлую, а есть и темная. Готов ли ты ее принять?

Мальчик про себя удивился, не понимая, что темного может быть в таком святом деле, как лечение больных, но вслух ничего не сказал. Лишь кивнул утвердительно.

– Хорошо, – решил старик. – Возьмусь за твое обучение. Будешь с умом внимать да язык за зубами держать, глядишь, и догонишь меня.

– Вас – вряд ли, – польстил старику мальчик. И искренне выдохнул: – Вы – лекарь от бога!

– От бога ли? – произнес старик с такой усмешкой, что мальчику вдруг стало не по себе. Он даже зябко поежился от холодка, прокатившегося вдоль позвонков. Но старик, стерев с лица усмешку, уже улыбался мальчику, так ласково, как никогда.

– Значит, не отступишься?

– Не отступлюсь, – уверенно ответил мальчик...»

Ника дочитала текст до конца, и одновременно с этим щелкнула клавиша автоматически выключившегося чайника. Девушка поднялась, плеснула в чашку кипятка, добавила сахара и, сев обратно за стол, задумчиво уставилась на дочитанный отрывок. Занятная история, но она ровным счетом ничего не объясняла. Действие происходило не в наше время, но определить его более точно не представлялось возможным. Недавно? В прошлом веке? Или вообще в древности? Эдичка, к сожалению, не оставил никаких зацепок. Ника задумчиво сделала несколько маленьких глотков из чашки, после чего придвинула к себе непрочитанный лист.

«...Каждое утро, задолго до рассвета мальчик вставал, наскоро умывался ледяной водой из кадки и, одевшись в неизменные мешковатые брюки, рубаху и – осенью и зимой – тулуп, выходил в поле.

Его работа была бы тяжела и для артели здоровых мужиков, но он справлялся с ней один, несмотря на истощенность. По всему полю, на краю которого располагался дом, с частотой шахматных фигур в едва начатой партии были разбросаны въевшиеся в землю многовековыми корнями пни. И мальчик принимался за их выкорчевывание. Он справлялся с ними один – непостижимым образом. Сторонний наблюдатель, случайно забредший в поле, подивился бы увиденному и, торопливо

перекрестившись, постарался бы поскорей уйти. Не может такой худой и юный отрок справляться со столь тяжелой работой! Чертовщина какая-то, ей-богу.

К ночи мальчик заканчивал работу. Последний пень всегда оказывался самым древним, крепким, он изо всех сил цеплялся корнями за материнскую землю, но в итоге нехотя, со стоном и скрипом, сдавался. Мальчик утирал со лба пот, который смешивался с кровью от содранных на ладонях мозолей, оттаскивал последний пень к остальным выкорчеванным и возвращался домой. Сил у него хватало лишь на то, чтобы дойти до избы и, неаккуратно сбросив мокрую от пота одежду в кучу, лечь на лавку. И когда его щека касалась отполированной временем потемневшей древесины, старик молча поднимался со своего места, подпаливал пучок сушеных трав и дымом окуривал тесное помещение. Пряный запах слегка одурманивал, и боль в мышцах и содранных в кровь ладонях ощущалась уже не так остро. Закончив окуривать помещение, старик опускался на колени перед распластавшимся на лавке мальчиком и начинал медленно втирать в его тело густую и остро пахнущую мазь. И уже после этого приступал к лечению ладоней. Он брал вначале одну руку мальчика, подносил к своим губам и что-то долго шептал над ней. После брал вторую. И, о чудо, кровь переставала сочиться, раны затягивались, и к утру ладони мальчика оказывались невредимыми.

Когда мальчик вставал, на столе его ждал завтрак: ломоть деревенского хлеба, свежего, будто отломленного от только что испеченного каравая, и кружка чистой воды. Мальчик бросался к столу и жадно съедал вначале хлеб, а потом запивал его водой. И то ли еда и сон помогали, то ли ночные шептания старика, но каждое утро мальчик был бодр и полон сил, будто накануне и не занимался тяжелой работой. Более того, с каждым днем, казалось, сил у него прибавлялось.

После завтрака он умывался, одевался и выходил в поле выкорчевывать вновь появившиеся за ночь пни.

Так прошел еще один год: цикл из сменявших друг друга четырех времен года замкнулся пряным, пахнущим травами и медом августом. Мальчик прилежно выполнял свою работу, не пропустив ни одного дня. За этот год он заметно возмужал: раздался в плечах, на ранее тонких, как прутики, руках обозначился рельеф, а ладони, закаленные тяжелой работой, сделались жесткими и шершавыми, как кора побежденных пней. Мальчик не только изменился внешне – закалился и его характер. То, чего он добивался (или добивались от него), свершилось, он приобрел в шкатулку драгоценных качеств выносливость и терпение.

Однажды, открыв глаза, он увидел, что рассвет уже давно миновал и сквозь мутное, засиженное мухами окно в дом проникает насмешливый солнечный свет. Старика в избе не оказалось, но, несмотря на это, мальчик в панике вскочил. Проспал! Забыв про завтрак, он выбежал на улицу, одеваясь на ходу. Да так и замер с просунутой в рукав рубашки одной рукой и голой второй: в поле пней не оказалось. Радость – согревающая и густая, как сливовая наливка, которой однажды его угостила одна деревенская баба, постепенно наполняя душу, пока не взорвала ее ликованием. Не стесняясь, мальчик сорвал с себя рубаху и заскакал по навсегда расчищенному полю, как молодой заяц...»

Ника отложила дочитанный лист и в задумчивости уставилась на него. Понятней не стало. Эдуард говорил, что события романа – реальные? Сейчас, после прочтения этого фрагмента, Нике так не думалось. Какая-то магия, какие-то то и дело появляющиеся пни. Больше было похоже на то, что приятель не изменил своему фантастическому жанру, только действие из космического пространства и параллельных миров перенес в более реальную обстановку.

– Ну и что ты хотел этим мне сказать? – вслух рассердилась Ника. – Намекнуть своими пнями, что я – полный пень? Да, я пень! Твои загадки мне непонятны! Это тебе нравилось составлять и разгадывать ребусы, а не мне.

Она встала, поставила грязную чашку в раковину, сложила листы обратно в конверт и, решив, что сегодня ей уж точно не разгадать ребус Эдички, направилась в комнату. По пути она захватила из коридора дорожный рюкзак, чтобы переложить из него свой блокнот с записями и фотокамеру Стаса в сумку, с которой ходила на работу. Блокнот ей понадобится завтра для работы, а с камеры она собиралась скачать фотографии в рабочий компьютер. Вчера, несмотря на потрясение, вызванное смертью коллеги, девушка по какому-то наитию спрятала дорогую фотокамеру в рюкзак еще до прихода милиции. Об остальных вещах Стаса позаботилась уже не она.

Ника не стала церемониться и вывернула содержимое рюкзака прямо на ковер. И в куче из белья, рассыпавшихся средств гигиены, оберточной бумаги, использованных влажных салфеток нашла то, что искала: черный чехол, в который была спрятана камера, и свой изрядно потрепанный блокнот. Но среди вещей оказалась и одна неожиданная находка – толстая оплавленная свеча. Ника дрожащими пальцами подняла ее и поднесла к лицу, чтобы лучше разглядеть. Как свеча оказалась у нее в рюкзаке, девушка не имела понятия, но предположила, что в состоянии шока

прихватила ее вместе с камерой, валявшейся возле мертвого Стаса. Свеча была из какого-то темного материала – то ли воска, то ли парафина – с черными вкраплениями. Ника повертела ее в руках, подумала, что надо бы выбросить, и машинально сунула в карман кофты. Затем положила камеру и блокнот в свою рабочую сумочку, рассортировала вываленные на ковер вещи – что в стирку, что на выброс – и, сладко зевнув, с удовольствием подумала, что дела на этот день окончены, остается принять душ и лечь в постель.

Когда Ника, опоздав на добрых два часа, влетела в редакцию, то застала там не привычную ежедневную суету, а незнакомую нелепой здесь тишиной обстановку. Нет, работа продолжалась: так же спорили в кабинетах, бегали по коридорам, а в воздухе витал неистребимый кофейный дух, но только все это казалось сегодня другим – не настоящим, а будто декорациями к пьесе под названием «Все нормально. Ничего не случилось». Случилось. Умер первоклассный фотограф Стас, и сотрудники, занимаясь своими повседневными делами, не могли об этом не думать. Сбивались в кучки, сокрушенно перешептывались, вновь возвращались к своим делам и через короткие промежутки времени опять отправлялись небольшими компаниями в курилку или заваривали кофе, чтобы поговорить о неожиданной смерти коллеги.

Ника прошла к своему рабочему месту и, делая вид, что не замечает ни внезапно наступившей при ее появлении тишины, ни любопытно-настороженных взглядов сотрудников, наклонилась, чтобы включить компьютер.

– Опоздала, Болдырева.

Услышав голос главреда, девушка от неожиданности стукнулась затылком о столешницу и, зашипев от боли, вынырнула из-под стола.

– Зайди ко мне.

– Угу, – покорно промычала она и проводила взглядом удаляющуюся спину шефа. Едва тот вышел за дверь, Нику тут же обступили коллеги.

– Болдырева, что у вас там стряслось?

– Как это случилось, Ник?

– Бедный Стас... Почему он умер, Вероника?

– Ты видела, как это произошло?

От такого количества задаваемых одновременно вопросов у нее закружилась голова. Ника поморщилась и беззлобно обронила:

– Стервятники. Спасибо, что диктофоны не вытащили.

В другой ситуации шутка была бы воспринята и одобрена, но сейчас коллеги жаждали получить информацию, что называется, из первых уст. И неизвестно, что ими двигало больше: скорбь или профессиональный интерес. Игнорируя вопросы и возгласы, Ника протиснулась сквозь толпу сотрудников и вышла из комнаты.

В кабинете главреда кофейный дух смешался с устойчивым,

въевшимся в стены и мебель табачным запахом. Сам шеф с неизменной сигаретой в пальцах просматривал материалы. И когда Ника вошла, он, не отрываясь от бумаг, будничным тоном, словно речь шла не о гибели сотрудника, произнес:

– Рассказывай, Болдырева.

– О Стасе?

– Ну о ком же еще. – Шеф наконец-то положил бумаги на стол и посмотрел на Нику удивленно, словно поражаясь ее непониманию. И так как та замешкалась с ответом, нетерпеливо поторопил: – Давай-давай! Мне нужно знать все.

«Мне нужна свежая и подробная информация!» – так обычно распаялся он на летучках. Ника вздохнула и, словно отчитываясь на утренней планерке, рабочим тоном рассказала все, о чем знала сама.

– Вот и все, – закончила она. – Что касается статьи, то напишу ее сегодня, материал у меня с собой. Единственное, надо бы скинуть фотографии с камеры Стаса на мой компьютер.

– Камера у тебя? – приподнял одну бровь шеф. И Ника призналась, что успела спрятать ее в свою сумку.

– Очень хорошо, – без эмоций одобрил главред. – Потом вернем ее жене Стаса. Она, кстати, сегодня с утра звонила: похороны – в пятницу. Мы, конечно, со своей стороны поможем...

Шеф, поджав губы, задумчиво повертел в пальцах новую сигарету, а затем, спохватившись, кивнул девушке:

– Иди, Болдырева. Статью принесешь позже.

Поднимаясь на свой второй этаж, Ника неожиданно услышала всхлипывания и неразборчивые бормотания, доносившиеся из курилки, расположенной под лестницей. Она остановилась и, перевесившись через перила, попыталась в подлестничном полумраке разглядеть того, кто плачет. Узнав секретаршу Валерию Сосновских, Ника торопливо сбежала по лестнице и растерянно остановилась перед девушкой.

– Лерка?

Выглядела Валерия не лучшим образом. Ее лицо, кукольной красоте которого Ника втайне завидовала, было покрыто неровными пятнами румянца, щеки – в грязных подтеках расплывшейся туши, покрасневшие от слез глаза опухли настолько, что превратились в щелки. В пальцах девушка сжимала тлеющую сигарету с выросшим столбиком пепла.

– Ну, чего пришла? Иди, куда шла! – истерично взвизгнула Сосновских и вытерла лицо ладонью.

– Ты плачешь... – развела руками Ника.

– А сама разве не ревела? – с вызовом вскинула голову Валерия. – Ты же ведь была с *ним*, когда все случилось!

Она бросила сигарету прямо на пол и, закрыв лицо ладонями, завывала. Ника, растерянно хлопая глазами, стояла перед плачущей девушкой, не зная, что сказать или что сделать. Да и какие тут могут быть утешения...

– Расскажи мне, как он умер? Что сказал перед смертью? Он вспоминал меня?! – отняв руки от заплаканного лица, неожиданно выкрикнула Лера.

Ника вздрогнула и неуверенно протянула:

– Ну-у...

– Нет, не надо! Не говори! Я не хочу слушать! Я не хочу слышать о том, что он умер!

И Валерия зажала ладонями уши.

– Лер, пойдем в туалет. Умоешься.

Ника подхватила девушку под локоть. Та, что удивительно, послушалась и, пошатываясь, словно тяжелобольная, побрела в туалет.

Возиться с секретаршей пришлось довольно долго, но в конце концов та немного успокоилась, умылась и нанесла на лицо тональный крем, замаскировавший красные пятна. Ника проводила секретаршу на рабочее место, заварила кофе и, поставив перед ней чашку, спросила:

– Тебя одну оставить или побыть с тобой?

– Оставь меня, – хриплым от слез голосом попросила Сосновских.

– Уверена?

Секретарша кивнула и, судорожно сглотнув, произнесла:

– Спасибо.

Ника пожалала плечами и вышла из приемной.

Старательно игнорируя перешептывания и любопытные взгляды, она сделала вид, что углубилась в работу. Пару раз ее отвлекли, приглашая на обед, но Ника оба раза отказалась. Ей хотелось пообедать в одиночестве, не отвечать на бесконечные расспросы сотрудников, которые все еще не потеряли надежды выпытать у нее подробности трагической командировки. Она дождалась, когда комната опустела, выключила компьютер, накинула дубленку и, проигнорировав общую столовую, вышла на улицу. Неподалеку от здания редакции располагалось кафе, в котором, как Ника знала, неплохо и недорого кормили.

Во время еды она старалась не думать ни о статье, ни о Стасе, ни о рукописи Эдуарда и, чтобы отвлечься, на салфетке стала составлять список необходимых покупок. Какой бы уставшей она себя ни чувствовала, после работы придется зайти в супермаркет за продуктами. В холодильнике –

мышь повесилась. Мать всегда критиковала Нику за то, что та была отвратительной хозяйкой. Что бы было, если бы мама неожиданно вернулась из Америки и застала в когда-то блистающей хирургической чистотой квартире разбросанные вещи, пыль на мебели, пустой холодильник и грязную посуду в раковине! Страшно подумать, какой скандал закатила бы она своей неряшливой дочери.

– Как будто у меня есть свободное время для ежедневной уборки, – буркнула себе под нос Ника, словно мать и впрямь только что выговорила ей за беспорядок. И вновь вернулась к списку продуктов. Ходить по продуктовым магазинам она не любила. Чаще всего такие походы заканчивались тем, что Ника набирала в тележку кучу продуктов, без которых могла бы обойтись, и забывала самое главное, как, например, хлеб или молоко. К тому же непродуманные покупки съедали с ее кредитки отнюдь не ту сумму, которую она рассчитывала потратить.

– Мама права, я отвратительная хозяйка, – вздохнула Ника и решительно вычеркнула из только что составленного списка чипсы, шоколад и кока-колу. Вместо этого вписала яйца (надо хотя бы раз сподобиться приготовить себе омлет!), овсянку (давно уже собиралась начать завтракать не пустым кофе, а полезной кашей) и сок. Ну, полуфабрикаты, которые можно приготовить в микроволновке за пять минут, она и без списка купит.

Вернувшись после обеда на свое рабочее место, Ника занялась скачиванием фотографий с камеры Стаса на свой компьютер. И мысли, о которых она так старалась избавиться, вновь атаковали ее. Эдичка, рукопись, ночевка в заброшенном доме, смерть Стаса... Сюжет для дешевого триллера.

* * *

Домой возвращаться не хотелось. И не было для этого какой-то особой причины, просто руки как-то сами вывернули руль, игнорируя нужный поворот, ведущий к дому, а нога сильнее нажала на педаль газа. Андрей Никитин, отмахнувшись от здравого смысла, запротестовавшего против полуночного вояжа, покрутил колесико автомагнитолы, делая звук громче, и вытащил из полусмятой пачки сигарету.

Жена звонила полчаса назад и сообщила, что сегодня тоже задержится. Какая-то важная встреча... Очередная. Три месяца назад Лилька перешла на новую работу – более успешную и хорошо оплачиваемую. Но в жертву

карьере принесла домашние вечера, которые они раньше проводили вместе.

– А что делать, если твоя работа совершенно безденежная? – в запальчивости спросила она Андрея, выразившего недовольство такими частыми сверхурочными. – С голодудохнуть?

С тем, что они «с голодудохнут», Андрей не был согласен категорически, однако скрепя сердце признавал, что зарплата военнослужащего весьма и весьма небольшая, а с подработкой недавно пришлось расстаться по причине того, что фирма, в которой он по сменам работал охранником, прогорела.

– Я устроюсь на вторую работу! – еле сдерживая себя, чтобы не закричать на жену, процедил сквозь зубы он и крепко сжал пальцами телефон.

– Вот когда устроишься, тогда и выступай со своими претензиями, – сказала Лилька, как отрезала, и отключила мобильник.

Господь с тобой, золотая рыбка... Андрей приоткрыл окно и выбросил недокуренную сигарету. Ничего, скоро он найдет подработку и потребует у жены отказаться от сверхурочных. Увольняться из армии Андрей не собирался, желал дослужиться до более высоких чинов. Правда, Лиля к таким его карьерным устремлениям относилась весьма скептически:

– Ну-ну... Очень уж хочется стать генеральшей, да сильно сомневаюсь, что это когда-нибудь произойдет.

На это он замечал, что раз ей так не нравится его профессия, не надо было выходить замуж за него, тогда еще молоденького лейтенанта.

– Настанет и на моей улице праздник, «генеральша»... – процедил сквозь зубы Андрей и, рискованно не снизив скорости, свернул с шоссе на улочку.

Лильку он продолжал любить, несмотря на ее стержневой характер. Впрочем, жену тоже можно было понять: ей хотелось модно одеваться, ходить в рестораны и на концерты, ездить раз или два в год на курорты. Молодая эффектная женщина, она хотела жить ярко, красиво, не спотыкаясь о бытовые проблемы. Андрей же больше мечтал об уютной семейной жизни – без скандалов, с вкусными ужинами по вечерам, воскресными семейными прогулками по парку, с детьми... Как у сестры.

– Если бы ты зарабатывал так, как Ольгин муж, я бы тоже могла позволить себе сидеть дома и печь пирожки, – тут же находила веский аргумент Лиля, и Андрей мысленно стонал: деньги, деньги, деньги! Впрочем, в то, что Лилька согласилась бы сидеть дома и печь ему пироги, верил он слабо: жена его была из другого теста, не такая, как домашняя Оля. И рожать она, похоже, не собиралась, новая работа менеджера в

крупной компании поглотила ее целиком. К тому же Лилька панически боялась испортить фигуру. «Потом, потом...» – отговаривалась она, недовольно морща нос. А Андрей недоумевал: когда «потом»? Ведь им с Лилей уже по тридцать два года.

Занятый своими мыслями, он не заметил, что свернул на дорогу, ведущую к дому сестры. И очнулся от дум лишь тогда, когда остановился перед Ольгиным подъездом. Немного поколебавшись, Андрей вышел из машины и, задрав голову, с надеждой посмотрел на освещенные окна. Зайти, раз уж приехал? Сам не понимая, почему колеблется, он потоптался возле машины. Ольга, без сомнения, будет рада его видеть, накормит горячим ужином и, как заботливая жена, расспросит, как прошел его день. И он, сытый и довольный, будет качать на коленях хохочущую Дашку и рассказывать сестре какие-то незначительные новости. Андрей представил себе подобную идиллию и на секунду зажмурился от удовольствия, как котенок, которого приласкали, но тут же опомнился и вернулся в машину. Нет. Это не его семья, а семья сестры. И сейчас Ольга должна кормить ужином не его, а Володю и расспрашивать о том, как прошел день, мужа, а не брата. К тому же сестра может поинтересоваться, почему он не торопится после работы домой, и излишне встревожится. Она очень мнительная. Нет, не надо ее беспокоить. Андрей нажал на педаль газа и рванул с места так, будто участвовал в гонках.

* * *

Странно подумать, что когда-то он относился к февралю равнодушно. Этот месяц был для него промежуточным: короткий мост между зимой, которую он любил, и весной, которую терпеть не мог из-за слякоти. Этот месяц – месяц простуд, усталости и депрессий для других – для Родиона проскальзывал незаметно, пресно. Вирусы в этот месяц его никогда не одолевали, депрессия обходила стороной. Даже мужской праздник, раньше именуемый Днем Советской Армии, был не его: он никогда не служил в армии, советские праздники не любил, как не любил и всю ту эпоху. А к новомодным «буржуйским», вроде Дня святого Валентина, не испытывал доверия.

Тридцать февралей промелькнули, не отпечатавшись ни в памяти, ни в душе, ни в сердце. Он споткнулся о тридцать первый, четко о его середину, о тот пресловутый пафосный день влюбленных (ох, не зря он относился с подозрением к иноземным праздникам!).

Ее звали Мишель. Конечно, в паспорте было записано другое имя, но мало кто знал его. Всем она представлялась как Мишель, и никто даже не посмел усомниться в том, что это имя – неродное, так оно шло ей, тонкой, как стебель маргаритки, воздушной, как ветер, хрупкой, как китайский фарфор, с огромными, немного наивными темными глазами и стрижкой «гаврош». Кто-то как-то пустил слух, что у Мишель были французские корни, и все в это охотно поверили. А иначе и быть не могло. Только она могла носить купленные в секонд-хенде вещи так, что они казались дизайнерскими. Если бы кто-нибудь осмелился повторить ее стиль, то выглядел бы смешно, она же всегда, в любой тряпке, в любых, даже самых безумных сочетаниях расцветок, фактур и стилей, выглядела богиней.

Только она могла курить крепкие папиросы без фильтра с таким изяществом, будто то были тонкие ментоловые сигаретки. И не выглядеть при этом вульгарной.

Только на ней «Красная Москва» (которую она покупала не из-за отсутствия денег, а потому, что не признавала других духов) раскрывалась не хуже избитых шанелей и диоров.

Пластмассовая бижутерия, кожаные и нитяные «фенечки» шли ей куда больше бриллиантов. Бриллианты ей тоже пошли бы, но драгоценности она не любила.

Только она поправляла волосы таким сексуальным движением руки, что находящиеся в радиусе ста метров мужские особи попадали в неловкое положение. Многие знакомые пытались скопировать у нее этот жест, но так и не смогли наполнить его той естественной сексуальностью, которая была у Мишель.

Он познакомился с ней на вечеринке по случаю пресловутого дня влюбленных, на которую не хотел идти, но в последний момент поддался на уговоры приятеля. С кем пришла на праздник Мишель, так и осталось тайной. И было неясно, что у нее может быть общего с этой компанией, состоящей из пьяных хамоватых мужиков и разгульного поведения девок.

Ей было скучно, но она почему-то не уходила. Родион тоже чувствовал себя не в своей тарелке, Мишель это сразу поняла и первая подошла к нему.

– Терпеть не могу этот день, – сказала она. Не ради того чтобы завязать знакомство, а потому что действительно терпеть не могла этот день, но сказать об этом ей оказалось некому, кроме Родиона.

– Уйдем отсюда? – спросил он, постаравшись избежать пошловатого намека в интонации. Вместо ответа она с готовностью обмотала вокруг шеи длинный и широкий шарф.

Они до утра бродили по февральским улицам. То молча, то

перебрасываясь короткими фразами. О себе она ничего, кроме того, что ее зовут Мишель и что она художница, не рассказала. В основном говорил Родион: вспоминал какие-то истории, которые ему самому казались глупыми. Но Мишель вежливо улыбалась и делала заинтересованный вид.

Потом она пригласила его в одно богемное кафе пить кофе и курить кальян. Ее приветствовали странные личности в намотанных на шею вязаных шарфах, с прокуренными или простуженными голосами, небритые, длинноволосые, похожие на хиппи из семидесятых, в круглых или квадратных очках. Она отвечала на приветствия с такой искренней жизнерадостностью, будто все эти личности были ее обожаемыми братьями и сестрами, расцеловывалась с ними в обе щеки, чем вызывала у Родиона необъяснимые и неоправданные уколы ревности. Ему хотелось влиться в ее мир, но он не носил ни круглых очков, ни длинных шарфов, ни ботинок на толстой подошве, ни обтрепанных по краю брюк, не курил папиросы, а в картинных галереях был всего пару раз, да и то в школьные времена, по обязательке.

Ему хотелось, чтобы она принадлежала ему целиком. С ее папиросами, «Красной Москвой», грубой вязки шарфами и трикотажем из бабкиного сундука, с французскими корнями, с видимой невинностью, так не сочетающейся с бурными оргазмами, с ее пороками и добродетелями, с безумными сочетаниями цветов на ее картинах, с ее абстрактностью в мыслях и консервативностью в привычках. Но она ему не принадлежала, как не принадлежала никому.

Она бывала с ним, а потом внезапно исчезала и через некоторое время вновь появлялась. И никогда нельзя было угадать, когда она уйдет (это всегда происходило в самые неожиданные моменты), сколько будет отсутствовать и сколько вновь пробудет с ним после возвращения. Он никогда не спрашивал Мишель, куда она уходит, хоть и догадывался, что во время своих отлучек она душой и телом бывала с другими. Он сгорал от ревности, сходил с ума от тоски по ней, вычеркивал ее из своей жизни (но не из сердца и мыслей) и вновь прощал ей грехи, когда она возвращалась. И все опять шло по знакомому кругу, начало которому было положено в тридцать первом февраля, два года назад.

Но круг грозил вскоре разорваться, потому что в этот раз Мишель собиралась уйти навсегда.

В мрачном настроении, всей душой желая, чтобы этот день поскорей закончился, Ника вышла на крыльцо и, поевшись от ледяного ветра, приподняла воротник дубленки. Здание редакции располагалось в двадцати минутах от метро, и девушка привычно помедлила, раздумывая, топтать ли по холоду до станции или подождать автобуса. Впрочем, транспорт можно прождать долго, и пешком может получиться быстрее, к тому же при быстрой ходьбе она не замерзнет. Подумав так, Ника спустилась с крыльца и направилась было в сторону метро, но услышала за спиной оклик:

– Вероника! Болдырева!

Она оглянулась и с удивлением увидела секретаршу Леру Сосновских, отчаянно машущую ей рукой из припаркованной неподалеку машины.

Когда Ника приблизилась к дорогой и холеной, как и сама Валерия, иномарке, Сосновских распахнула дверь со стороны пассажирского сиденья.

– Хочешь, я тебя к метро подброшу? – Голос у Лерочки был заискивающий, будто она не услугу предлагала, а просила о великом одолжении. И Ника заподозрила, что секретарша не просто так предложила подвезти ее до метро. Более того, было похоже, что Валерия специально поджидала ее.

– Давай, – не стала ломаться Ника и села в салон.

Лера завела двигатель, и только после того, как машина плавно тронулась с места, завела разговор:

– Я с тобой поговорить хотела. О Стасе. Я хочу знать все подробности. Ты была с ним, когда он...

Девушка запнулась, и Ника с тревогой покосилась на нее: как бы опять не закатила истерику. Но нет, с виду Валерия казалась спокойнее и гораздо бодрее, чем утром. Она привела себя в порядок и сейчас выглядела, как всегда, безупречно: жемчужные волосы гладко зачесаны, на фарфоровом личике – умело сделанный макияж. И только дрогнувший голос и то, с каким остервенением Лера вцепилась в руль, выдавали ее напряжение.

– Если не торопишься, могли бы заехать в одно место, где вполне прилично кормят. Я тебя приглашаю, – предложила Сосновских, не отрывая взгляда от дороги.

– Спасибо, Лера, но я на самом деле тороплюсь, – вежливо ответила Ника, с трудом подавив желание принять приглашение. Если она засидится в ресторане или кафе, точно не купит, как планировала, продуктов. Конечно, можно отложить поход в супермаркет на завтра, с голоду она от этого не помрет, но Ника не знала, чего ожидать от секретарши. Та может вновь разреваться, и тогда возиться с ней придется очень долго.

– Свидание? – с некоторой горечью в голосе поинтересовалась Лера, переводя Никин ответ на свой лад. Та не стала отрицать, лишь промычала что-то невразумительное. – А мы со Стасом поссорились... – глухо обронила Лера. – Как раз накануне. Если бы я знала! Если бы! Он позвонил мне, стал говорить что-то про свою жену, которую не может сейчас оставить по каким-то там очень важным для него или нее причинам. Я вспыхнула и сказала, чтобы он мне больше никогда не звонил. Понимаешь? Ни-ког-да! Как я могла подумать, что мое пожелание исполнится!

– Лер...

– Не надо, не утешай меня!

– И все же. Он тебе звонил. Как раз перед тем как...

Лера всхлипнула, но справилась с назревающей истерикой.

– Расскажи мне, как все произошло, – потребовала она и опасно не сбросила скорости на повороте. Ника машинально вцепилась пальцами в сиденье и неодобрительно покосилась на девушку: та совершенно не думала о безопасности.

– Я сама мало что знаю. Хоть и была там.

Ника закончила свой короткий рассказ в тот момент, когда Лера припарковалась возле метро. За всю дорогу Сосновских не вымолвила ни слова. Даже остановив машину, продолжала сидеть молча. И только когда Ника решила нарушить тишину, наконец-то произнесла:

– Не спрашивай, откуда, но я сегодня узнала о результатах медэкспертизы. Постановили, будто причина смерти Стаса – сердечная недостаточность. Но я не верю. Он был здоров как бык. Мне ли не знать... Такие секс-марафоны выдерживал! Я уставала, а он – хоть бы что! Какая тут сердечная недостаточность, о чем они? Не верю я, что он вот так просто взял и умер. Не верю!

И Сосновских вновь погрузилась в тяжелое и долгое молчание.

– Лер, – не выдержала Ника. Валерия вздрогнула, будто неожиданно обнаружила постороннее присутствие, и посмотрела на пассажирку затуманенным взглядом.

– Не надо, не говори ничего.

– Не буду.

– Спасибо, что рассказала мне все, как было, – отстраненно поблагодарила Лера, и Нике показалось, будто в васильковых глазах девушки вновь мелькнули слезы. – Ты, кажется, говорила, что торопишься...

– Да, конечно, – поспешно засуетилась Ника, поняв откровенный намек Валерии. – Спасибо, что подвезла.

– Не за что. Извини, мне нужно побыть одной...

– Понимаю. Ну, пока?

– Пока.

Направившись к метро, Ника не удержалась и оглянулась. Так и есть, Лерина машина все так же стоит на месте, а сама хозяйка, не погасив в салоне света, сидит, уронив голову на сложенные на руле руки. На мгновение мелькнула мысль, что, наверное, не следовало оставлять Сосновских одну, но, с другой стороны, Ника не знала, как ей помочь.

Дома, загружая в морозилку коробки с замороженными котлетами, блинчиками и пельменями, она не могла отвязаться от запавших в память слов Леры о том, что Стас не страдал сердечными заболеваниями, но умер якобы от сердечной недостаточности. Хотя Лера могла и не знать, было у Стаса больное сердце или нет: вряд ли тот стал бы рассказывать любовнице о своих болячках. Кто о них может знать, так это жена. Может, позвонить этой женщине, расспросить? Впрочем, о чем это она... Зачем? С какой стати собирается сунуть нос в дела, которые ее не касаются?

А ведь Эдичка тоже умер от сердечной недостаточности, при этом сердце у него было здоровое...

Силясь отогнать навязчивые мысли о таких похожих смертях сотрудника и приятеля, Ника постаралась переключиться на другое. Стоит подумать об ужине. Вопреки недавним обещаниям самой себе начать питаться домашней едой, она опять накупила полуфабрикатов. Но что поделать, если ни времени, ни сил на готовку не остается? Тем более что, провозившись часа два на кухне, она все равно рискует остаться голодной: мясо у нее либо пригорало, либо оставалось сырым, макароны и те умудрялись развариться до кашеподобного состояния и не вызывали ни малейшего желания их съесть. «Никто тебя замуж не возьмет, если не научишься нормально готовить!» – часто выговаривала ей мать еще до отъезда в Америку.

– А вот и фиг! Возьмут! – с вызовом, будто мама присутствовала на кухне, сказала Ника. – Выйду замуж за повара! Или, что еще лучше, за владельца ресторана!

Пытаясь не слушать ехидный внутренний голос, напомнивший об Андрее, она с силой захлопнула дверцу морозилки и сунула в микроволновку замороженную лазанью. И в этот момент раздался звонок в дверь.

На пороге стоял молодой парень в форме с эмблемой службы почтовой доставки.

– Болдырева Вероника? – осведомился курьер и, когда девушка

подтвердила, протянул ей тонкий конверт формата А4 и бланк: – Распишитесь.

Проводив курьера, Ника с пакетом прошла на кухню. Подпись отправителя стояла самая безлика: Иванов Иван Иванович. Возможно, человека, отправившего этот пакет, на самом деле звали так, но в это почему-то не верилось. Адрес отправителя указан не был. Ника в недоумении разглядывала конверт со всех сторон, медля с тем, чтобы его открыть.

– Интересно, как это служба доставки согласилась принять пакет от человека, назвавшегося вымышленным именем?

И тут же вспомнила, что парень-курьер не изъявил желания увидеть ее паспорт.

– Халтурят, – осудила Ника службу доставки и надорвала край пакета.

Из конверта она вытащила три листа с напечатанным на них текстом, в котором не без удивления признала еще два отрывка из уничтоженной рукописи Эдички. Уж не он ли сам скрывался под именем Иванова Ивана Ивановича? Но не успела Ника додумать эту мысль до конца, как из перевернутого конверта выпал еще один листок, блокнотного формата. «Вы в опасности. Берегитесь», – было написано на нем от руки печатными буквами. И эта странная анонимная записка, то ли с угрозами, то ли с предостережениями, уверила девушку в том, что пакет был вовсе не от Эдички.

IV

На похоронах Ника не плакала, как многие девушки из редакции. Чувствуя неловкость за свои сухие глаза и излишнее любопытство, так некстати поднявшее голову, она украдкой обвела взглядом толпившихся возле свежей могилы людей. Проводить Стаса в последний путь пришло много народа: фотограф он был довольно известный. Разглядывая его друзей, коллег и родственников, Ника неприлично надолго, рискуя быть разоблаченной в своем неуместном любопытстве, задержала взгляд на вдове Стаса. Когда-то от местных кумушек-сплетниц она слышала, что супруга фотографа старше его на несколько лет, и ожидала увидеть оплывшую тетку с печатью усталости на простоватом лице и испорченными перманентом волосами. Но вдова Стаса оказалась молодой женщиной с тонкими правильными чертами лица и темными, как маслины, глазами, выдававшими примесь южной крови. Держалась она довольно стойко, провожала своего неверного мужа в последний путь без истерик и рыданий. Ее привлекательному лицу удивительно шла аристократичная выдержанная скорбь. Ника с недоумением подумала о том, как Стас мог направо и налево изменять такой женщине. Неудивительно, что сейчас она хоронит своего неверного супруга с такой отчужденной холодностью.

Спохватившись, что нехорошо осуждать ушедшего в мир иной, Ника отвела взгляд. Странное ощущение – находиться на похоронах безвременно ушедшего талантливой коллеги, с которым она была в неплохих отношениях, и сейчас ровным счетом ничего не испытывать: ни скорби, ни сожаления, ни грусти. Может, лишь... небольшую скуку и досаду. Будто находится она не на похоронах, а на неинтересном светском мероприятии, на которое ее обязали явиться.

Длинная очередь в тяжелом молчании медленно двигалась к гробу – прощаться. Ника положила свои цветы и отошла в сторону, уступая место другим. Чуть поодаль она заметила молодого мужчину с букетом белых гвоздик, державшегося особняком. Незнакомец не торопился подходить к гробу, и у Ники неожиданно возникло предположение, что вообще пришел он не к Стасу. Словно в подтверждение ее мыслей, мужчина, встретившись на короткое мгновение с девушкой взглядом, поспешно отвернулся, присел над одной из соседних могил и с преувеличенным почтением возложил на нее цветы.

...Где-то она уже видела его. И эту высокую худую фигуру,

облаченную в черное пальто, и «иконописное» лицо с тонким прямым носом. Длинные, чуть вьющиеся русые волосы и короткая бородка придавали лицу мужчины еще больше сходства с божественным ликом, но иллюзию святости разбивала арктическая холодность светлых почти до прозрачности глаз.

Никины размышления прервала некрасивая своей публичностью сцена. Когда гроб опустили в землю, секретарша Лера, до этого в смиренном оцепенении смотревшая в черноту ямы, неожиданно громко и визгливо заголосила и, проворно расталкивая толпу локтями, бросилась к могиле. Еще мгновение, и красавица Лерочка скатилась бы по осыпающейся свежей земле в яму. Ее, отчаянно брыкающуюся, успели поймать на самом краю и отвести в сторонку. Ника краем глаза заметила, что жена Стаса, на чьих глазах произошла эта сцена, лишь презрительно поморщилась и легонько сжала пальцами ладонь высокого импозантного мужчины, который всю церемонию находился с ней рядом.

Когда все закончилось, Ника неожиданно для себя задержалась возле могилы. Сунув руки в карманы дубленки и ежась от холода, она, не мигая, смотрела на свежую земляную насыпь, скрытую венками и цветами, на развевающиеся на ветру черные ленточки, привязанные к искусственной хвое, которые словно порывались взлететь, покинуть это унылое место. И, наконец, пришло осознание, что красавчика Стаса больше нет, что теперь он принадлежит не миру живых людей, а этой холодной мертвой земле.

– Упокоился рано, сердешный...

Услышав за спиной тихий голос, Ника испуганно вздрогнула и, резко обернувшись, увидела маленькую сгорбленную старушку, которая скорбно глядела туда же, куда и она.

– Не по своей воле-то...

Старушка вздохнула, выпростала руку из-под пухового платка, которым по-старушечьи крест-накрест был перевязан для тепла ее ветхий полушубочек, и торопливо перекрестилась. Сморщенное, как печеное яблоко, маленькое личико, истончившиеся до блеклой линии губы, выцветшие от времени глаза и крупное, размером с пятак, родимое пятно на левой щеке. Обычная старая женщина. Для Ники все старушки, как и младенцы, были на одно лицо.

– Почему вы так сказали? Про то, что не по своей воле он упокоился?

– Да как же, милая. – Бабулька едва заметно пожала закутанными в платок плечами. – Молодые такие не по своей воле уходят. Я тут, на кладбище, уже столько похорон повидала... Знаю почти все про здешних покойников, к кому родственники приходят, к кому – нет. И проходящих

знаю многих – примелькались.

– А его тоже? – быстро спросила Ника, указывая на мужчину с иконописным лицом, который теперь спешными размашистыми шагами направлялся в сторону выхода.

– Нет, – после некоторых раздумий уверенно ответила старушка. – Его я тут никогда не видела. Да и непонятно, к кому он пришел: смотрел на похороны, однако не подошел, а цветы положил на могилу Клавдии Ковалевой, упокоившейся тремя днями раньше. Я помню похороны Клавдии, и этого человека среди ее родственников не было.

Старушка замолчала, но не успела Ника поблагодарить ее за сказанное, как она вдруг произнесла:

– Но он вернется сюда. *Мертвец.*

– Что? – переспросила, встрепенувшись, девушка. Слова старушки, произнесенные свистящим шепотом, заставили ее боязливо поежиться.

– Мертвый он, говорю, этот мужчина. Не жилец. Я такие вещи чувствую.

И старушка вновь, вздохнув, перекрестилась. Ника, для собственного успокоения решив, что разговаривает с сумасшедшей, поспешно попрощалась с бабушкой и бросилась догонять коллег.

– Берегись, деточка! – раздался за ее спиной голос старушки, и девушка невольно замедлила шаг. – Печать смерти и на тебе лежит!

Нике удалось уйти из ресторана, в котором проходили поминки, раньше остальных приглашенных. В душном, переполненном людьми помещении ей перестало хватать воздуха, и она, воспользовавшись тем, что при таком количестве народа вряд ли кто-то заметит ее уход, незаметно ускользнула. Остановившись в дверях, девушка сделала несколько жадных вдохов и только после этого, почувствовав себя лучше, спустилась с крыльца.

Она ошиблась, решив, что ее уход останется незамеченным. Едва Ника направилась в сторону метро, как за ее спиной раздался звонкий девичий голос:

– Вероника! Болдырева! Подожди!

Оглянувшись, она увидела, что ее торопливо, оскальзываясь на обледеневшем снегу и рискуя упасть, догоняет Лера.

– Уже уходишь?

В голосе Лерочки просквозила странная смесь отчаяния и радости. Она будто была рада встретить Нику, но в то же время расстроилась из-за ее ухода. Кажется, на поминках Валерии не было.

– Да.

– Мне нужно с тобой поговорить. Опять. Я тебя специально в машине сидела караулила. Хочешь, подвезу потом прямо к дому?

И хоть изначально Ника собиралась пройтись на свежем воздухе, отказать Лере она не смогла. О чем собиралась говорить с ней Сосновских, она уже догадалась. О Стасе, о ком еще.

– А почему тебя в ресторане не было? – поинтересовалась Ника, направляясь следом за Лерочкой к одной из припаркованных во дворе ресторана машин.

– Не смогла. Сидеть за одним столом с его женой, выслушивать слова о том, какой он был хороший и как его будет нам не хватать, – это выше моих сил.

Ника, усаживаясь в пахнущий тонкими духами салон иномарки, понимающе кивнула. Лера заняла водительское сиденье, но не торопилась заводить машину. Вместо этого она, будто не решаясь начать, бросила на Нику пару коротких взглядов и зачем-то включила и выключила магнитолу.

– Мне тебе кое-что сказать надо, – начала, наконец, она. И после короткой паузы торжественно объявила: – Я еду в ту деревню, в которой умер Стас.

– Глупость какая! – вырвалось у Ники, но она тут же прикусила язык, заметив мелькнувший в васильковых глазах Лерочки гнев.

– Я так и знала, что ты так отреагируешь! – воскликнула Сосновских.

– Подожди, подожди, Лера. Тише ты, – попыталась остудить ее Ника. – Зачем тебе туда ехать? Стас умер от сердечного приступа, его сегодня похоронили и...

– Он не мог умереть от сердечного приступа! – закричала Валерия. – Вот, смотри!

Она порылась в своей сумочке и сунула Нике тощую пачку каких-то бумаг.

– Что это?

– Копия его медицинской карты из клиники, в которую он обращался. Ты же знаешь, в социальный пакет для сотрудников нашей редакции входит медицинская страховка, по которой мы можем обслуживаться в нескольких коммерческих клиниках. Так вот, я воспользовалась кое-какими связями и достала копию медицинской карты Стаса. Он обращался в клинику всего два раза, и то для того лишь, чтобы пройти обследование. В карте нет ни одной пометки о том, что у Стаса были какие-то проблемы с сердцем. Он очень следил за своим здоровьем, посещал тренажерный зал, старался правильно питаться...

А Лерочка не так глупа, как кажется. Ника с уважением покосилась на девушку и быстро просмотрела копию медицинской карты Шатрова. Действительно, записей было очень мало, и касались они двух пройденных обследований. Первое Стас прошел год назад, второе – совсем недавно, в январе. И в обоих медицинских заключениях значилось, что был Шатров здоров.

– Вот видишь! – торжествующе воскликнула Лерочка, когда Ника молча протянула ей бумаги. – Не было у него проблем с сердцем! Я поеду в ту деревню и буду разговаривать с милицией, с медиками, которые написали заключение о его смерти, чтобы добиться правды. И, будь спокойна, я ее добьюсь!

Глаза Сосновских на этот раз полыхнули фанатичным блеском, и Ника невольно поежилась.

– Ну хорошо, Лера, поедешь ты... Хотя, если честно, все равно не понимаю, какую пользу тебе принесет это расследование.

– Если его убили, то виновные будут найдены и понесут заслуженное наказание! – с пафосом, будто давая клятву, выпалила Лера.

«Убили», приехали. Ника еле сдержала колкое замечание и только из уважения к Лерочкиному горю промолчала.

– Я тебе это все рассказываю не просто так, – продолжила Валерия. – Мне нужна твоя помощь. Дай мне подробные координаты того места, где все произошло, и еще раз расскажи в деталях о случившемся.

Лерины слова вновь вызвали воспоминания, о которых хотелось забыть. Лицо Стаса, искаженное ужасом, седые на висках волосы. Гримаса страха и на лице Эдуарда. Их лица – красивое, породистое Стаса и невзрачное, скучное Эдички – стали похожи, словно лица близнецов. Смерть их будто уравнила, подвела под общий знаменатель. Нике, как сейчас Лере, плохо верилось в то, что ее друг Эдичка, как и Стас, умер от сердечной недостаточности. Но как знать...

– Надеюсь, хоть не одна туда поедешь? – сдалась Ника перед такой горячностью Валерии.

– Брата попрошу сопроводить, – тихо вымолвила та. – Хотела попросить тебя, но...

– Нет. Даже не уговаривай.

– Я знала, что ты откажешься. Ладно, пусть так, расскажи мне только, как туда добраться и с кем побеседовать. Дальше я сама разберусь.

Ника помедлила с ответом. Отвернувшись к окну, она смотрела на освещенный двор ресторана. На крыльцо вышло несколько сотрудников редакции и, закулив, принялись резво о чем-то спорить. С такой

горячностью в курилках обычно обсуждали материал, анонсы о котором планировали вынести на обложку. Нике показалось, что в этот раз сотрудники судачили о неожиданной кончине фотографа. Стало неприятно. Лера, быстро взглянув на крыльцо, видимо, подумала о том же, потому что завела машину и плавно тронулась с места.

– Куда тебя везти?

Ника назвала адрес и бросила прощальный взгляд на ресторан. Коллеги все как один повернули головы в сторону отъезжающей машины. Наверняка узнали иномарку секретарши и теперь с удовольствием перемоют Сосновских косточки. Припомнят ей и любовную связь с покойным, и скандал на кладбище, и то, что Валерия так и не появилась на поминках. Нике внезапно стало жаль Лерочку. И она пригласила ее к себе.

* * *

Курить хотелось смертельно, а сигареты, как назло, закончились. Как же он, заядлый курильщик, так лопухнулся, забыл купить сигареты по пути домой? И спохватился лишь после позднего ужина из полуфабрикатов, приготовленного утомленной и раздраженной Лилькой. «Картонную» еду хотелось закурить, чтобы создать видимость сытного удовлетворения. И, по-буржуйски, хорошей сигарой. Но казенный, почему-то вызывающий ассоциации с сухим пайком ужин не заслуживал ароматной сигары, а тянул разве что на дешевую сигарету, да и той не оказалось. Андрей разочарованно заглянул в пустую пачку, обнаружил лишь табачные крошки и в сердцах смял поддавшийся картон.

– Лиль, я за сигаретами! – зычно оповестил он жену, которая в ответ разразилась недовольной тирадой о вреде курения, табачной вони и потраченных на этот яд деньгах. Андрей досадливо поморщился. Словно подросток, желающий незаметно проскользнуть мимо родителей, он воровато натянул куртку и, на ходу застегиваясь, выскочил за дверь. Курить захотелось еще сильнее.

В этот поздний час табачные палатки оказались закрытыми, а до круглосуточного супермаркета – добрых пятнадцать-двадцать минут пешком. Но Андрею прогулка была на руку. Он поднял воротник армейской куртки и сунул руки в карманы. Перчатки не захватил, шапку – тоже. Впрочем, на улице будто потеплело: то ли ветер стих, то ли создавалась видимость тепла от падающего на безлюдную улицу желтого, как дынный бок, света фонарей. То ли просто согрела мысль, что скоро он чиркнет

зажигалкой и с наслаждением вдохнет горьковатый дым.

День выдался не то чтобы сложным, он оказался самым что ни на есть обычным, но из-за этой похожести на другие дни и казался тяжелым. Лилька привычно припозднилась и с порога выразила недовольство. Она в последнее время слишком часто раздражалась и, как казалось Андрею, специально искала поводы, чтобы придраться к чему-нибудь. На этот раз жена затеяла скандал из-за того, что он ужинал бутербродами в комнате, перед телевизором, и якобы крошил на ковер. Завязалась обязательная в последнее время перебранка. Они поругивались лениво, без накала, скучно, заменяя перепалкой обыденный разговор двух уставших людей, встретившихся после трудового дня за ужином. Обменявшись упреками и придирками, как обмениваются новостями, оба, как по сигналу, смолкли, когда звякнула микроволновка, извещающая, что «картонный» ужин готов. Ели они уже молча.

Андрей вышел из магазина и прямо на крыльце жадно закурил. Ему захотелось отвоевать у времени резерв, равный одной-двум неспешно выкуренным сигаретам, прежде чем возвращаться в свою не слишком комфортную домашнюю жизнь. Он смотрел, как на перекрестке мигает светофор, меняя цвета, как новогодняя гирлянда. И как ненадолго притормаживают на красный свет одинаково темно-серые в ночном освещении машины, которые затем срываются с места со стремительностью породистых скакунов. Торопятся в уютные «стойла» после долгого дневного марафона. Андрей с педантичной аккуратностью затушил окурок о край урны и после недолгих колебаний вновь закурил. Он не спешил, в отличие от полуночно-серых машин и припозднившихся прохожих.

Супермаркет располагался в людном месте – на пересечении двух широких улиц, и, несмотря на поздний час, мимо магазина нет-нет кто-нибудь да проходил. Спешил-торопился попасть в теплое нутро своей квартиры, вдохнуть домашний запах, съесть горячий ужин и после расслабляющего душа нырнуть под одеяло, ставя тем самым финальную точку в этом дописанном до конца дне.

Кто-то кого-то ждет. Так не бывает, чтобы кто-то кого-то не ждал. Если не жена-муж-дети-родители, то кот, собака, канарейка или хотя бы безмолвные рыбки в аквариуме. Андрею тоже хотелось, чтобы его ждали, волновались и предвкушали, как он войдет в квартиру, принося с собой порыв холодного воздуха и аромат зимней свежести. И обхватили бы горячими ладонями его раскрасневшиеся колючие щеки. Лилька так делала когда-то – давным-давно, в какой-то другой, забытой жизни...

Андрей вздохнул и с сожалением покосился на дотлевающую сигарету: табаком он уже насытился, а задержаться хотелось еще хоть на пару-тройку минут, чтобы посмаковать иллюзию, что жена ждет его и волнуется. Он достал мобильный телефон и, глядя на освещенные окна квартир ближайшего к супермаркету дома, за которыми пряталось чужое счастье, почему-то подумал о Нике. О ней подумалось неожиданно, ведь он практически никогда не думал о ней, этой смешной девчонке, похожей на мальчишку-подростка, но стало интересно узнать, чем она сейчас занята. Наверное, сидит себе за компьютером, подтянув в кресло ноги в толстых шерстяных носках, и, изображая серьезного борца за правду, набивает очередную статью. Позвонить ей? Но он никогда не звонил ей. Да и нет у него Никиного номера. А позвонить кому-нибудь хотелось – так остро Андрей вдруг ощутил свое одиночество. И он набрал номер сестры. Не отвечает... Видимо, укладывает Дарью спать. Андрей дослушал до пятого гудка и отключился. Плохо, если он ненароком разбудил племянницу. Глупо. Очень. Поддался секундному порыву, ей-богу, как кисейная барышня. С чего решил он, что одинок? Не одинок он, да и не пристало взрослому мужчине жаловаться. Андрей, досадуя на себя, сунул мобильник в карман.

– Мужчина, вам котенок не нужен? – неожиданно окликнул его женский голос. Андрей, углубленный в свои мысли, даже не сразу понял, что обращаются к нему. Спohватившись, он запоздало оглянулся. В дверях магазина стояла улыбающаяся продавщица, у которой он покупал сигареты.

– Кто-то подкинул его утром под дверь. Вот, хозяина ищем!

– Котенок? – машинально переспросил Андрей. Котенок – это маленькое живое существо, которое будет ждать его возвращения с работы, а потом благодарно тереться о ноги и урчать, выражая радость.

– Ну да! Маленький такой, рыженький. Не желаете посмотреть?

– А почему бы и нет! – с задором согласился Андрей и вытащил из кармана зазвонивший мобильник. Сестра. – Да, Оль! Да, я звонил... Почему? Посоветоваться хотел! – засмеялся он, входя в двери супермаркета следом за продавщицей. – Я кота надумал завести... Да, я сумасшедший, а что поделать?.. Поздно уже отговаривать, Оль, я беру его!

* * *

Валерия ушла от нее ближе к ночи, унося, как реликвии, карту N-ской области и листок с пометками. Ника великодушно предложила девушке

остаться ночевать и не рисковать садиться за руль после выпитого вина, но Лера решительно отказалась:

– Нет, спасибо. Ты мне и так помогла. А сейчас мне бы хотелось побыть одной.

– Будь осторожна, – попросила Ника, опасаясь не столько за то, как Лера будет вести машину (выпила она совсем немного), сколько за ее предстоящую поездку в глубинку.

– Не волнуйся! Я же не одна поеду, а с братом, – правильно угадала ее волнения Валерия.

Проводив гостью, Ника вернулась на кухню, где они с Лерой недавно беседовали за рюмкой чая, вылила в свой бокал остатки вина и залпом выпила. Грусть Валерии передалась и ей. К месту или не к месту вновь подумалось об Андрее, и тоска навалилась многотонной тяжестью, хоть она, конечно, ни в какое сравнение не шла со страданиями Лерочки Сосновских по умершему возлюбленному.

Нике вспомнился промозглый ноябрьский день десять лет назад, радостный для ее близких, но траурный для нее самой. День, когда Андрей с Лилькой обменивались кольцами, а она хоронила надежды и мечты, скрывала слезы и запирала на семь замков свою любовь. Нет, она держалась изо всех сил, и казалось, не было на свадьбе человека веселее и беспечнее ее. С неиссякаемой энергией она помогала Ольге украшать банкетный зал воздушными шарами и плакатами. С улыбкой выстояла церемонию в загсе и нашла трогательные слова поздравления. С задором кричала «Горько!» молодоженам. Громко смеялась шуткам тамады, лихо отплясывала в кругу гостей и не пропустила ни одного конкурса. И никто, включая ближайшую подругу Олю, не догадался о ее истинном настроении. Она же, смеясь и шутя, чувствовала себя Русалочкой из небезызвестной сказки, которой каждый шаг причинял муку. Она мечтала быть Золушкой, но не в ее честь был этот бал, не она красовалась в воздушном и взбитом, как сливочный крем, белоснежном платье, не ее под руку вел Принц, о котором она мечтала ночи напролет, не на нее смотрел светящимися от счастья и восхищения глазами. Ее веселье на свадьбе Андрея, такое отчаянное, бравое, безбашенное, было подобно агонии. И какое счастье, что никто об этом не догадывался. На второй день она так и не смогла пойти, страдая от «духовного похмелья», как метко бы выразилась Ольга, если бы догадывалась об истинных чувствах своей подруги. Так и пролежала весь день в кровати, безучастно отвернувшись к стене и не имея сил даже на слезы.

Все эти десять лет Ника тщательно обходила в воспоминаниях тот

день, будто опасный обрыв, но сегодня, сбившись с пути под влиянием Лерочкиного горя, опрометчиво зашла на запретную территорию. Неверный шаг – и она рискует скатиться в пропасть старого отчаяния.

Чтобы отвлечься от мыслей об Андрее, Ника решила еще раз просмотреть отрывки из романа Эдички: и те, которые ей передал приятель, и те, которые вчера принес курьер.

Но только она собралась сходить в комнату за конвертом, как свет неожиданно мигнул и погас. Квартира полностью погрузилась в густую и чернильную, как смородиновое варенье, темноту.

– Здравствуйте, приехали, – проворчала девушка. Короткого взгляда в окно оказалось достаточно, чтобы понять: свет отключили во всем районе. Похоже, случилась какая-то авария, а значит, предсказать, когда включат свет, сложно. Припомнив, что на Новый год сотрудники надели ей целую коллекцию свечей в виде снеговиков, Дедов Морозов и разных зверюшек, девушка, пользуясь подсветкой мобильного телефона, исследовала полки кухонного шкафа и в комнате серванта. Но ничего найти не удалось: видимо, убирая квартиру, выкинула все эти штучки за ненадобностью. Как жаль! О том, что ненужные сувениры могут пригодиться в подобной ситуации, она тогда не подумала. Мама обязательно бы сказала, что она – никчемная хозяйка, неэкономная, недалёковидная, безалаберная. И на этот раз Ника с ней согласилась бы.

Нет более бесполезного способа провести время, чем сидеть в одиночестве в темной, лишенной электричества квартире. Мало радости. Ника уже решила было отправиться в постель и попробовать уснуть, как вдруг вспомнила о недавней находке – свече, случайно захваченной из дома, где они со Стасом останавливались на ночлег. Вскочив со стула, девушка метнулась в ванную и отыскала среди грязного белья ту кофту, в карман которой сунула свечу, намереваясь позже выбросить. Хвала ее рассеянности и забывчивости! Свеча до сих пор лежала в кармане.

Ника установила свечу в чашку и зажгла. Света от маленького пламени было совсем немного, но все же при нем можно было читать. Ника села за стол, вытащила конверт и выложила перед собой лист с одним из двух «вчерашних» отрывков.

«... – Слыхал, в Варварихе несчастье какое приключилось, – сказал вместо приветствия гость, входя в избу. Мальчик уже не раз видел этого мужика – невысокого, хромого на обе ноги (старик однажды сухо поведал, что ноги тот переломал, когда чинил крышу своей избы и неудачно свалился с нее), кудлатого, как собачонка, с маленькими черными глазками, напоминающими двух блестящих жучков. Звали гостя Сенька, и он не раз

приходил к старику за настойками от болей в заживших, но ноющих на погоду ногах.

Мальчик, который в углу корпел над книгой, по слогам читая отмеченный стариком текст, услышал про несчастье и наострил уши. Он любил слушать, что говорят местные. Все его общение сводилось к редким разговорам с немногословным стариком, поэтому новости, которые приносили гости, всегда вызывали интерес.

– А что так? – равнодушно спросил старик, протягивая Сеньке темный пузырек с настойкой.

– Да девка у Старостиных того, померла минувшей ночью.

Сенька скорбно вздохнул и почтительно склонил кудлатую голову. Мальчик, уже не скрывая любопытства, повернулся к говорящему. Настю Старостину он знал: видел пару раз в деревне, куда старик посылал его к бабке Козловой за самогоном для настоек. Анастасия была признанной красавицей, зрелой и сочной, как августовское яблоко, с медовой кожей, толстой темно-русой косой до пояса, с алыми, как свежая рана, губами, здоровым румянцем во всю щеку и насмешливыми серыми глазами. По слухам, она собиралась замуж за «городского» – худосочного, болезненного вида юношу, который на фоне по-деревенски крепкой и румяной девушки выглядел совсем уж анемичным и бледным. Вдобавок жених слегка заикался и носил круглые очки, которые особо раздражали местных парней. Деревенские женихи, отвергнутые Настасьей, не раз собирались побить городского, да только почему-то так и не решились.

– Отчего померла-то? – спросил старик. – Помню я Настасью, здорова ж была.

– Да в том-то и дело! – обрадовался Сенька, будто и ждал этого вопроса, чтобы поделиться сплетнями. – Здорова! Вот голову-то все и ломают, что с девкой приключилось. Нашли ее в заброшенной кузнице и... – Тут Сенька заговорщицки понизил голос, и мальчик, чтобы не пропустить ни одного слова, вытянул шею и даже приоткрыл рот. – Срам-то какой... Была она абсолютно голой. – Сенька, произнося последнюю фразу трагическим шепотом, многозначительно приподнял кустистые брови и сделал театральную паузу.

– Обесчестили? – предположил старик, и мальчик нетерпеливо заерзал в своем углу, сгорая от жадного любопытства.

– Похоже на то, – с готовностью подтвердил Сенька. – Гадают только, по своей ли воле она пошла в кузницу или ее туда заманили? Сторожа Михайлу арестовали, потому что нашли его валяющимся пьяным неподалеку от того места. Да только, говорят, зря его обвиняют:

Михайлу уже давно не девки интересуют, а выпивка. Скорей всего он от старухи Козловой, самогонщицы, мимо кузницы шел, упал и уснул. Да разве докажешь! Михайла-то и как его звать не помнит, а уж про то, что случилось ночью... Настасья-то померла, как и другие девки...

О том, что раньше при похожих обстоятельствах в окрестных деревнях умерли несколько молодых девушек, мальчик слышал и от того же Сеньки, и от других жителей. Красавиц находили в безлюдных местах раздетыми, окоченевшими и без следов насильственной смерти.

– Не иначе как сам дьявол тут поорудовал, – заметил испуганно Сенька и торопливо перекрестился.

Старик недоверчиво хмыкнул:

– Ну-ну, прямо-таки дьявол...

– А то! Накануне гибели и Настасьи, и других девиц в деревнях замечали появление незнакомца. То черноволосого и чернобрового, то русого и голубоглазого, то ярко-рыжего, как июльское солнце. Разные обличья, но люди говорят, что это все один и тот же незнакомец. Дьявол, который соблазняет невинных девиц и потом их умерщвляет. А иначе как объяснить то, что девки будто старились перед смертью? Вот и Настасью обнаружили седой, как твоя борода.

Мальчик почувствовал, как по спине прошла волна мурашек: ему было и жутко слушать рассказ Сеньки, и безумно интересно. Эти ощущения напоминали ему прикосновения листа мать-и-мачехи к коже: с одной стороны холодит, с другой – ласкает теплом. Смесь ледяного ужаса и обжигающего любопытства. Он ждал, что скажет старик на народные домыслы. И ему казалось, что ответ старика и окажется той разгадкой, которую ищут возмущенные и напуганные жители деревень. Слова своего наставника мальчик принимал так свято, как слова заговоров из книг в потертых переплетах.

Но старик, замешкав с ответом, вдруг быстро глянул в угол, в котором сидел мальчик, и, заметив, что тот вовсе не читает, а ловит каждое слово из разговора, рявкнул:

– Чего уши развесил?! Делай то, что тебе велено!

Мальчик поспешно уткнулся в книгу и забубнил вслух.

– А ты, Сенька, отправляйся подобру-поздорову, нечего мне мальчика своими разговорами от дела отвлекать.

– Так ведь девка-то... Жалко, – растерянно пробормотал мужик, прижимая к груди пузырек с драгоценной настойкой.

– Жаль, конечно. Но вот что я тебе скажу: все эти людские домыслы не стоят и яйца выеденного. Ишь чего придумали – дьявол! Ищите среди

своих, кто девок морит. Вот и весь сказ.

– Да дык... – попробовал возразить мужик, но старик так на него глянул, что тот поспешил распрощаться и, вжав голову в плечи, отчего стал совсем похож на собачонку, выскользнул из избы.

Мальчик еле слышно вздохнул, не в силах справиться с разочарованием: версия местных про дьявола казалась ему куда интересней, чем банальное предположение старика о том, что в смерти девушек повинен кто-то из жителей...»

Этот отрывок показался Нике наиболее интересным. Но он, как и другие, не давал ответа ни на один из вопросов: ни почему Эдуард уничтожил свою рукопись, ни кто был отправителем пакета, который она вчера получила с курьером, ни о чем предупреждала ее анонимная записка, ни зачем эти отрывки ей вообще прислали. И есть ли какая-то связь между остатками рукописи и предупреждением (или угрозой?) об опасности? Чем больше Ника перечитывала эти эпизоды, тем больше у нее возникало вопросов. Были ли они вырваны из текста случайно или подобраны специально, потому что в них крылась какая-то разгадка? Но единственной фразой, которая зацепила Нику, была та, которая говорила, что умершая девушка перед смертью поседела. Как и Стас Шатров.

Ох, Эдичка, Эдичка, любитель шарад и кроссвордов... Знала бы она, что все так повернется, нашла бы время для приятеля в их последнюю встречу, опоздала бы на интервью – и черт с ним! Ну почему она так легкомысленно отмахнулась от Эдички в тот вечер, даже несмотря на то, что он явно был чем-то встревожен и напуган? Помнится, Эдуард, отдавая ей конверт, сказал, что остальное передаст позже и заодно все объяснит. Значит ли это, что еще кое-какие отрывки из его рукописи сохранились? Или те листы, которые ей вчера прислали, и были теми фрагментами, о которых упомянул приятель? На всякий случай надо бы позвонить родителям Эдуарда и попросить у них разрешения поискать еще какие-нибудь следы уничтоженной рукописи. Ника бросила взгляд на часы, убедилась в том, что время для звонка уже позднее, и пообещала себе завтра же связаться с родителями Эдички, после чего со вздохом придвинула к себе последний лист и зябко поежилась. В комнате стало вдруг прохладно, будто внезапно распахнулась форточка. По скуле и по затылку ледяной ладошкой прошелся ветер. Холодно стало даже изнутри, и Ника подумала, не встать ли ей за пледом. Да только при всем своем желании не смогла пошевелиться, скованная и этим мертвым холодом, и вдруг возникшим ощущением, что в комнате она не одна. Ника остро почувствовала чужое присутствие, и душа равномерно и неумолимо стала

наполняться страхом, словно тонущая в пруду емкость – водой. Наверное, так холодно и страшно ей не было еще никогда. Возможно, тому виной был выпитый алкоголь, но темнота, чуть разбавленная слабым светом от подрагивающего язычка пламени, вдруг показалась более густой, плотной, трансформирующейся в почти осязаемое, но невидимое *нечто*. Таращась в темноту и ничего, кроме нее, не видя, Ника *чувствовала*, как *нечто* медленно и неукротимо надвигается на нее. И в тот момент, когда девушка собралась усилием воли вскочить с места, это *нечто*, словно угадав ее намерения, разорвало тишину неожиданным и громким воплем. И одновременно с этим по глазам ударила яркая вспышка.

Ника резко открыла глаза и, моргая от яркого света, огляделась. Она по-прежнему находилась за столом, только теперь комнату освещала настольная лампа, которую она, видимо, забыла выключить. Свеча опрокинулась вместе с чашкой, и на столешнице образовалась лужица темного воска. А нечеловеческие вопли, разрывающие тишину, оказались не чем иным, как полифонией «Крик диких зверей», которую она установила в мобильном на неопределившиеся вызовы. Получается, она просто «вырубилась» на некоторое время (судя по еще не застывшей лужице воска, ненадолго), увидела кошмар и пришла в себя от телефонного звонка и вспыхнувшего электрического света?

Спохватившись, Ника схватила орущую трубку, машинально отметив про себя, что мелодию звонка не мешало бы сменить.

– Алло?

– Ника? – Голос в трубке оказался мужским.

– Да. Го... Говорите! – пробормотала девушка и зевнула. Она почувствовала себя странно: голова слегка кружилась, неприятная слабость наполняла тело, немного подташнивало. Не заболевает ли она?

– Ника, это – Андрей. Андрей Никитин.

– П... Привет.

Он мог бы и не называть своей фамилии, ведь для нее существовал лишь *один* Андрей. Недомогание как рукой сняло. Ника вскочила на ноги и, прижимая мобильник к запылавшему уху, удивленно спросила:

– Откуда у тебя мой номер?

– Ольга дала, – признался Андрей и спросил: – Я тебя разбудил? Время уже довольно позднее.

– Нет-нет, я не спала! – поспешно заверила его Ника, в радостном возбуждении заходя по комнате. – Я еще работала.

– На это я и понадеялся, – повинулся Андрей. – Ольга мне сказала, что ты часто пишешь свои статьи по ночам.

– Да, это так. Что-то случилось? – спохватилась она, подумав, что для такого позднего звонка должен быть веский повод.

– Нет, нет, – уловил в ее голосе тревогу Андрей. – Я тебе звоню с просьбой. Мог бы подождать с ней и до утра, но тут такая ситуация... Ник, тебе котенок не нужен?

– Котенок?

– Ну да, оказался у меня на руках такой симпатичный малыш – рыжий, маленький, смешной. Срочно ищу ему хорошую хозяйку!

– Откуда он у тебя?

– Всучили сейчас в супермаркете в качестве бесплатного приложения к пачке сигарет. Кто-то подбросил котенка на крыльцо магазина, продавщицы пригрели его, а потом предложили мне. Я принес котенка домой, но жена устроила настоящий скандал. Еле-еле уговорил Лильку оставить малыша до утра, а то она уже готова была вышвырнуть беднягу обратно на улицу...

Так необычно было слышать Андрея по телефону: раньше он никогда ей не звонил. Ника слушала его голос, наслаждаясь звучанием и почти не вникая в смысл слов.

– Я хотел котенка Ольге отдать, но сестра сказала, что у Вовки аллергия на кошек. И дала твой телефон, мол, может, ты возьмешь. Так как, Ника? Если нет, я пойму. Но малыш очень симпатичный!

– Я... не знаю, – растерялась девушка, думая о том, что частенько приезжает домой очень поздно – встречи, интервью, презентации. Взять котенка значило бы обречь того на одиночество. Но отказать Андрею было сложно. Он еще ни разу ни о чем не просил ее.

– Ладно. Извини за беспокойство... – с сожалением произнес Андрей, расценив ее затянувшуюся паузу как отказ.

– Нет, нет, подожди!

Мысль, что он, до этого ей не звонивший, сейчас попросится и, возможно, уже никогда больше ей не позвонит, сыграла решающую роль. Только бы не дать разговору так быстро закончиться!

– Я... думаю, что возьму котенка. Говоришь, он очень симпатичный?

– Красавец! – обрадованно прокричал в трубку Андрей. – Если ты завтра дома, я его тебе привезу.

– Дома! – выпалила Ника, еще до конца не осознавая свалившееся на нее счастье, что Андрей приедет к ней – в ее дом, а не на какое-то общее семейное торжество. Даже если бы у нее были планы на этот день, она бы отменила их ради приезда Андрея.

– Значит, решено! Если я подъеду завтра в полдень, нормально?

– Да, – ответила девушка. И запоздало подумала, что Андрей, скорее всего, приедет не один, а с женой. Эта неожиданная догадка, словно тучка в ясный день, омрачила сияющую солнцем радость, и Ника смущенно спросила: – Ты с Лилей?

– Нет. Она завтра работает. Внеурочно. Как всегда.

Еще раз извинившись за столь поздний звонок, он попрощался. В трубке раздалась короткая, раздраженная, как и его фраза про жену, гудки,

и Ника еще какое-то время слушала их. А затем заметалась по квартире, засовывая разбросанные по ней вещи в шкаф, будто ожидала визита не завтра, а сегодня, немедленно. Метнувшись из комнаты на кухню, по пути налетела на кресло, споткнулась об угол ковра и чуть не растянулась на полу. «Спокойно! Спокойно! Спокойно!» – бормотала она, прикладывая ладони к вискам, в которых пульсировала кровь. О том, чтобы вновь сосредоточиться на Эдичкином творчестве, и речи быть не могло. Ника решила вернуться к нему в другое, более подходящее время.

* * *

Комната, бывшая когда-то просторной гостиной квартиры в элитном доме, уже давно утратила былой лоск и превратилась в захлащенное, напоминающее склад вышедшей из моды мебели помещение. Запущенность проявлялась во всем: и в беспорядочно разбросанных, будто здесь проводился обыск, вещах, и в осевшем на мебели слое пыли, таком «махровом», что складывалось впечатление, будто был он ровесником этой купленной по спецзаказу еще в советские времена импортной «стенки», и в торчавшем из кадки с растрескавшейся окаменелой землей высохшем стволе комнатного дерева, и в облупившейся на оконных рамах пожелтевшей краске. Мылись окна в последний раз, похоже, когда и красились. И, судя по спертому воздуху помещения, открывались для проветривания тогда же.

Хозяин квартиры как нельзя более органично вписывался в обстановку: был так же старомоден, как «стенка», вытерт временем, как ковер, и скрипуч, как разошедшийся паркет. Половину его лица скрывала густая и серая, будто запылившаяся, борода, а открытая часть была изрезана густой сетью морщин, не уступавшей по замысловатости узора паутине, вытканной в углу комнаты пауком. На первый взгляд, возраст старика смело приближался к вековой зарубке. Но когда старец поднялся из кресла и прошелся по комнате, могло показаться, будто сбросил он, словно тяжелую неудобную шубу, несколько десятков лет. Такая прямая осанка и цепкая походка свойственны молодому, полному сил мужчине, но никак не старцу, несущему на высохших плечах груз прожитых лет.

– Зачем ты это сделал? – гневно спросил он высокого худощавого мужчину лет тридцати с небольшим, с делано безразличным видом рассматривающего через стекло бутылки с алкоголем в баре. Тот пожал плечами, но не обернулся.

– Зачем? – повторил хозяин тихим скрипучим голосом, сверля спину гостя взглядом прозрачных, как лед, глаз. Тот и на этот раз проигнорировал вопрос. Остановив свой выбор на одной из бутылок, он достал ее, осторожно, будто с драгоценности, стер ладонью пыль и внимательно изучил этикетку.

– Испанское. Двадцатилетней выдержки, – прокомментировал он вслух прочитанное. – Похвальная выдержка – это до сих пор хранить такое вино! А по поводу твоего вопроса, зачем я это сделал... Ты же отказался мне помочь!

– Я не отказался! – вспыхнул старик.

– Ты сказал, чтобы с такой просьбой я обращался к другим, – желчно ответил молодой.

– Не к другим, а к тем, что сможет помочь. К профессию...

– Ой, да ладно! – презрительно скривил губы молодой. – К профессионалам! Нет таких профессионалов, которые...

– А ты хоть пробовал к ним обратиться? – перебил старик гостя.

На это молодой человек сжал ладони в кулаки, но промолчал. Помедлив, он достал из серванта два запыхавшихся бокала и предложил хозяину:

– Выпьешь со мной? Сам знаешь, как хорошее вино полезно для сосудов.

Старик неопределенно мотнул головой и молча из-под насупленных бровей проследил за тем, как его собеседник поставил бутылку на покрытый несвежей скатертью круглый стол и с бокалами в руках вышел из гостиной. Через пару мгновений послышался шум воды: гость споласкивал бокалы. И еще чуть позже раздался звук открывающегося шкафчика и металлический звон.

– Где у тебя штопор? – донесся голос из кухни.

– Сам ищи, – ворчливо отозвался хозяин и опустился в любимое кресло, выпуклости и продавленности которого уже давно подстроились под его старческое тело.

Молодой человек вернулся в комнату, наполнил оба бокала вином, один протянул старику и пригубил из второго.

– Хорошо винцо-то! Чистый нектар! Пожалуй, стоит прибраться в твоей берлоге – глядишь, еще и не такие жемчужины отыщутся! Может, уборщицу пригласить, а? А то за неделю не разгребешь этот хлам.

– Обойдусь, – проворчал хозяин и, отпив немного из своего бокала, поморщился, будто вместо сладкого ароматного вина в рот ему попал разбавленный уксус.

– Ты совершил огромную ошибку! – продолжил он выговаривать гостю. – Ты украл то, что тебе не принадлежит! Ты погубил человека!

– Кто бы говорил, – фыркнул молодой. – Я сделал почти то же, что в свое время сделал ты. Это мой последний шанс.

– Ты очень ошибаешься, – тихо повторил старик. – И сам рискуешь, и рискуешь жизнями невинных людей. Верни, пожалуйста, то, что ты взял без спроса. Так будет лучше.

– Не могу, – ответил гость, наполняя вновь свой бокал. – У меня этой вещи уже нет.

– Так найди ее!

Вместо ответа гость криво усмехнулся.

– Это опасно! Очень опасно! Неужели еще не убедился в этом?

– Я думал, что ты врал. Твой рассказ был похож на небылицу, которую ты сочинял на ходу, на сказку.

– Но теперь убедился в том, что я ничего не придумал? – сурово заявил старик. – На твоей совести – загубленные души!

– Это просто совпадение. Несчастный случай.

– Совпадение?! – взревел старик и подался корпусом вперед так резко, что выронил бокал. Хрупкое стекло не разбилось, но вино бордовым пятном расплзлось по давно утратившему свой первоначально светлый цвет ковру. – Во второй раз, может быть, и да. Но в первый... Ты обманул этого молодого человека! И обманом своим погубил!

– А что мне оставалось делать? Ты отказался мне помочь! – закричал молодой. – А я обратился к тебе с последней, можно сказать, надеждой! Понадеялся, что ты проявишь сочувствие и поможешь. Но вместо этого ты отправил меня к специалистам! Да был я у них, был! Ушел ни с чем! Ты – моя последняя надежда. Я ждал помощи, я так на нее надеялся, а вместо этого ты развел руками и сказал, что бессилён!

– Я не обманул тебя.

– Но ты знаешь, как вернуть себе силы! Сделай это еще раз! Только один раз! Тем более что грязную работу за тебя я уже выполнил, – молодой человек усмехнулся, а старик сжал узловатые пальцы в кулаки.

– Убить тебя за это мало, – глухо пробормотал он, почти с ненавистью глядя на своего гостя. – Верни мне то, что ты взял без спросу. А там поговорим.

Андрей приехал с пунктуальностью военного, ни минутой раньше, ни минутой позже. Его звонок в дверь совпал с сигналами точного времени, извещающими о наступлении полудня. И когда он вошел в квартиру, внося с собой смесь запахов мороза, терпкого, с можжевелевой нотой, одеколону и чего-то еще – вкусного, свежего, сердце Ники сладко сжалось. Разволновавшись, она засуетилась и вместо того, чтобы скрыть свое волнение, выдала его еще больше.

– Привет! Ты... Ты так вовремя! А я собралась завтракать. Будешь со мной? Я заварила хороший чай, тебе понравится. Ты любишь варенье? Вишневое?

Вопрос про варенье прямо здесь, у порога, рассмешил Андрея:

– Ника, Ника, не суетись! Чаю выпью, но чуть позже. Дай хотя бы разуться.

– Извини, – смутилась она до багрянца на щеках.

– Ничего, все нормально.

Он осторожно поставил на пол жалобно мяукающую сумку и принялся снимать ботинки.

– Ой, какой маленький! И... – Ника хотела сказать «страшненький», потому что крошечный котенок и правда не блистал красотой, был худым до выпирающих позвонков и ребер, с грязной взъерошенной шерсткой и вытаращенными от ужаса глазами; но вовремя спохватилась и выдавила: – Симпатичненький...

– Красавец, правда? – выдохнул Андрей с такой гордостью, будто и впрямь демонстрировал откормленного холеного кота. И, взяв на руки мгновенно вцепившегося в рукав его куртки котенка, добавил: – На тебя похож!

«Ну, уж спасибо!» – Ника даже не нашла что ответить, не зная, то ли обидеться на такое сравнение, то ли принять его как комплимент – сомнительный, правда. Грустно, если она вызывает у Андрея ассоциации лишь с подобными жалкими котятами. А Андрей уже, не обращая внимания на девушку, принялся поглаживать котенка большой ладонью, под которой тот мог спокойно укрыться целиком. Ника переминалась с ноги на ногу, чувствуя себя так, будто это она находилась в гостях, а не Андрей.

– Э-э... – наконец, осмелилась прервать она гостя, что-то ласково бормотавшего заурчавшему с громкостью трактора котенку. – Андрей, может, в комнату пройдешь? Или так и будешь возле порога стоять?

– Ой, да, конечно. Держи! – Он протянул девушке нового жильца, торопливо снял куртку и, повесив ее на крючок, поднял сумку, в которой

что-то загремело.

– Я тут кое-что купил по дороге: еду, песок, лоток. В общем, необходимое кошачье «приданое».

– Вот уж не думала, что тебе до такой степени нравятся животные... – тихо сказала Ника, направляясь с котенком в комнату. Андрей вошел следом за ней и, поставив на пол сумку, принялся доставать из нее покупки.

– Я бы зверюшку себе оставил, да жена вчера расскандалилась не на шутку, – с плохо скрываемой горечью произнес он. – Она вообще не хочет иметь ни животных, ни детей...

– А ты? – вырвалось у Ники, и Андрей, на мгновение прервав свое занятие – рассматривание кошачьих мисок, бросил на девушку такой взгляд, что она тут же пожалела о своем опрометчивом вопросе.

– А я – хочу, – с вызовом ответил он и поспешно сменил тему: – Это хорошо, что котенка берешь именно ты, а не кто-то посторонний. В таком случае я смогу его иногда проведывать. Если ты разрешишь...

– О чем ты! В любое время, когда пожелаешь, – с чувством воскликнула Ника. Немыслимый подарок – визиты Андрея! Ради такого стоило принять на жительство этого несимпатичного, трясущегося от холода и страха малыша.

– Ты – ангел! – с чувством выдохнул он, глядя на нее почти с обожанием. И Ника, покраснев еще больше, еле слышно пробормотала:

– Так чай будешь? Я заварила вкусный, и у меня есть...

– Да-да, помню, вишневое варенье! – засмеялся Андрей, поднимаясь с корточек. – Буду!

Он просидел у нее где-то с час. И так было непривычно – видеть его за своим столом, подливать ему чай, подкладывать варенье и со смущенной улыбкой расспрашивать о некоторых его делах. Осмелившись, Ника робко поинтересовалась, не останется ли Андрей и на обед, но тот, спохватившись, сказал, что Лилька, возможно, вернется к обеду домой, поэтому и он должен вернуться. И хоть упоминание о жене на пару мгновений омрачило настроение Ники, но не смогло испортить его вконец.

В таком приподнятом настроении, вспоминая каждую фразу Андрея, каждый его жест и взгляд, она пробыла до самой ночи. И даже, воодушевившись, затеяла генеральную уборку и справилась с нелюбимой домашней работой с такой легкостью, будто для нее не было интересней занятия, чем мыть полы, вытирать пыль, разбирать сваленные в кресле вещи. Котенок с настороженным любопытством осматривался, но, похоже, ничего не имел против нового жилища. Ника, весело на него поглядывая, решила, что мудрствовать с именем не будет и назовет котенка Рыжим.

Позднее воскресное утро прошло в бесплодных ожиданиях: не позвонит ли Андрей? Вчера, уходя от нее, он, как необязательный любовник, пообещал позвонить. Ника удержалась от не менее пошлого «я буду ждать». Но, закрывая за Андреем дверь, она приоткрыла другую – дверь своих ожиданий. Ведь должен же он позвонить – справиться о котенке! Но утро лениво переросло в день, а Андрей так и не позвонил.

– Твой «папочка» – самый «настоящий мужчина», – в сердцах заявила Ника котенку, довольно урчавшему над миской с кошачьим кормом. – Сплавил тебя мне, одарил одноразовыми алиментами в виде пакета с кормом, и все, привет! Даже не позвонил, чтобы поинтересоваться нами! И как тебе это нравится, а?

Котенка гораздо больше интересовала еда, чем растрепанные чувства хозяйки. Ему, похоже, было все равно, позвонит его «приемный отец» или нет, главное, чтобы мисочка была полна вкусного паштета.

– Вот что! Мы не будем ждать его звонка! Нам и вдвоем хорошо, и мы вовсе не нуждаемся в том, чтобы кто-то звонил нам и интересовался нашим настроением. Настроение у нас прекрасное, так?

С этим котенок согласился, поднял голову, посмотрел на хозяйку круглыми глазами и мяукнул.

– Вот и отлично, Рыжий!

Чтобы отвлечься от напрасных ожиданий, Ника достала конверт с рукописью и вытащила тот отрывок, который вчера не успела перечитать.

«...Однажды в его жизни произошел серьезный и непредвиденный сбой, словно в надежной стене крепости незаметно расшатался камень и вслед за этим обвалился изрядный кусок кладки. Мальчик научился не замечать ни холода, ни жары, преодолевать усталость, справляться с физической болью, глушить в себе страх, но как победить нахлынувшие на него Чувства, не знал. Они оказались тем сильнее, что выпали на период бурной гормональной перестройки, когда он переживал период превращения из ребенка-подростка в молодого мужчину.

Как только выдавалась возможность, мальчик бежал в деревню, чтобы тайно поглядеть на Плясунью, как про себя звал он девушку, имени которой не знал.

Впервые он увидел ее на деревенском празднике, на который пришел без приглашения. Со стороны, не участвуя ни в играх, ни в танцах, ни в каких других забавах, которым с удалью и азартом предавалась деревенская молодежь, мальчик наблюдал за людьми. Он знал, что местные судачат о нем, относятся настороженно. Видимо, из-за

старика, которого хоть и уважали, но побаивались. Пусть.

На празднике ему быстро наскучило, и он собрался уже уйти, как вдруг увидел ее – ангела, сошедшего на землю. Когда незнакомка вышла в круг, все расступились, а гармонист, игравший что-то залихватское, замер, оборвав музыку так резко, словно его пальцы, до этого ловко бежавшие по клавишам, наткнулись на невидимое препятствие. Девушка плавно подняла руки, будто давая команду, и гармонист вновь заиграл, но на этот раз что-то тягучее, плавное, сладкое и одновременно грустное. Но не сразу он смог настроиться на новую мелодию. Пальцы гармониста поначалу спотыкались, перебирали клавиши с такой неуверенностью, будто долгое-долгое время не касались их и успели потерять сноровку. Впрочем, парня можно было понять. Красота девушки была ослепительной, как отражающийся от хрустальных вод ручья солнечный свет. Не только гармонист не мог отвести от нее взгляда; деревенские парни все как один приосанились, а те, кто оказался посмелее, пошли вокруг танцующей красавицы вприсядку. Но девушка не замечала кавалеров, всеми силами старающихся привлечь к себе ее внимание. Она словно растворилась в танце.

Мальчик, завороженный красотой и грациозностью Плясуньи, наблюдал за ней из своего укрытия. И что-то новое зарождалось в его душе, поднималось горячей волной, будоражило кровь. Ему впервые за долгое время хотелось и плакать, и одновременно смеяться. От счастья и грусти.

Музыка смолкла. Девушка плавно опустила руки и, будто очнувшись от глубокого сна, растерянно осмотрелась. А затем, словно впервые увидев окружающих ее людей, приветливо всем улыбнулась. Короткая пауза, длившаяся ровно столько, сколько гармонисту понадобилось, чтобы перевести дух. Молодежь вновь сошлась в хороводе, включив в него и Плясунью. Кто-то из парней заметил мальчика и весело поманил его, приглашая в общий круг. Но тот отчаянно замотал головой и, закрыв лицо ладонями, круто развернулся и убежал.

Почти до утра он отсиживался в лесу, не шел домой. Ночной холод лапал его худое тело стылыми ладонями, но мальчик не замечал этого, наоборот, он чувствовал жар от взбудораженной крови. Что-то ему подсказывало, что нужно таить этот секрет, не открывать его даже старику. Особенно ему.

Он стал чаще бегать в деревню. Иногда долго слонялся по улочкам, попадая под неодобрительные взгляды селян. Но о чем бы ни судачили за его спиной жители, ему не было до этого дела. Он ходил в деревню не к

местным, он ходил, чтобы тайно поглядеть на Плясунью.

Он наблюдал за ней издали, никогда не подходил близко, не заговаривал с ней. Иногда, следуя за девушкой на расстоянии, чтобы она его не видела, провожал ее до дома и какое-то время еще прятался за поленницей, с грустью глядя на окна избы и надеясь, что в них на мгновение мелькнет силуэт красавицы...»

Закончив чтение, Ника взяла телефон, чтобы, наконец, позвонить родителям Эдуарда. Как бы ей ни хотелось оттянуть этот звонок, сделать это было нужно. В последний раз с родителями Эдички, Юлием Борисовичем и Ириной Петровной, она виделась не так давно, на сорок дней. Но с тех пор не звонила им, хотя они наверняка ожидали ее звонка. Для Юлия Борисовича и Ирины Петровны Ника была потенциальной невесткой – невесткой номер один, вне конкуренции, – и хоть сама девушка в мягкой форме давала понять, что Эдуард был для нее лишь приятелем, позиции своей его родители не меняли.

Набирая домашний телефон родителей Эдуарда, Ника испытывала угрызения совести и за то, что она так долго им не звонила, и за то, что собиралась обременить просьбой. «Я делаю это ради Эдички! Он хотел что-то сказать мне, но не успел. Я просто пытаюсь выяснить, что именно», – так уговаривала она себя, слушая в трубке длинные гудки. И вот когда она уже собиралась дать отбой, услышала уставший голос Юлия Борисовича:

– Говорите.

– Здравствуйте, Юлий Борисович! Это Ника. Извините за беспокойство...

После обмена необходимыми любезностями, вопросами и сочувствиями, Ника изложила свою просьбу. Она рассказала Юлию Борисовичу почти правду, но, конечно, умолчала про командировку и гибель редакционного фотографа. В ее изложении дело выглядело вполне достойно: Эдуард закончил роман, но передал Нике лишь первую главу, а ей хотелось бы найти полный текст, чтобы составить рецензию и попробовать представить рукопись в то или иное издательство.

– Конечно, конечно! Он был бы так счастлив, мой мальчик! – засуетился Юлий Борисович, и Ника почувствовала угрызения совести, потому что знала, что романа больше нет, а тех отрывков, что сохранились, недостаточно для публикации.

– Ирина гостит у матери, но я сегодня весь день дома. Приезжай в любое время, – пригласил Юлий Борисович, и Ника сказала, что через час-полтора подъедет.

В комнате Эдички все осталось без изменений. Диван в «спальном углу», в котором Эдуард отдыхал, все так же был покрыт вытертым пледом в «шотландскую» клетку. Этот плед Ирина Петровна все порывалась заменить новым, но Эдуард, питая к утратившей лоск вещи особую преданность, возражал.

Над диваном висел заключенный в рамку из темного дерева университетский диплом и рядом выпускная фотография их курса, собранная из множества индивидуальных портретов. По странному стечению обстоятельств, фотографии Ники и Эдуарда соседствовали. И девушка, вновь рассматривая некрасивое бледное лицо приятеля, вышедшее на этом снимке особенно неудачно, подумала, что Эдуард, с его романтичностью, скорее всего, придавал излишнее значение этому совершенно случайному соседству.

Из дверцы бельевого шкафа, как и раньше, торчал ключ, служивший не столько по назначению, сколько обыкновенной дверной ручкой. Ника коснулась вначале шероховатой головки ключа, затем – полированной стенки шкафа. Это был старый шкаф, с которым Эдуард, так же как и с пледом, не желал расставаться. Девушка припомнила, что приятель иногда говорил ей, что здесь хранится много секретов. «Скелеты в шкафу?» – иронизировала Ника. И Эдичка с самым серьезным видом подтверждал. А когда она шутила, что все «секреты» – это штопаные носки и белье в цветочек, ужасно смущался.

Вторая половина комнаты служила кабинетом, ее практически полностью занимал огромный компьютерный стол, который был бы уместнее в просторном офисе, чем в небольшой комнате. На столе стоял устаревшей модели компьютер и лазерный принтер, из которого торчал листок бумаги. И этот забытый в принтере лист, рассыпанные на столе шариковые ручки и раскрытая тетрадь создавали невольное ощущение, будто хозяин лишь ненадолго покинул свое рабочее место – вышел, к примеру, за чаем – и вскоре вернется.

– Я могу включить компьютер? – оглянулась Ника на безмолвно стоящего за ее спиной Юлия Борисовича.

– Конечно, конечно! Я знаю, зачем ты пришла, милая, так что не стесняйся, действуй.

– Возможно, мне придется заглянуть и в ящики, – робко произнесла девушка, но и тут не встретила возражений.

– Делай все, что тебе надо, Ника. А я пока приготовлю чай.

– Постараюсь ничего не нарушить, – пообещала она. Юлий Борисович молча кивнул и вышел из комнаты, тактично прикрыв за собой дверь.

Когда Ника осталась одна, она в растерянности огляделась, не зная, с чего начать. И хоть она пришла сюда в надежде найти уцелевшие отрывки из рукописи, которые так или иначе собирался передать ей Эдуард, сейчас испытывала сильную неловкость от того, что собиралась копаться в ящиках стола, включать компьютер, заглядывать на полки без ведома хозяина.

– Извини, – вслух произнесла она, будто Эдуард мог ее слышать. – Но ты ведь сам хотел отдать мне эти отрывки. Я... только поищу их.

С чего начать? С компьютера или ящиков стола? Поколебавшись, Ника включила компьютер и мысленно пожелала, чтобы на нем не оказалось установленного пароля.

Пароль был. Девушка тихо выругалась и, не особо надеясь на удачу, попробовала все самые распространенные комбинации: от года рождения до последовательности цифр «123...». Безрезультатно. Впрочем, такой простой пароль был бы не в духе Эдички – любителя кроссвордов и прочих головоломок. Ну почему она раньше игнорировала ребусы в журналах? Может, пригодилось бы сейчас. В отчаянии, уже собираясь выключить компьютер, Ника набрала свое имя и... Все оказалось просто! Головоломки проиграли сентиментальным чувствам.

Она в предвкушении потеряла ладони, но, едва глянув на открывшийся рабочий стол, издала вздох разочарования: на нем не оказалось ни иконок, ни папок – ничего, что могло быть связано с творчеством Эдуарда. Все немногие оставшиеся иконки были лишь значками компьютерных программ. На всякий случай девушка по очереди щелкнула на все значки, но ничего такого, что ее могло бы заинтересовать, не нашла. То ли информация хранилась не на этом диске, то ли Эдичка ее удалил. Ника открыла другой диск, но и там ничего не обнаружила. Похоже, приятель полностью очистил свой компьютер от личных файлов, включая и музыку, и фильмы, и электронные книги, оставил лишь минимум необходимых программ. Странно, ведь он говорил лишь об одной уничтоженной рукописи. Не мог же он удалить из компьютера всю информацию! Какой в этом смысл? Может, он допустил какую-то техническую ошибку, случайно все стерев? Или был чем-то так напуган, что решил не оставлять в компьютере ничего личного?

На всякий случай Ника вышла в Интернет, чтобы посмотреть электронную почту Эдички. Ей повезло в том, что пароль набрался автоматически при наборе адреса, но еще до того, как загрузилась нужная страница, она поняла, что рассчитывать на удачу не стоит. Вряд ли Эдуард оставил бы функцию «запомнить пароль», если бы в ящике хранилась важная информация. Так и оказалось. Вся переписка была удалена.

– Черт, ну мог бы мне хоть какую-то записку оставить! – в отчаянии воскликнула девушка.

Несколько минут ушло на то, чтобы проверить немногие диски, стоявшие на полке. Все оказались либо чистыми, либо с джазовыми записями. Поиск в ящиках стола тоже мало что дал: канцелярия, девственно чистая бумага для записей, пара новых тетрадей, пустые папки. Ника, конечно, не слишком надеялась преуспеть в поисках (может, других отрывков рукописи просто не существует), но не ожидала столкнуться с такой тотальной «чисткой». Что же произошло?

– Ника, чай будешь пить?

Девушка вздрогнула от неожиданности: обескураженная сделанным открытием, она совсем забыла о присутствии отца Эдички.

– Я тебя напугал? – сконфуженно спросил Юлий Борисович.

– Нет, нет! Я просто задумалась, – улыбнулась Ника, стараясь скрыть тревогу.

– Нашла что-нибудь? – поинтересовался отец Эдички, и девушка с сожалением вздохнула:

– Нет. Абсолютно. И даже предположить не могу, где может находиться рукопись. Если она сохранилась, конечно.

– Думаешь, он ее удалил?

– Не знаю, Юлий Борисович. Правда, не знаю.

– Что ж, очень жаль, – поджал губы мужчина. – Может быть, когда-нибудь она найдется.

– Надеюсь! – горячо воскликнула Ника, подумав про себя, что еще никогда не испытывала такого интереса к романам приятеля.

– Так как насчет чая? У меня и пряники свежие есть...

Первым порывом Ники было отказаться, сослаться на вечерний час, на занятость, но, глянув на отца Эдуарда, взирающего на нее с такой надеждой, будто от ее согласия выпить с ним чаю зависело очень многое, она сдалась:

– Да. Спасибо, Юлий Борисович.

Ушла из гостей Ника довольно поздно. Чаепитие, как она и опасалась, растянулось на добрых два часа. Юлий Борисович все рассказывал и рассказывал об Эдичке, припоминал старые семейные истории, ненадолго впадал в задумчивость, спохватывался и вновь рассказывал какой-нибудь забавный случай. Он словно задался целью опорожнить память, отдать Нике свои воспоминания, выбрав среди них самые яркие и, по его мнению, самые ценные. И хоть девушке уже давно хотелось уйти, она не решалась перебить Юлия Борисовича и слушала, слушала, мысленно, однако, то и

дело отвлекаясь на другое. Почему Эдичка удалил не только последнюю рукопись, но и всю личную информацию? Он будто... знал, что скоро его не станет. Может, его беспокоили сердечные боли, о которых он умалчивал? Или он на самом деле чего-то или кого-то боялся? Смелая догадка, но все может быть. Смерть приятеля выглядела довольно странной, и особенно сейчас, когда выяснилось, что он избавился от всей личной информации.

До дома было уже рукой подать, когда Ника услышала позади себя быстрые шаги. И не успела она что-либо понять, как кто-то, нагнав ее, сорвал с ее плеча сумочку. Все произошло так стремительно, что она не успела разглядеть нападавшего. Впрочем, в темноте это вряд ли бы ей удалось. Заминка, растерянность, и грабитель уже скрылся в другом переулке. Ника запоздало бросилась за ним следом, но поскользнулась и упала.

– Помогите! – в отчаянии закричала она. – Меня ограбили!
Но ее никто не услышал.

VI

По дороге на работу Андрей никак не мог отделаться от тревоги, возникшей вчерашним вечером, разбившей его обычно крепкий непрерывный сон на короткие фрагменты, утихшей немного к утру, но все еще нывшей, как кариозный зуб. Тревога была связана отнюдь не с женой, а с подругой сестры – Никой. И породило ее то странное происшествие, которое приключилось с девушкой накануне.

Вчерашний вечер, как и многие вечера в последнее время, Андрей проводил один: Лилька отправилась в гости к подруге, которую он недолюбливал. Звонок от сестры раздался в тот момент, когда Андрей собирался посмотреть вечерний выпуск новостей. Ольга взволнованным голосом сообщила, что у нее дома Ника, у которой меньше часа назад на улице похитили сумочку. Девушкам требовался совет, что делать в подобной ситуации, и, так как Володя еще не вернулся с воскресного дежурства, Ольга позвонила брату. «В милицию заявляли?» – спросил Андрей. И когда получил от сестры отрицательный ответ, мотивированный тем, что Ника не разглядела напавшего на нее мужчину, сказал, что выезжает.

Когда он приехал к сестре, Володя все так же отсутствовал, а Ольга с подругой, уже немного успокоившиеся, пили на кухне чай и спорили о том, где бы Нике переночевать. Так как ключи остались в похищенной сумочке, а запасную связку Ника безалаберно хранила дома, попасть к себе девушка не могла. Но в то же время отказывалась от предложения переночевать у Ольги.

– На улице собираешься ночевать? – рассерженно воскликнула Оля и оглянулась на брата, словно собираясь заручиться его поддержкой.

– У меня там котенок, один, – жалобно проговорила Ника и тоже посмотрела на Андрея, будто призывая его на помощь.

– Котенок – это серьезно, – сказал Андрей. Ника благодарно ему улыбнулась, а Ольга нахмурилась.

– Так, девушки, рассказывайте быстро и без эмоций, что произошло. А дальше будем решать, что делать.

Рассказ был краток и полностью повторял то, что Ольга и так уже сообщила по телефону.

– В милицию обращаться бесполезно, я не увидела нападавшего, – добавила Ника, заканчивая свой рассказ. – Потерять документы,

мобильный и блокнот – это, конечно, печально и хлопотно. Но меня сейчас больше волнует возможность попасть в свою квартиру. Сегодня.

– И как ты туда попадешь? – вновь завелась Ольга. – Ладно бы будний день был, а не воскресный вечер, тогда можно было бы вызвать слесарей. Но сейчас, сейчас что ты собираешься делать? Разумней всего переночевать у меня, а завтра идти в ЖЭК и искать слесаря, который...

– У меня там котенок! Один! Голодный! – упрямо перебила Ника и вновь в поисках поддержки взглянула на Андрея.

– Удружил Андрюха тебе с этим котом, – проворчала Ольга. Но мужчина, пойдя на поводу у рыцарских чувств, заявил, что попробует помочь девушке.

– Сейчас допьем чай, поедem к Нике и там уже решим, как нам быть. Может, в службу спасения позвоним. Или... Ника, ты, кажется, на втором этаже живешь? С соседями в нормальных отношениях? Если так, то, возможно, я справлюсь.

– Сумасшедшие, – вздохнула Ольга. Но спорить больше не стала.

Однако ни вызывать службу спасения, ни перелезть через балкон не понадобилось. Когда Ника с Андреем поднялись на этаж, на котором проживала девушка, то обнаружили на коврике возле двери черную, немного потертую дамскую сумку.

– Это... Это она! – воскликнула Ника и обрадованно кинулась к находке.

И тут же за спиной раздался резкий оклик Андрея:

– Осторожно!

Первая мысль, которая посетила его при виде сумки, – воспоминание о давней истории с подложенным в кейс журналиста взрывным устройством. Андрей метнулся к двери, чтобы опередить Нику. И в то мгновение, когда девушка наклонилась к коврику, одной рукой оттолкнул ее к стене, а второй – отшвырнул сумку далеко на лестницу.

И ничего не произошло. Сумка приземлилась на нижнюю площадку с глухим шлепком. Следом за тем раздался тихий голос Ники:

– Андрей, ты чего?

Она смотрела на него широко распахнутыми глазами, в которых недоумение соперничало с испугом. Красивые глаза. Зеленые, как молодая трава, но сейчас, в свете подъездной лампочки, они казались асфальтовыми серыми. Он не знал, что ей ответить, смущенный и этой оплошностью, и не к месту возникшим пониманием, что таких красивых глаз ему еще не доводилось видеть. И почему он заметил это только сейчас?

– Андрей? – вновь позвала Ника.

– Да, – спохватился он. И от неловкости покраснел как мальчишка. – Я тебя не сильно к стене приложил?.. Ты не ушиблась?

– Нет.

– Замечательно, – пробормотал он себе под нос и, чтобы скрыть растерянность, отправился вниз за сумкой.

– Андрей, ты что, подумал, что в сумке – бомба? – раздался смех за его спиной. Вот черт, этого он и боялся: что она высмеет его.

– Мало ли... Вдруг ты кому дорогу перешла. Журналистка, блин, – проворчал он, поднимая сумку, в которой что-то глухо звякнуло. Не разбилось ли? Тогда стыда уж совсем не оберешься.

– Я не такая уж важная птица, Андрей, чтобы кому-то переходить дорогу.

– Важная не важная... Посмотри, что у тебя пропало, – не глядя на девушку, пробормотал он и протянул ей сумку.

Ника дернула «молнию», покопалась в содержимом и подняла на него глаза.

– Ничего не пропало. Все на месте.

– Ты уверена? – всполошился Андрей. Почему-то этот ответ не успокоил его, а наоборот, встревожил.

– Вот, сам смотри. Мобильный. Записная книжка. Ключи. Паспорт. Даже кошелек, а в нем... В нем тоже все на месте. Ни рубля не взяли.

– Странно, – вырвалось у него. – Логично было бы предположить, что сумку у тебя похитили с целью наживы. Но, как ты говоришь, кошелек оставили нетронутым. Дорогой мобильный тоже не взяли. Можно было бы подумать, что сумочку вырвали, решив, что в ней лежит что-то важное в плане информации. Но записная книжка тоже на месте. Ты уверена, что ничего не пропало? Может, ты несла какой-нибудь диск? Или диктофонную пленку? Или флешку?

– Нет, – уверенно ответила Ника и повернулась к двери, чтобы отпереть ее.

– Замки, кстати, надо бы поменять, – заметил он, входя следом за девушкой в квартиру.

– Зачем?

– Затем! Вдруг похитителя интересовали твои ключи, чтобы сделать слепок, изготовить копию и попасть в твою квартиру с целью поиска информации?

Это ограбление, особенно после того, как выяснилось, что ничего не похищено, тревожило его все больше и больше.

– Андрей, ты детективных сериалов посмотрелся, – засмеялась Ника,

чем рассердила его. Виду он, конечно, не показал, но про себя выругался на ее беспечность. Неужели она сама не видит странности случившегося? Может, сумку похитили с целью наживы, но, не увидев в ней ничего ценного, вернули. Но гораздо проще было бы выкинуть сумку в мусорку или бросить на улице, чтобы избавиться от улики, а не возвращать. Адрес, скорее всего, посмотрели в паспорте... Ох, не нравится ему это происшествие, не нравится. В милицию надо бы заявить...

– Чаю будешь? – перебил его мысли голос Ники. Она уже успела снять куртку и переобуться. Смешные тапочки ядрено-оранжевого цвета, широкие, как лапти, делали тонкие ноги девушки, обтянутые черными джинсами, похожими на лапы диснеевского утенка. И глядя на эти забавные тапки, Андрей почувствовал, что его раздражение улетучивается.

– Чаю? Нет, спасибо, не буду. Мне домой пора.

Показалось ему или нет, что по ее лицу мелькнула тень огорчения? Скорее всего, показалось, потому что Ника тут же бодро провозгласила:

– Нет так нет. Спасибо за помощь! Я у тебя в долгу.

– Считай, что мы квиты. Ты мне помогла уже тем, что приютила котенка.

...Сейчас, по дороге на работу, Андрей не переставал думать о вчерашнем происшествии. И чем больше он о нем думал, тем сильнее оно ему не нравилось. Надо бы позвонить Нике, спросить, как у нее дела. И еще – поменять замки в ее двери как можно скорее.

* * *

На работу Ника пришла непривычно для нее рано. В офисе еще никого, кроме уборщицы, не было. Ника поздоровалась с нею, прошла на свое рабочее место и, напевая под нос незатейливый, но прилипчивый мотивчик услышанной утром по радио попсовой песенки, включила компьютер и достала из ящика стола чашку. Несмотря на почти бессонную ночь, вчерашнее приключение и ранний подъем, настроение было отличным. Такого прекрасного настроения у нее давно не было. Спать совершенно не хотелось, напротив, Ника ощущала себя полной энергии. И причиной тому были вчерашний вечер, который она провела с Андреем, и его утренний звонок с вопросом, может ли он сегодня вновь прийти. И неважно, что вечер был целомудренным, как престарелая девственница, и представлял собой отнюдь не романтическое свидание, а вопрос был вызван необходимостью сменить замок в ее двери: все это не умаляло

эйфории.

Вопреки своей привычке пить по утрам крепкий кофе, Ника заварила травяной чай и с чашкой в руках подошла к окну. Глядя на раскисшую до болотистой жижи смесь земли и песка, на зарядивший с ночи мелкий дождик, оставляющий на стекле мелкие, как бисерины, капли, на серое небо, обложенное разбухшими тучами, она совсем не испытывала грусти, которой обычно страдала в начале каждой весны. Напротив, март в этот раз начался не с тоски, как-то раз метко названной Ольгой «духовной простудой», першившей в душе и вызывающей ломоту в мыслях, а с согревающего, будто глинтвейн, пьянящего и возбуждающего румянец на щеках тихого ликования. Она мечтала о том, что Андрей останется на ужин. И пусть это был бы самый обычный ужин, для Ники он стал бы не менее ценным, чем самое романтическое свидание. Нет-нет, о том, чтобы попытаться пококетничать с Андреем, и речи не шло. Ника слишком хорошо помнила, что у него есть красавица-жена – картинка, в сравнении с которой она – блеклый карандашный набросок. И все же к этой встрече она мысленно готовилась, как к ответственному любовному свиданию. Что приготовить? Мысленно перебрав содержимое холодильника, Ника пришла к выводу, что без захода в продуктовый магазин не обойтись. Можно было бы, конечно, приготовить ужин из полуфабрикатов, но, помнится, Ольга недавно сетовала на то, что Лиля не балует Андрея домашней едой. И Нике, такой же нелюбительнице стоять у плиты, в этот раз захотелось приготовить *настоящий* ужин. В меру своих способностей, конечно.

Эйфория – легкая, игристая, слегка пьянящая, как шампанское, – наполняла ее весь день. Но планы Ники на вечер изменил звонок, раздавшийся уже под конец рабочего дня. Вместо номера на экране мобильного высветилась надпись «частный вызов», и девушка сняла трубку без особого желания. Подобные зашифрованные звонки она не любила, потому что заранее оказывалась в проигрышной ситуации: звонившему был известен ее номер, а ей его – нет.

– Вероника Болдырева? – уточнил незнакомый мужской голос с деловой интонацией.

– Да, это я.

– Егор Сосновских, – представился мужчина. – Брат Валерии, которая работает у вас секретарем.

Вот как. Егор Сосновских еще не успел объяснить мотив своего неожиданного звонка, а у Ники уже заломило затылок от какого-то неясного предчувствия.

– Мы могли бы сегодня встретиться? Это очень важно и срочно.

– По какому поводу? – вяло поинтересовалась Ника, уже по интонациям мужчины поняв, что планы на вечер грозят быть разрушенными.

– Я вам все объясню при встрече. Но, повторяю, это очень важно. Когда и где вам удобно?

– Через полчаса у меня заканчивается рабочий день. Мы могли бы встретиться в кафе «Барбарис», неподалеку от нашей редакции. Через дорогу от...

– Я найду, – произнес мужчина с такой уверенностью, будто имел привычку каждый день обедать в этом кафе. – Встретимся через полчаса. – И, не попрощавшись, он повесил трубку.

Ника в недоумении отложила мобильник и еще с полминуты глядела на него, будто ожидая, что немая трубка объяснит ей, что происходит.

– Ира, ты сегодня случайно не видела Лерочку Сосновских? – спросила она у коллеги за соседним столом.

– Нет, – ответила та, не прекращая своего дела – что-то быстро-быстро набирать на клавиатуре. – А что?

– Нет, ничего, – ответила Ника, встала и вышла из комнаты.

На месте Сосновских сидела другая девушка – с ресепшен. Ника подождала, пока та договорит по телефону, после чего обратилась с мучившим ее вопросом:

– Привет! А Лера где?

– Ее сегодня не было. Позвонила и сказала, что заболела.

– Когда позвонила? Сегодня? – уточнила Ника, сама не понимая, почему ей так важно знать, когда звонила Валерия.

– Не знаю. Может, в выходные – шефу, может – сегодня. Меня попросили подменить ее, – пояснила девушка и сняла трубку вновь зазвонившего телефона.

– Ясно, – пробормотала Ника, хоть ей было мало что ясно. Подумалось, что звонок Егора Сосновских был связан с их с Лерой недавним разговором о Стасе и поездке. Может, он хочет лично услышать все подробности, прежде чем отправляться с сестрой в сомнительное путешествие? Других мыслей в голову не приходило. Тон у мужчины был деловой, не выдающий никаких эмоций.

Быстро собравшись, Ника вышла с работы минут на десять раньше назначенного времени. Ей хотелось прийти в кафе заранее, чтобы немного собраться с мыслями. Это было нелегко, потому что мысли металась от Андрея, который через полтора часа должен приехать к ней, к причине, по которой брату Валерии понадобилось срочно с ней поговорить. Но как бы

там ни было, задерживаться на встрече с Егором Сосновских Ника не желала, только собиралась выяснить, что от нее понадобилось.

Честно говоря, она ожидала увидеть перед собой довольно привлекательного мужчину, помня о том, какой красавицей была его младшая сестра. Но Егор Сосновских оказался обладателем самой что ни на есть заурядной внешности. Довольно высок, но вместе с тем грузноват, с наметившимися залысинами и темными кругами под глазами, выдававшими острый недосып. На вид Егору было лет тридцать пять – тридцать восемь, но могло быть и меньше, потому что откровенная усталость, написанная на его простоватом лице, и глубокая складка на лбу, вызванная привычкой морщить лоб, накидывали ему несколько лет сверху. Одет он было ожидаемо: по-деловому, в добротный костюм темно-серой расцветки, сидевший на нем так ладно, будто был сшит специально для него.

Сосновских появился в кафе через пять минут после девушки и, быстро оглядев помещение, сразу направился к ее столику, словно уже знал, как выглядит Ника.

– Вероника? – осведомился он низким глубоким голосом, прежде чем присесть за столик. И когда девушка кивнула, протянул ей, будто деловому партнеру, для пожатия твердую и широкую ладонь.

– Что вы будете? – спросил он, присаживаясь.

– Спасибо, я уже заказала, – сдержанно улыбнулась Ника и перевела взгляд на официантку, которая в этот момент приблизилась к ним с ее заказом – чашкой кофе и тарелочкой с бисквитом. Сосновских тоже заказал кофе и, едва официантка отошла от столика, без всякого вступления произнес:

– Я хочу, чтобы вы мне объяснили, куда исчезла моя сестра.

– Как... исчезла? – не поняла Ника. – Мне сказали, что она на больничном.

– Ложь, выдуманная Валерией. Ни на каком больничном она не находится, – ответил Егор, глядя Нике прямо в глаза. Взгляд у него был тяжелый, неприятный, под таким взглядом сразу хотелось рассказать обо всех своих прегрешениях, включая те, которых не совершал. Ника невольно поежилась. О пирожном и остывающем кофе она совершенно забыла.

– Вы курите? – сменил вдруг тему Егор и тем самым опять застал Нику врасплох. – Угощайтесь.

– Нет, спасибо, я не курю.

Ей было очень, очень неуютно в обществе Егора Сосновских. Так неуютно, наверное, бывает на допросе у следователя, который обвиняет

тебя в преступлении, которого ты не совершал. Ты даже не понимаешь, о чем идет речь, а следователь играет в кошки-мышки, сыплет загадками и недомолвками и твою нервозность расценивает не иначе как вину.

– Почему вы решили, будто я могу знать, куда пропала Лера?

Егор помедлил с ответом, будто специально испытывая терпение девушки. Вначале он неспешно прикурил, затем сделал несколько неторопливых затяжек, выдыхая дым с таким наслаждением, будто курил хорошую сигару после сытного обеда. И только выкурив чуть ли не половину сигареты, выудил из кармана пиджака мобильник, пощелкал клавишами, отыскивая нужное, и протянул телефон девушке. «Позвони по этому номеру. Ее зовут Вероника, она все объяснит», – прочитала Ника сообщение. После этих двух фраз шел номер ее мобильного.

– Остроумно! И что я должна объяснить? Для начала вы должны хотя бы сказать, о чем вообще идет речь. Или вы думаете, что я умею читать мысли?

– Не кипятитесь, – остудил ее Егор, отвлекся на мгновение на официантку, принесшую ему кофе, и вновь повернулся к плохо скрывающей свое раздражение Нике. – Я все объясню. Но прежде чем начну, хочу предупредить, что если рассказанное мною просочится в печать...

– Вы мне угрожаете? – перебила его Ника и медово улыбнулась.

– Нет, предупреждаю, – не смутился он. – Знаю я вас, журналистов. Разговор наш будет носить конфиденциальный характер, и если вы используете в своих интересах хоть одну из сказанных мною фраз, вас могут ожидать большие неприятности. Я вам сейчас не интервью собираюсь давать, а обращаюсь к вам, можно так сказать, за помощью. – Произнеся последнее слово, он скривился, будто просить у кого-то поддержки казалось ему чем-то непристойным.

– Хорошо же вы умеете обращаться за помощью... Угрожаете, а не просите, – не удержалась от шпильки Ника. – Будьте спокойны, ничего из того, что вы мне расскажете, я не использую в своих интересах. Из уважения к Лере. Так что с ней случилось?

Она наконец-то взялась за свой заказ. Кофе успел остыть, но бисквит оказался превосходным.

– Мне неловко говорить на эту слишком личную тему, – начал Егор. – Речь пойдет о Валерии. Вы, вероятно, уже знаете о том, что она путалась с непорядочным человеком, который и жену свою обманывал, и Валерию? К сожалению, у Лерки не хватило ума скрывать эту непристойную связь.

Ника молча кивнула. Что правда, то правда, об отношениях

секретарши и фотографа знала вся редакция. Шатров на людях был сдержанным в проявлении эмоций, но зато Валерия совершенно не скрывала своих чувств и, едва увидев Стаса в коридоре редакции, в столовой или курилке, чуть ли не с визгом бросалась ему на шею.

– Лерка – хорошая девчонка, но безмозглая. В том смысле, что слишком наивная и инфантильная. Институт бросила. Я еле-еле уговорил ее пойти работать и сам же устроил в вашу редакцию. В деньгах мы не нуждаемся, слава богу, я зарабатываю прилично – и для того, чтобы содержать мать, и для того, чтобы оплачивать капризы сестры. Иногда недешевые, надо сказать. Но мы сами виноваты в том, что Валерия выросла инфантильной и капризной. Вначале родители ее баловали, потом – я... Но сейчас не об этом речь. Как уже сказал, я устроил Валерию на работу в вашу редакцию ради того, чтобы она занялась чем-нибудь полезным. К сожалению, в свои двадцать два года она до сих пор не решила, чем ей интересно заниматься. То в модели пыталась податься, то в актрисы, то в певицы. Потом вбила себе в голову, что хочет работать в журнале мод. Для начала я устроил ее на должность секретаря в редакцию вашего еженедельника, хоть к моде он и не имеет отношения. Один из спонсоров издания – мой близкий друг, так что пристроить Леру не составило особого труда. Гораздо сложнее было убедить ее взяться за эту работу. Пришлось разъяснить, что ей нужно набираться опыта и эта работа – временная. Честно говоря, я думал, что в редакции Лера надолго не задержится. Ей быстро все надоедает, как ребенку, и работа секретаря изначально казалась ей скучной и унижительной. Но я ошибся. Лера продолжала работать и об уходе не заикалась. Вначале я радовался тому, что сестра, похоже, взялась за ум, а потом узнал, что все дело в редакционном фотографе, который запудрил ей мозги. Я потребовал, чтобы она прекратила эту связь, но Валерия и слушать не хотела. Любовь у них, видите ли! Да какая это любовь! Как я уж с сестрой ни разговаривал: и просил, и требовал – все без толку. Вцепилась в этого женатого мужика, как клещ. А недавно попала: сплетня об этом романе попала на страницы одной из желтых газетенок. Ей-то, Валерии, все равно, а мне подобные публикации ни к чему. У меня – бизнес. Наша фамилия в определенных кругах довольна известна.

Ника слушала Егора и проникалась невольным сочувствием к глупышке Лерочке: мало того, что та подвергалась за свой роман осуждению со стороны посторонних людей, так еще вынуждена была воевать с родным братом, который, похоже, волновался не столько за сестру, сколько за подмоченную репутацию. Бизнес! Известная фамилия!

Подумаешь!

Но только Ника подумала о «фамилии», как в памяти всплыла статья, над которой она работала, о недавно открытой сети ресторанов «Сосновый бор». Интервью Ника брала не у владельца, а у одного из старших менеджеров. Тогда, услышав фамилию Сосновских, она подумала, не приходится ли владелец сети родственником секретарше. Хотела поинтересоваться у Лерочки, да забыла...

– Егор, простите, это вам принадлежит сеть ресторанов «Сосновый бор»?

– Да. И не только, – не без гордости ответил он. – «Сосновый бор» – это дешевая сеть, открытая совместно с моим партнером. Но в моей собственности также несколько ресторанов другого уровня.

Сосновских будто забыл на мгновение, что сейчас речь идет вовсе не о бизнесе. Он как-то весь подобрался, словно давал интервью, в его голосе зазвучали деловые нотки. Ника невольно подумала, что не хватает лишь рекламных буклетов, которые бы с плохо скрываемым тщеславием демонстрировались ей. Невольно заразившись от Егора деловым настроением, она решила, что поищет информацию о Сосновских. Если он является владельцем нескольких дорогих ресторанов, его имя наверняка фигурирует и в светских хрониках, и в деловой печати. Зачем ей это надо? Ничего личного. Все дело в профессиональной привычке.

– Но давайте вернемся к моей сестре и ее пропаже, – спохватился Егор и бросил хмурый взгляд на Нику, будто обвиняя ее в том, что своим неуместным вопросом она сбила его с темы. Девушка молча кивнула, и он продолжил: – Чтобы прекратить связь сестры с этим мужчиной, я решил отправить Валерию за границу. И даже почти договорился, чтобы ее взяли в один модный журнал на съемки, которые проходили на Бали. Рассчитывал, что Валерия не сможет устоять перед таким соблазном: и поездка, и модная фотосессия, на которой ей довелось бы попристутствовать и даже немного поработать, и громкое имя журнала, который для Леры служил чуть ли не Библией. Но я опять просчитался. Вернее, опоздал со своим предложением. Фотограф, который запудрил моей сестре мозги, неожиданно умер. Валерия и слушать не захотела о поездке. Заявила, что у нее другие планы: отправиться в то место, где погиб ее любовник. Вбила себе в голову, что умер он не просто так. Попросила меня сопроводить ее, но я довольно резко отказался и, более того, запретил и Валерии ехать в глубинку. Признаться, поспорили мы горячо, расстались в ссоре. А на следующий день, в воскресенье, сестра пропала.

– То есть вчера? – уточнила Ника.

– Да. Днем она еще была на связи. Валерия отходчивая. Честно говоря, на это я и рассчитывал – что она остынет, откажется от своей безумной идеи и примет мое предложение. Валерия действительно позвонила мне, но лишь для того, чтобы сообщить, что поехала в деревню одна. И мы опять, не успев толком помириться, поссорились. Я накричал на нее, но потом подумал и сам перезвонил ей, и мы поговорили уже спокойно. Я объяснил Валерии, что беспокоюсь за нее. И добавил, что если бы знал, что она не откажется от своей идеи, поехал бы с ней или, если бы не смог, попросил бы кого-нибудь сопровождать ее. Лера сдержанно поблагодарила, но на мою просьбу вернуться ответила отказом. Вот уж не думал, что сестра проявит такое неожиданное упрямство. Поняв, что переубедить Леру не удастся, я попросил ее периодически сбрасывать мне сообщения с координатами, где она находится. Выехать лично я не мог, так как у меня была на сегодняшнее утро запланирована важная встреча, но собирался отправить вслед за Лерой кого-нибудь из моих людей. Валерия пообещала извещать меня о своем местоположении и чуть позже действительно сбросила мне сообщение. Правда, содержало оно не координаты местности, а ваш телефон.

– То, которое вы мне показали?

– Да. Это сообщение оказалось первым и последним. Больше новостей от Леры не было, мобильный ее отключен и молчит вот уже сутки. Можно, конечно, успокаивать себя уговорами, что у нее разрядилась батарея, но я чувствую, что случилось что-то нехорошее. Мои люди уже заняты ее поисками, я же, зацепившись за то единственное сообщение, решил встретиться с вами.

С Егора спала маска холодности и высокомерия, и наружу вырвались истинные чувства: тревога, беспокойство, даже страх. Он вновь закурил, на этот раз торопливо, нервно, сделал несколько жадных затяжек и затушил недокуренную даже до середины сигарету.

– Но я тоже не представляю, где может находиться Лера, – сказала Ника после затянувшейся паузы. В какой-то мере она чувствовала себя виноватой. Виноватой в том, что не отговорила глупышку Лерочку от поездки и даже снабдила ее картой. Расчувствовалась, видите ли... Да какое теперь имеет значение то временное сочувствие, вызванное Лерочкиным горем, если по ее, Никиной, вине с девушкой случилось что-то плохое! Что, если и Лера, как Стас... Нет, нет. Ника постаралась отогнать страшное воспоминание о коллеге, лежащем на полу в вымерзшей избушке.

– Расскажите мне все, что знаете, – попросил Егор. – Почему Валерия

написала то сообщение с просьбой связаться с вами? Раз она так сделала, значит, вы имеете какое-то отношение к этой поездке?

– Да, имею, – не стала увиливать от прямого ответа Ника. – Мне не удалось отговорить Леру, хоть я и пробовала. Накануне мы говорили с ней и о Стасе, и о том, что случилось там, в деревне. Дело в том, что я была вместе с ним в той командировке, из которой он не вернулся. Мы должны были сделать репортаж... Впрочем, все началось немного раньше.

И она подробно рассказала Егору Сосновских все о своей поездке, начиная с полученных от Эдички страниц из романа и заканчивая своими неудавшимися поисками других фрагментов рукописи.

– Мне бы хотелось взглянуть на те тексты, о которых вы мне рассказали, – сказал Егор, едва девушка закончила свой рассказ. – Я привык владеть полной информацией, даже если на первый взгляд она кажется незначительной. Может статься, что рукопись вашего приятеля не имеет никакого отношения к пропаже моей сестры, но раз с нее началась эта история, мне бы хотелось ознакомиться с ней. Где она?

– У меня дома.

Услышав ответ, Сосновских подозвал официантку, попросил счет и, словно дело уже было решенным, повернулся к Нике:

– Значит, сейчас мы поедem к вам домой.

– Послушайте, Егор, – всполошилась девушка. – Я... не готова. Давайте в другой день? У меня сегодня встреча, и вообще...

– Вы можете перенести ее?

– Не знаю. Для меня эта встреча очень важна и... – забормотала она первое, что пришло на ум. Как ей теперь отвязаться от Сосновских? Вот свалился же он ей на голову! О том, чтобы забежать в магазин за продуктами, уже и речи не шло, успеть бы домой до прихода Андрея! И не успела Ника придумать какой-нибудь веский предлог, чтобы отвязаться от Сосновских, как в ее сумке запиликал мобильный.

– Ника, это Андрей. Ты где? Я приехал, а тебя все еще нет.

– Андрей! – закричала она. – Не уезжай, пожалуйста, я скоро буду! Непредвиденные обстоятельства... – Она с неприязнью покосилась на Егора, который с видимым интересом прислушивался к ее разговору.

Андрей пообещал дождаться ее и сказал, что поменяет сегодня лишь один замок, а второй – на днях. И попросил не слишком задерживаться.

– У вас свидание? – с усмешкой, лишь ему понятной, поинтересовался Егор, когда Ника закончила разговор.

«А вам какое дело?» – хотела огрызнуться она, но ответила совсем другое:

– Нет. Это один мой знакомый, который сегодня должен поменять замок в двери. Меня, знаете ли, вчера ограбили, так что приходится принимать меры безопасности. Как видите, отменить эту встречу я не могу. Кстати, мой знакомый уже ждет меня возле квартиры, так что извините, Егор, больше я задерживаться не могу.

– Мы не закончили, Вероника. Я сказал, что мне бы хотелось посмотреть отрывки из рукописи, о которых вы говорили. Я подброшу вас до дома, и пока ваш знакомый будет менять замок, посмотрю рукопись.

От такого нахальства Ника даже растерялась. Пока она молча хлопала глазами, Егор положил несколько банкнот в кожаную папочку со счетом и, поднявшись из-за стола, просто спросил:

– Идем?

Это был странный вечер. Странный тем, что у нее в гостях опять был Андрей, который возился с ее дверью так буднично и привычно, будто выполнять мужскую работу в ее квартире было для него обычным делом. И тем, что в комнате на диване по-свойски расселся малознакомый мужчина и, потягивая из высокого стакана простую воду с таким видом, словно то было изысканное вино, шуршал распечатками. Непривычным было и то, что сама Ника в это время ковырялась на кухне с ужином. У нее все валялось из рук, дважды она чуть не обрезала палец ножом – когда чистила картофель и когда резала для салата упругий помидор, отсутствие вкусовых качеств которого компенсировалось внешним картинным видом. В продуктовый магазин она так и не успела заехать и сейчас радовалась тому, что на днях загрузила свой холодильник полуфабрикатами. Ладно уж, картофельное пюре и салат она в состоянии приготовить, а котлеты пусть будут казенные. Андрей, если верить Ольге, привык к таким, а Егор... Вряд ли владелец элитных ресторанов питается котлетами, купленными в супермаркете, но ничего, сам напросился. Будет для него уроком.

– Ник, у тебя отвертки поменьше не найдется? – раздался зычный бас Андрея.

Одновременно из комнаты ее позвал Егор:

– Вероника, можно вас на минуточку?

Девушка бросила на стол нож и, вытирая руки о застиранный фартук, направилась на голоса. Вначале она завернула к Андрею, чтобы сказать, что отверток у нее отродясь не было, и заодно сообщить, что скоро будет готов ужин. Втайне она боялась, что Андрей откажется от угощения, сошлетя на то, что его дома ждет жена. Но Андрей, не прекращая своего занятия, одобрительно промычал. Приободрившись, Ника отправилась в

комнату.

– Спасибо за воду, – поблагодарил ее Егор, протягивая пустой стакан. – После кофе мне часто хочется пить. Честно говоря, поэтому я пью его редко, предпочитаю чай.

– Тогда почему пили кофе в кафе?

– Мимолетное желание.

– Вы меня позвали лишь для того, чтобы вернуть стакан?

– Нет. Я все прочитал. Ну что ж, занятно, но, честно говоря, пока я не вижу, чтобы они имели какое-то отношение к пропаже моей сестры.

– А я вас предупредила, – напомнила Ника.

– Знаю, – поморщился Егор. – Но, как я вам уже сказал, мне нужно быть в курсе всех событий. Записка, кстати, мне показалась куда интересней. Так у вас точно нет предположений, кто и зачем прислал ее вам?

– Ни малейших. Вначале я подумала, что конверт мне отправил Эдичка перед своей гибелью, но эта записка путает все.

– Может, этот пакет вам прислал кто-то по его просьбе?

– Возможно, – пожала плечами Ника. – Но это все равно ничего не объясняет. Почему я должна быть осторожной? Какая опасность мне угрожает?

– Разберемся, – уверенно произнес Егор, будто Ника просила его разобраться в этой странной ситуации.

Она покосилась на него, но промолчала. Спросила другое:

– Так вы собираетесь ехать?

– Конечно! Сегодня же, только закончу ознакомление с, так сказать, материалом. Что у вас там еще есть? Вы обмолвились, что ездили в глубинку, чтобы сделать репортаж. Мне это тоже интересно. С кем вы там встречались? С кем общались? Где именно были?

Ника молча вскинула брови, выражая недовольство таким настойчивым допросом. И Егор, чуть смягчившись, сказал:

– Поймите, это не моя прихоть. Эти подробности могут пригодиться, чтобы понять, куда поехала моя сестра и что с ней могло приключиться.

– Я же ведь уже сказала вам, что отправилась она в N-скую область, предположительно в деревню Пустошь, так как неподалеку от нее и находится дом, где мы ночевали. Я дала Лере карту с отмеченным маршрутом, по которому мы проехали. Подробности я рассказала вам в кафе.

– Да, да, помню. Но мне бы хотелось посмотреть, если позволите, и ваши рабочие записи. Что-то ведь вы во время поездки помечали?

Ника вздохнула, но спорить не стала, принесла Егору рабочий блокнот и диктофон.

– Здесь только материал по деревням, вернее, по их проблемам. Не думаю, что это может иметь какое-то отношение к Лере, но раз вы настаиваете... Кстати, Егор, вы не пробовали просто заявить в милицию? Знаю, что они принимают заявление лишь на третий день после пропажи человека, но ведь у вас связи...

– Неужели вы думаете, что я не подключил к поискам сестры моих людей? – насмешливо посмотрел на нее мужчина. – Мои люди из службы безопасности еще вчера получили распоряжение, только, увы, никаких вестей не поступает, Валерия будто в воду канула. Вместе с машиной. Тьфу, тьфу, тьфу, не дай бог! – И он суеверно постучал по дереву, вызвав тем самым у Ники недоверчивую улыбку.

– Ну что вы усмехаетесь? – обиделся он. – Кстати, чем это у вас с кухни пахнет? Не пригорело ли что?

– Черт, котлеты! С вашими разговорами мы рискуем еще и без ужина остаться! – спохватилась Ника и метнулась на кухню.

Большую часть котлет удалось спасти, но парочку подгоревших до черноты с одной стороны и сырых – с другой пришлось отправить в помойку. Выкидывая испорченные котлеты, Ника про себя злорадно подумала, что надо было подать их Егору Сосновских, избалованному изысканными кушаньями в дорогих ресторанах. Пусть знает.

За ужин сели чинно втроем. Четвертым на кухню пришел набравшийся храбрости котенок, которого Андрей тут же посадил себе на колени. Вопреки Никиным ожиданиям, котенок не прыгнул в испуге и не убежал, а немного потоптался на коленях мужчины и улегся.

– Смотри, признал своего «папочку», – засмеялась девушка. Она все еще продолжала чувствовать себя неловко, разрывалась между Андреем, которому хотелось уделить больше внимания, и Егором, так нахально напросившимся к ней в гости и то и дело перетягивающим одеяло на себя.

Вот и сейчас, не успев завязаться разговор вокруг котенка, как Сосновских деловым тоном объявил:

– Прочитал ваши заметки. Надо сказать, увлекательно. Проникся, проникся я проблемами деревень.

Ника быстро взглянула на него, силясь понять по его непроницаемому выражению лица, издевается он или нет. По-крайней мере, иронии или сарказма по поводу деревенских проблем в его тоне не было.

– Но, к сожалению, ваши записи мне мало чем помогли.

– Еще бы! – фыркнула Ника. – Я же не писала о вашей сестре. Я

вообще не имею никакого отношения к ее пропаже, Егор, как вы не поймете! Разве что повинна в том, что рассказала Лере подробности командировки и не приложила должных усилий для того, чтобы отговорить ее от глупой затеи ехать в провинцию. И тем более я не знала, что поедет она одна!

– А что случилось? – спросил Андрей, накалывая на вилку кусочек котлеты.

И в этот момент у Егора зазвонил мобильный. Мужчина с такой поспешностью выхватил его из кармана, что чуть не опрокинул тарелку с почти нетронутыми котлетами.

– Да?! Валерия, ты? – гаркнул он в трубку и спустя мгновение разочарованно протянул: – А-а, Василий... Есть какие новости?

Андрей с Никой молча переглянулись и выжидающе замерли. Но Егор слушал собеседника с непроницаемым лицом, и прочитать по нему, хорошие или плохие новости ему сообщают, было невозможно.

– Ничего нового, – вздохнул он, закончив разговор и убирая телефон в карман. – Звонил мой человек, сказал, что Валерии нет ни в одной больнице, которые они обзвонили. Не только в московских и подмосковных, но и в областных. В моргах тоже нет девушек с похожими приметам. В сводках об авариях, случившихся за эти сутки, машина с Лериными номерами не фигурирует.

– Что будете делать? – растерянно спросила Ника, проникаясь сочувствием к Егору, который безуспешно старался скрыть свое волнение.

– Что, что... Поеду сам. И, Вероника, я попрошу вас поехать со мной.

– Что?! – воскликнула девушка и даже вскочила из-за стола. – Но я...

– Понимаю, понимаю, – устало перебил ее Егор и махнул рукой, призывая вновь сесть. – Но поймите и вы меня. У меня пропала родная сестра, ваша сотрудница. Девчонка, глупышка... Нужно было выехать в провинцию еще раньше, как только я забеспокоился. Но я не сделал этого, в чем и виню себя. Ждать больше нет смысла, надо ехать. И вы бы мне очень помогли, если бы поехали со мной.

– Но чем я могу вам помочь?!

– Не знаю, – правдиво ответил Егор после недолгой паузы. – Впрочем, хотя бы тем, что вы уже были в тех местах.

– Послушайте, – вмешался до этого молчавший Андрей. – Честно говоря, я тоже не вижу, чем бы могла помочь Ника в вашем путешествии. Тем более что она не хочет ехать. И к тому же...

– Пожалуйста, не беспокойтесь за то, что она отправится в поездку в обществе малознакомого мужчины, – правильно понял Егор волнение

Андрея. – Обещаю вам, что ничего с вашей подругой не случится, я не причиню ей вреда. Хотите, запишите номер моего мобильного, серию паспорта, если вас так беспокоит то, что я прошу Веронику поехать со мной.

– А как мне быть с работой? – спросила, почти сдаваясь, Ника.

– Я улажу этот вопрос. Возьмите за свой счет несколько дней, а я их вам оплачу. Либо, если хотите, скажитесь больной. А мой знакомый доктор выпишет вам больничный.

– Вторая проблема – маленький котенок...

– Я мог бы присмотреть за ним, – встрял Андрей, и Ника бросила на него благодарный взгляд.

– Ладно, Егор, – сказала она. – Я поеду с вами. Когда мы отправляемся?

– Полтора часа на сборы вам хватит? – обрадованно спросил Сосновских. И девушка утвердительно кивнула.

VII

Тихая ночь, свободное шоссе и приличная скорость немного уняли тревогу, но не растопили ее полностью. Егор лишь на время поддался умиротворенному настроению, зная, что это спокойствие – обманное, словно притихшая боль, которая вновь возвращается, едва заканчивается действие анальгетиков. Он чувствовал, что случилось что-то очень нехорошее...

Интуиция у него была кошачья. Совершенно не мужская. Егор уже давно привык доверять ей, даже если она отвергала все разумные доводы. И не прогадывал. Свой бизнес он так и строил: не только на расчетах, знаниях, консультациях, но и на интуиции. Она была его главным советчиком, партнером, ангелом-хранителем. И если сейчас Егор чувствовал, что с Лерой случилось что-то плохое, то наверняка так оно и было. Жаль только, что интуиция не могла рассказать, что именно произошло и где теперь искать Валерию. Но ничего, ничего, он найдет свою младшую сестру. С помощью этой журналистки.

Егор, на мгновение отвлекшись от дороги, бросил короткий взгляд на пассажирское место рядом с собой, где спала или делала вид, что спит, Вероника. Судя по тому, что дыхание девушки было ровным, ресницы не подрагивали, а поза была расслабленной, она действительно спала. С одной стороны, хорошо, потому что так она не отвлекала его вопросами. С другой – плохо, потому что, оберегая сон девушки, Егор не мог включить музыку. Чужой сон он уважал хотя бы потому, что ему самому времени на отдых катастрофически не хватало.

Пошел снег. Ленивый, медленный, вальяжный, будто старый кот, избалованный домашним уютом. Егор не волновался, что снег из скудно падающего, словно делающего одолжение, может превратиться в бойкую метель и засыпать дорогу. Его внедорожнику любая непогода не помеха. Он беспокоился о сестре, отправившейся в такой путь на непригодной к бездорожью машине. Ну почему он отпустил ее одну? Почему не принял ее желание ехать в глубинку как еще один из капризов, которые он привык исполнять? Одно дело – отказать в покупке лишних тряпок, другое дело – опасное путешествие, в которое Валерия отправилась самостоятельно. Знал бы он, что сговорчивая Лерочка на этот раз проявит такое упрямство! И где же его хваленая интуиция в тот момент была? Почему молчала?

И словно в том, что его интуиция промолчала в нужный момент, была

виновата Ника, он бросил на спящую девушку раздраженный взгляд. И еле сдержал порыв разбудить ее.

Ладно, пусть спит. Она и так уже помогает ему, хоть и не по собственному желанию. Интересно, ее приятель бросился ей на защиту лишь из рыцарских побуждений? Скорее всего, так. Вряд ли потому, что эта девушка как-то по-особому ему дорога. Интуиция Егора распространялась не только на события и ситуации, но и на людей и их отношения. Вот и здесь понял он, что испытывает Вероника к своему приятелю отнюдь не дружеские чувства, которые причиняют ей страдания. Впрочем, слишком уж явно читалось во взгляде девушки обожание, смешанное с грустью и горечью, когда она смотрела на этого Андрея, так что дело вовсе не в особой интуиции.

И почему баб так на женатых мужиков тянет? Егор вновь покосился на Нику, на этот раз с неприязнью. Женщин, вмешивающихся в семейную жизнь женатых мужчин, он не уважал. Потому что до сих пор не мог забыть и простить отцу его предательства. Когда Егору было пятнадцать лет, отец ушел из семьи, променяв заботливую жену и двоих детей на длинные ноги и белокурые локоны молодой свистушки. Мать простила отца, а он так и не смог. А теперь родная сестра пыталась разрушить чужую семью, поэтому Егор так категорично выступал против романа Леры с женатым коллегой.

Егор вновь посмотрел на спящую Нику. И эта... из таких же. Хотя, как ему показалось, девушка старается скрыть свою влюбленность. Но не знает, дуручка, что в ее взгляде все читается, как в раскрытой книге.

Впрочем, какое ему дело до чувств этой девицы! Так, отвлекся ненадолго от тревоги за сестру.

Чаю бы... Горячего, сладкого, крепкого. Жаль, не взял он с собой термос. Вообще почти ничего не взял, лишь сменную пару белья, носки, джинсы и дорожный набор средств личной гигиены. Зато девица погрузила в багажник его внедорожника внушительных размеров рюкзак, будто не на пару дней в поездку собралась, а как минимум на месяц. Что, интересно, она с собой взяла? По опыту Егор знал, что женщины берут в собой в путешествие кучу ненужных вещей, таких как туфли на немислимой высоте каблуках (даже если собираются в поход), вечерний наряд (даже если выходить им будет некуда), уйму косметических баночек-скляночек и кучу другой дребедени. Чего же набрала с собой эта девица? Впрочем, надо отдать ей должное, собралась она быстро: когда он заехал за ней, она уже была удобно и практично одета и обута, а в коридоре стоял приготовленный рюкзак.

Егор посмотрел на часы и убедился, что в дороге они уже четыре с половиной часа. Надо бы остановить машину, сделать короткую паузу, перекурить и размять ноги и затекшую спину. Так он и сделал. Свернул на обочину и заглушил мотор. И оттого, что машина остановилась, Ника проснулась.

– Уже приехали? – сонно спросила она, потягиваясь с таким удовольствием, будто до этого спала не в автомобильном кресле, а в удобной кровати.

– Нет. Короткий перекур, – ответил Егор, с жадностью закуривая прямо в машине. – Если хотите, можете выйти, подышать воздухом, размяться.

– Сколько мы в дороге?

– Почти пять часов.

– Должны быть совсем близко от районного города.

Егор ничего не ответил, открыл дверь и вышел на морозный воздух. Чуть позже из машины выбралась и Ника.

– Не холодно? Без куртки-то? – равнодушно поинтересовалась она.

Он неопределенно пожал плечами, не говоря ни «да», ни «нет».

– Может, чаю хотите? – вдруг предложила Ника.

Егор удивленно на нее вытаращился:

– Чаю?..

– Я взяла с собой термос. И сделала бутерброды. Хотите?

– Валяйте! – весело согласился он и впервые за все время улыбнулся. Улыбка у него оказалась приятной, располагающей, к тому же, как показалось Нике, она делала невыразительные черты лица Егора более привлекательными.

Ника с готовностью обежала внедорожник и по-свойски открыла багажник.

– Егор, помогите мне, пожалуйста.

– Что вы сюда нагрузили? Половину гардероба? Или бутерброды столько весят? – съехидничал он, с трудом вытаскивая ношу из багажника. Ника промолчала и, когда мужчина поставил рюкзак прямо на снег, ловко развязала шнурок и извлекла огромный термос и увесистый пакет.

– Ого! С вами с голоду не помрешь, – похвалил Егор.

– Опыт. Не во всякой командировке получается питаться в ресторанах, – поддела она его. – Впрочем, не обольщайтесь, я не такая уж хозяйственная. Чай приготовить и бутерброды сделать могу, остальное – нет.

– Я уже заметил, – беззлобно усмехнулся он, намекая на

полуфабрикаты, которыми Ника потчевала его накануне.

Перекусили они тут же, на свежем воздухе. Пить горячий чай под снегом показалось вкуснее, чем в комфортабельном салоне машины. Они по очереди отпивали маленькими глотками ароматный мятный чай из крышки термоса (кружка затерялась где-то на самом дне рюкзака), и было в этом процессе что-то интимное. «С Андреем бы так...» – подумала Ника, но без привычной грусти.

– Может, перейдем на «ты»? – предложил Егор, протягивая девушке пустую крышку от термоса. Видимо, тоже подумал, что в распитии чая из одной крышки, на пустой дороге, под ленивым снегом есть что-то сближающее, стирающее официальные рамки, растапливающее взаимное раздражение.

– Давай, – просто согласилась Ника, убирая термос и пакет с оставшимися бутербродами обратно в рюкзак. – Ну что, в путь?

Какое-то время они ехали молча, но было это молчание не неловким, а сытым и удовлетворенным.

– Какие у нас планы? – первой нарушила тишину девушка.

– Объехать городские гостиницы, узнать, не останавливалась ли в них моя сестра. Еще, возможно, больницы. Хоть мои люди и обзвонили уже все больницы в этой округе.

– Ясно. Я бы еще съездила к тому заброшенному дому, в котором мы со Стасом останавливались на ночлег. Вдруг Валерия добралась до него. И поспрашивала бы жителей в окрестных деревеньках...

– Само собой, – кивнул Егор, не отрывая взгляда от дороги. Немного помолчал и задал вопрос, который уже давно вертелся у него на языке: – Скажи, ты ведь согласилась поехать со мной не только из-за пропажи Леры, но и из личного интереса. Так ведь?

– Не буду обманывать. История с уничтоженной рукописью, смерть моего друга от сердечного недуга, которым он не страдал, похожая смерть Стаса – все это не дает мне покоя. Хотелось бы узнать об этом больше, только с какого краю начинать – не знаю. Была зацепка – баба Акулина, да и та померла.

– Можно поискать тех, кто ту бабку знал. Ваш друг ездил к ней? Если так, то его приезд не остался незамеченным.

– Дело в том, что я не знаю, ездил Эдичка к Акулине или нет. Но было бы неплохо вновь съездить в Лески и расспросить жителей. К сожалению, в первую мою поездку не представилось возможности поговорить с местными, я ничего не рассказала Стасу о своем интересе, мы выполняли лишь редакционное задание. Да и, если честно, не думала, что история

получит такое продолжение.

– Возможно, мы съездим в ту деревню, в которой проживала нужная тебе бабка, – согласился Егор.

– Но, конечно, на первом месте – поиски Леры, – поспешно вставила Ника. Не хотелось бы, чтобы он подумал, что отправилась она в поездку лишь из любопытства.

* * *

Ему никогда не было так больно... Так больно, как сейчас, когда он вглядывался в любимое лицо, пытаясь узнать в этих чужих острых линиях знакомые черты – плавные переходы, нежные изгибы, наивную мягкость. Когда пытался в потухших глазах найти прежний живой блеск. Когда мысленно молил истончившиеся и потрескавшиеся губы о мимолетной улыбке. Когда, прикоснувшись к желтой пергаментной коже, не ощутил под пальцами персиковой бархатистости. От нее прежней осталось только имя. Но когда он позвал ее, в ответ услышал еле различимый шепот:

– Меня зовут не Мишель...

Ему никогда не было так больно – ни физически, ни морально. Даже когда в шестнадцать лет его избили на ночной улице до полусмерти какие-то отморозки. Сломанные ребра срослись, раны затянулись, гематомы рассосались. Ему не было так плохо и больно даже тогда, когда умерла мать, хоть ему в тот момент и казалось, что на него обрушилось небо. Но и эти два самых худших события в его жизни, даже объединившись, проигрывали тому отчаянию, которое овладевало им при мысли, что он вскоре может остаться один, без Мишель.

Он смотрел сейчас на другую девушку и ненавидел ее уже за то, что она была так непохожа на Мишель. За то, что жизнь в ней играла красками. Ему были противны до отвращения здоровый румянец на щеках девушки, фарфоровая гладкость ее кожи, холеный блеск ее волос. Она из другой жизни, не той, что Мишель. Не знала ни взлетов, ни падений. Она – пустая кукла, тогда как Мишель – ангел, пусть и падший, познавший вместе с поцелуями жизни и ее оплеухи. Чем эта кукла заслужила то, что жизнь ее баловала, сыпала милости, как новогоднее конфетти? Ведь ей не сравниться с Мишель, их даже сравнивать смешно. И уже за то, что эта кукла так вызывающе, так несправедливо избалована жизнью, она заслуживает смерти. Ее смерть в обмен на жизнь Мишель.

Старик отказывает ему в помощи? Что ж, он и сам справится!

Они прибыли в районный город тусклым, припорошенным сумерками утром и, не привередничая, выбрали для отдыха и завтрака первое встретившееся на пути кафе. В этот ранний час других посетителей, кроме них, не было, но в воздухе уже витали запахи кофе и чего-то жареного. Едва присев за столик, проголодавшаяся Ника схватила меню и, не листая его, сразу остановила выбор на оладьях. Егор же решил просто выпить чаю.

Невыспавшаяся официантка приняла их заказ в хмуром молчании и поплыла к стойке с такой ленивой неторопливостью, что Ника заранее настроилась на то, что завтрак придется ждать долго, кофе подадут остывшим, а оладьи окажутся резиновыми.

Однако, вопреки ее опасениям, завтрак не разочаровал. Официантка, все так же не проронив ни слова, поставила перед ней чашку с обжигающим кофе, оказавшимся на вкус совсем недурственным, и тарелку с по-домашнему пышными и румяными оладьями.

– Между прочим, очень даже ничего, – похвалила Ника, попробовав принесенное. – Может, тоже закажешь?

– Нет аппетита, – признался Егор.

– Если тут всё так готовят, как оладьи, неплохо бы взять это кафе на заметку и пообедать здесь.

– Мы еще не знаем, где можем оказаться в обеденное время, – хмуро обронил Егор.

– Что будем делать дальше? – поинтересовалась Ника, обмакивая кусочек оладьи в густой клубничный джем.

– Послушаем, что интуиция подскажет, – ответил он, чем немало удивил девушку. Она считала, что у Егора все должно быть просчитано на несколько ходов вперед. И тут – «что интуиция подскажет». Ника даже опустила поднесенную ко рту вилку с наколотым на нее кусочком оладьи и изумленно посмотрела на своего спутника, попивающего чай с самым невозмутимым видом. Он что, не шутит? Полагаться на интуицию – это все равно что следовать за ветром. Не предугадаешь, когда сменится направление и в какую сторону ветер задует вновь.

Егор не смог сдержать усмешки, заметив, какое растерянное выражение приняло лицо девушки. Она, похоже, всерьез полагала, что сейчас он выложит перед ней разбитый на пункты и подпункты план поиска Валерии.

– Чему ты усмехаешься? – спросила она обиженно, чем лишь подтвердила его догадку.

– Забавно выглядишь. Ладно, доедай свои оладьи, и поедем объезжать гостиницы.

Он оглянулся, чтобы подозвать сонную девушку и расплатиться за заказ. Но та уже отошла к столику в самом дальнем углу, который занял мужчина в кепке и кожаной куртке. Не заглядывая в меню, новый посетитель сделал заказ и, когда официантка отправилась его выполнять, развернул газету и углубился в чтение.

Пока Ника торопливо доедала оладьи, Егор расспросил закончившую обслуживать нового клиента официантку о количестве гостиниц и больниц в городе. Выяснилось, что в городе всего одна гостиница (в которой в прошлый приезд останавливалась Ника) и один госпиталь.

– Тем лучше, быстрее закончим, – провозгласил он, когда официантка, получив расчет и чаевые, удалилась.

Ника с удовольствием задержалась бы в этом теплом кафе, выпила еще кофе и, может, заказала бы еще и пирожное, но она понимала, что приехали они не отдыхать, а искать пропавшую сестру Егора и что малейшее промедление может дорогого стоить.

Они быстро выяснили, что Лера не останавливалась в городской гостинице. Забронировав на два дня вперед два одноместных номера, они отправились в госпиталь. Но и его посещение также ничего не дало. В списках поступивших за последние двое суток фамилии Сосновских не значилось, и ни одна из больных не попадала под описания Лерочки. В качестве посетительницы Валерию тут тоже никто не запомнил.

– Похоже, ее действительно тут нет. То ли она так и не доехала до города, то ли решила не задерживаться здесь и двинулась дальше, – задумчиво проговорил Егор, когда они с Никой спускались по ступенькам высокого крыльца госпиталя.

– Позвони ей еще раз, – предложила девушка, хоть и предчувствовала, что очередной звонок на мобильный Валерии вряд ли что-то изменит. Егор звонил сестре каждые полчаса и каждый раз натыкался на механический голос, безжалостно повторяющий, что абонент временно недоступен.

Он, однако, спорить не стал. Вытащил телефон и, потыкав в кнопки, приложил его к уху. Немного послушал и опустил руку.

– То же самое, – с горечью произнес он.

– Егор, я верю, что с Лерой не случилось ничего страшного! Может, у нее и впрямь батарея разрядилась?

– За это время она могла бы зарядить ее в машине несколько раз. Или,

если ей это по каким-то причинам не удалось, найти, откуда мне позвонить. Знает ведь, что я волнуюсь. Как бы там ни было, ссорились мы нечасто и наши размолвки не затягивались надолго. Валерия отходчивая, подуется и вскоре забывает об обиде. Нет, с ней что-то случилось! Я чувствую! – Последнюю фразу он почти выкрикнул, и с такой отчаянной горячностью, что Нике захотелось сказать Егору что-то очень теплое, обнадеживающее и даже, может быть, похлопать по плечу, чтобы приободрить. Но ничего из этого она сделать не успела, потому что у нее зазвонил телефон.

– Ника, здравствуй! – услышала она в трубке взволнованный голос Юлия Борисовича. – Я звоню тебе, чтобы сказать, что нашелся конверт с рукописью Эдички!

VIII

После работы, не заезжая домой, Андрей отправился на Никину квартиру – проведать котенка. По дороге он не удержался и заехал в зоомагазин, в котором приобрел раньше кошачье «приданое». Ему казалось, что к маленькому котенку, почти как к новорожденному, неприлично приходиться с пустыми руками. «Какая разница – человеческий это детеныш или кошачий, главное, что ребенок», – так думал он, разглядывая витрину с игрушками для четвероногих друзей. Как жаль, что Лилька наотрез отказалась принять котенка в дом. «Вот тебе, получай!» – мысленно добавил он, в каком-то шальном азарте отдавая на кассе значительную сумму за покупки. Будто, потратив часть своей зарплаты на гостинцы котенку, тем самым отомстил жене за ее черствость и любовь к деньгам.

Котенок встретил его требовательным мяуканьем и, пока Андрей снимал куртку, нетерпеливо терся о его ноги.

– Соскучился? – ласково спросил мужчина. – А ну-ка, пойдем! Посмотрим, что я тебе принес! – с этими словами Андрей подхватил Рыжего под живот, взял пакет и отправился на кухню.

Первым делом он сменил воду в пластиковой миске, затем, тщательно вымыв вторую, выложил в нее добрую порцию паштета. И пока котенок с урчанием ел, разбирая сумку, приговаривая:

– Рыбный паштет... Тебе должен понравиться! Паштет с креветками и тунцом... Сам бы съел, так аппетитно звучит. Какие-то витаминные палочки. Пахнут, если честно, отвратительно, но девушка в магазине уверяла, что котяткам они нравятся. А вот это – игрушки. Целый пакет! И мышонок, такой же маленький, как и ты, и палочка с веревочкой, и мячик. Как, Рыжий, ты уже все съел?!

Котенок справился с паштетом за считанные секунды и, подняв на мужчину круглые желтые глаза, требовательно мяукнул.

– Еще хочешь? Какой ты прожорливый! Ладно, дам тебе еще паштета, вот этого, с тунцом... Раз растущий организм требует.

Пока котенок управлялся с новой порцией еды, Андрей убрал баночки с кошачьей едой в кухонный шкаф – к тому пакету с кормом и банками с паштетами, которые там уже были. Затем поменял песок в лотке, разложил на полу новые игрушки и огляделся в поисках, что бы еще сделать. Домой возвращаться совсем не хотелось. Он представил, что приедет к себе,

зайдет в темную квартиру, в которой его никто не ждет (Лилька, как обычно, задерживалась), и поморщился, как от зубной боли. Пустая квартира казалась холодной и заброшенной.

Здесь, в чужом жилище, он чувствовал себя куда спокойнее и уютнее, чем дома. Андрей покосился на котенка, доедающего паштет – на этот раз неторопливо, сыто, устало, лишь от нежелания оставлять в миске последние кусочки, – и подумал, что и сам не прочь чем-нибудь перекусить. Вчера он, помнится, не принял всерьез Никино предложение распорядиться в ее квартире, как дома, но сейчас, чувствуя унылое скуление в голодном желудке, подумал, не воспользоваться ли на самом деле гостеприимным предложением хозяйки. К месту вспомнилось, как недавно он пил чай здесь, на кухне. Горячий ароматный чай с вишневым вареньем, которое действительно оказалось таким вкусным, как его и нахваливала Ника. И ему нестерпимо захотелось налить себе большую кружку чаю, положить в вазочку того самого варенья (интересно, осталось ли оно?) и сделать бутерброд. Неважно с чем, хоть с сыром, хоть с колбасой. А то и с колбасой и сыром.

Котенок лениво отошел от пустой миски и, не обращая на Андрея внимания, принялся тщательно умыть усы.

– Что, наелся? А я вот, глядя на тебя, проголодался. Как ты думаешь, твоя хозяйка не рассердится, если я немного похозяйничаю в ее холодильнике?

Котенок бросил на него короткий взгляд, и Андрей решил, что Рыжий не возражает. Вишневое варенье, к его великой радости, не закончилось. Банка стояла на третьей полке, а рядом лежал завернутый в пленку кусок «Докторской» колбасы. Любимой колбасы Андрея. И если он еще сомневался в том, стоит ли без спросу брать чужую еду, то колбаса разрешила все его сомнения. Мужчина наполнил электрический чайник водой, отрезал от зачерствевшей буханки ломоть, а от «Докторской» – толстый кусок, всыпал в самую большую кружку, которую только нашел в шкафу, четыре ложки сахара, бросил пакетик чая и в ожидании, когда закипит вода, уселся за стол.

– Что поделать, брат, голод – не тетка, – будто оправдываясь, сказал он котенку, уже заинтересовавшемуся разбросанными на полу кухни новыми игрушками.

Плеснув в чашку кипятка и предвкушая, как он сейчас съест бутерброд, запивая его горячим чаем, Андрей присел за стол. И в этот момент услышал, как в замке, который он не успел поменять, тихо, осторожно поворачивается ключ.

Ника обеспокоенно поглядывала в окно машины, с тревогой отмечая, что пейзажи уже растворяются в еще жидких, но быстро сгущающихся, словно кисель, сумерках. А они ведь рассчитывали засветло попасть в Пустошь, в пяти километрах от которой располагалось поле с заброшенным домом! По их с Егором предположениям, Валерия могла напрямик отправиться в те места, чтобы встретиться с милиционером и фельдшером, засвидетельствовавшими смерть Стаса.

Выехали они сразу после обеда. Задержались в городе, чтобы купить в продуктовом магазине какой-нибудь еды в дорогу, на всякий случай. А потом Егор сбился с пути.

Виной всему был навигатор, который он запрограммировал на деревню Пустошь N-ской области. Аппарат бодро известил, что в дороге они проведут полтора часа, но в итоге коварно завел в ограниченное с трех сторон густым лесом поле, в котором дорога обрывалась. Видимо, название «Пустошь» навигатор понял в буквальном смысле слова. Или был этот чудо-аппарат сконструирован одним из далеких потомков Ивана Сусанина? Выбираться пришлось уже самостоятельно, наугад, потому что подлый навигатор продемонстрировал растерянно замершую на молочно-белом, без всяких признаков дороги, экране стрелку. Пока развернулись, пока выехали на узкую дорогу, пока по кочкам добрались до разбитой трассы... Егор в сердцах тихо чертыхался себе под нос, Ника с тревогой бросала взгляды то на спутника, то в окно.

– Не в первый раз такое вытворяет, – пожаловался на навигатор Егор, когда им удалось выбраться на дорогу. – Ну его на фиг! Достань лучше карту.

Путешествие грозило затянуться, и девушка всерьез стала сомневаться в том, что им удастся вернуться в областной город сегодня же. Ночевать опять в каком-нибудь заброшенном доме она отказалась бы наотрез. Лучше уж в машине, если им не удастся попасть этой ночью в забронированные номера.

– Неплохо было бы поспрашивать на постах ДПС, не видел ли кто машину Валерии, – предложила Ника, и Егор устало кивнул:

– Естественно. Только, как сама видишь, еще ни одного поста дорожной службы нам не попало.

С этим пришлось согласиться.

«Как ты думаешь, сможем ли мы сегодня вернуться в город?» –

вертелся у нее на языке вопрос, который она не решалась задать. Про себя Ника очень надеялась на то, что их с Егором путешествие не затянется. Хотя она, позвонив днем на работу, сказала больно и отпросилась на пару-тройку дней, ей хотелось поскорей вернуться в Москву. И дело было не только в том, что поездка вызвала ассоциации с командировкой, в которой умер Стас, но и в том, что ей не терпелось ознакомиться с рукописью Эдички.

Со слов Юлия Борисовича, Ирина Петровна решила перебрать шкаф с вещами сына. Тот самый, «хранитель секретов». Шкаф оправдал свое звание: на полке между сложенной одеждой обнаружился пергаментный конверт, на котором значилось «Отдать Нике», а внутри – несколько листов с распечатанным на них текстом. К сожалению, это снова были всего лишь отрывки, а не рукопись целиком, но и они, как надеялась Ника, могли помочь. Юлий Борисович просил девушку забрать конверт сегодня же, потому что на следующий день собирался уехать с Ириной Петровной из Москвы на пару недель. Нику это сообщение очень расстроило, потому что в таком случае увидеть новые фрагменты романа ей предстояло лишь через две недели. Но она быстро нашла выход: позвонила Ольге и, объяснив ситуацию, попросила подругу встретиться с Юлием Борисовичем возле метро и забрать конверт. Подруга великодушно согласилась помочь, а отец Эдички не возражал против того, чтобы подвезти конверт на ту станцию метро, возле которой жила девушка. Таким образом, отрывки из рукописи должны были уже сегодня быть у Ольги.

– Егор, сколько нам еще до деревни? – не выдержала молчания Ника.

Он, не глянув на нее, коротко, будто нехотя, ответил:

– Полчаса как минимум.

– Ясно, – сказала она, поняв, что разговора не будет. Жаль, можно было за болтовней скоротать время. Но навязываться ей не хотелось.

– Тебе не мешает музыка? – спросил он и, когда Ника мотнула головой, не глядя вставил в дисковод первый попавшийся диск и нажал на клавишу.

На диске оказался сборник иностранных баллад. И хоть Егор больше любил другую музыку (Макаревича, Кинчева, Бутусова...), сейчас эта музыка, расслабляющая, успокаивающая, оказалась как нельзя кстати.

Алинин диск. Усаживаясь в его машину, она первым делом всегда вытаскивала из магнитолы его диски и ставила свои. И вот этот, с балладами, забыла. словно оставила ненавязчивое, как почти выветрившийся аромат духов, напоминание о своем былом присутствии.

В холостые моменты жизни брата Валерия неоднократно пыталась

познакомить его с кем-нибудь из своих подруг и приятельниц, но все Леркины подруги были словно из одного эшелона, одинаково «отшлифованные» в соляриях, салонах красоты и спортзалах, будто отлитые из единой формы. Эшелон Барби. Они все были настолько одинаковы, что Егор то и дело путал их имена. Барышни обижались – иногда в шутку, иногда всерьез. И скучно с этими ожившими Барби тоже было одинаково. Свидания проходили по шаблону «ресторан, клуб или казино». Томные взгляды из-под длинных ресниц, жемчужные улыбки, небрежные встряхивания густых блестящих грив – волосок к волоску, идеально выпрямленных или идеально завитых, как у красавиц из рекламы средств по уходу за волосами. Они, эти красавицы, и были «рекламными» – моделями, начинающими певицами и актрисами. Так они всегда представлялись, хотя на самом деле являлись профессиональными охотницами за состоятельными мужьями. Скучными, озабоченными своей внешностью, читающими лишь журналы моды. Но сестра почему-то считала, что ему и нужна такая спутница – с внешним лоском, но наполненной воздухом сущностью. Как ни горько ему было признавать, Лерка просто не знала другого мира. Это была ее Вселенная – общество куклоподобных красавиц, магазины, журналы, салоны красоты. Лишь недавно она изменилась, когда встретила этого фотографа: стала проявлять некое рвение к работе, даже заинтересовалась фотографией. Может, зря он так противился этой связи?

А Барби... Все встречи после первого свидания он сводил на нет. Ему не нужна была кукла, ему нужно было живое общение.

Алина, дочь его бывшего партнера, была другой. Красива совершенной красотой, естественной, дикой, неприрученной. От нее сладко пахло ванилью, иногда – шоколадом, и этот ванильно-шоколадный запах напоминал Егору о детстве, о тех безоблачных годах, когда отец еще не разбил их счастливую и, казалось, монолитную семью.

С Алиной было интересно. Она окончила два университета, заведовала собственной юридической фирмой. И в деловых костюмах она выглядела куда сексуальней, чем все эти Леркины подружки в откровенных тряпочках из последних коллекций.

Ему нравилось, что на лице Алины под вечер читалась усталость, а не скука, свойственная Барби. И еще любил он, когда на его вопрос: «В каком ресторане поужинаем?» – она отвечала, что у нее в квартире. И заказывала на дом пару пицц. «В ресторане я чувствую себя так, будто пришла к тебе на работу», – оправдывала она свое пристрастие к пицце, которую они уплетали, сидя на ее диване, запивая испанским вином, под французские

фильмы.

Но их отношения закончились. Однажды Егор проснулся рядом с Алиной и с удивлением понял, что, несмотря на то, что она ему нравится и с ней ему интересно, он ее не любит. И хоть перспектива уютных вечеров под пиццу, вино и французские фильмы казалась ему поначалу привлекательной, не с этой женщиной он собирался рука в руке войти в старость.

Алина молча его выслушала и грустно улыбнулась: «Что ж, ты, наверное, прав».

Расстались они спокойно, иногда продолжали созваниваться, как старые знакомые, но видеться больше не виделись. И только вот этот диск, случайно или нарочно оставленный ею в его машине, напомнил ему о ней.

Лера, как только узнала, что он расстался с Алиной, взялась за старое и дала ему сразу четыре телефона своих приятельниц. Но Егор на этот раз резко пресек все попытки сводничества. Лерка поначалу обиделась, но потом вроде сдалась. «Как хочешь. Но если тебе будет грустно, позвони Лоле. Она будет очень рада. Или, что еще лучше, Эльвире, она уже давно мечтает с тобой познакомиться». Лола, Эльвира... Кошмар какой. От этих имен так и веяло томностью, напыщенностью, искусственностью. Нет, спасибо.

Егор невольно покосился на девушку, дремлющую на соседнем сиденье. Ника не была похожа ни на подружек Леры, ни на Алину. В ней вообще не было ни гламурного лоска, присущего Лериним приятельницам, ни намек на дикую, в чем-то агрессивную, но естественную красоту Алины. Ника была совершенно другой. И чувства она тоже вызывала другие. С одной стороны, она вызывала у Егора раздражение (видимо, сказывалась ее профессия: он не любил журналистов), но с другой – ему вдруг захотелось протянуть руку и легонько коснуться светло-золотых веснушек на ее скуле.

Девушка словно почувствовала, что он на нее смотрит, и открыла глаза.

– Что? – спросила она, морща нос и жмурясь, будто взгляд Егора разбудил ее, подобно солнечному зайчику.

– Нет, ничего. Просто посмотрел на тебя, – ответил он и с улыбкой добавил: – Завидую твоей возможности спать в дороге. Мне за рулем, как понимаешь, вздремнуть не удалось.

Выглядел он уставшим: покрасневшие глаза, резче обозначившиеся морщинки в их уголках, темные круги.

Ника, проникшись невольным сочувствием к Егору, предложила:

- Останови машину и отдохни немного.
- Нет, мы уже почти у цели, почти подъезжаем к Пустоши. Лучше расскажи мне что-нибудь.
- Что именно?
- Да что угодно! О себе, например.
- «О себе» – понятие растяжимое, – усмехнулась девушка и, повозившись, устроилась удобней в кресле. – Это и о своих вкусах, и работе, и свободном времени, если оно есть...
- Этот парень, Андрей, он ведь тебе нравится, да? – неожиданно вырвалось у него.
- Ника растерянно заморгала и покраснела.
- Я так и подумал, – уверенно припечатал Егор.
- Это не твое дело, – резко ответила она.
- Ты права, это не мое дело, – поспешно согласился он, ругая себя за оброненную необдуманно фразу.
- Это... так заметно? То, что он мне нравится?
- Я заметил, – ответил он, пожимая плечами. – Но это не значит, что твой интерес бросается в глаза. Этот парень, похоже, даже не догадывается о твоих чувствах.
- И слава богу! Это... моя тайна. Мы с ним никогда не будем вместе, я это прекрасно понимаю, так что ему незачем знать.
- И ты решила «похоронить» себя в этих безнадежных, как ты сама признаешь, чувствах?
- Зеленые глаза девушки вспыхнули возмущением.
- Тебя это не касается! – огрызнулась она и отвернулась к окну.
- Прости, – повинился Егор. Он действительно чувствовал себя очень неловко из-за своей бестактности.
- Ладно уж, – проворчала примирительно девушка. – Лучше расскажи о себе.
- А мне о себе рассказывать скучно, – с улыбкой сказал Егор. – Про работу не хочется. А про личную жизнь – нечего, потому что на нее не остается времени. Правда, один раз я чуть не женился, но расстался со своей невестой три месяца назад.
- Из-за нехватки свободного времени? – спросила Ника без особого интереса, все еще немного дуюсь на него из-за бестактных реплик.
- Не совсем. Просто наши отношения полностью исчерпали себя. Понимаешь, о чем я?
- Прошла любовь, завяли помидоры...
- Что-то вроде того. Можно сказать, мы «дочитали» их, как

интересную книгу, и поставили точку. Каждая книга оставляет какое-то впечатление, «послевкусие». Какая-то разочаровывает или вызывает скуку, другая – напротив, заставляет жалеть о том, что она уже закончилась. Сюжет третьей долго не отпускает, а иногда хочется переписать некоторые главы, чтобы прийти к иному финалу... Нет, наша «книга», хоть и была интересной, пришла к логическому завершению. Осталось приятное впечатление, сюжет врезался в память, но перечитывать этот роман во второй раз не хочется.

– Понятно, – кивнула Ника. – Видимо, и так бывает. Я же, к сожалению, никак не могу расстаться с любимым «романом», хоть мне бы и хотелось поставить его на самую дальнюю полку и достать другой.

– И что же, никогда не предпринимала таких попыток? – серьезно спросил Егор.

– Предпринимала, отчего же... Только книги почему-то оказывались журналами, которые я быстро пролистывала без всякого интереса и сдавала в макулатуру.

Он засмеялся, развеселившись от такого ее сравнения. Ника, бросив на него взгляд, опять отметила про себя, что и улыбка, и смех делают невыразительное лицо Егора довольно приятным.

– Уже почти приехали, – сказал он, резко меняя тему. – Вон указатель на деревню Пустошь.

* * *

Ему не слышалось. Кто-то действительно вставил ключ в верхний замок и пытался открыть дверь. Андрей бесшумно поднялся из-за стола и на цыпочках прокрался в коридор. Он сразу понял, что это была не Ника. По логике, она еще не должна была вернуться из поездки – путь ей предстоял не близкий. Но даже если бы и так... Хозяева *так* замок не открывают: осторожно, будто крадучись, вставляя ключ и медленно, боясь наделать лишнего шума, проворачивая его.

Андрей, затаив дыхание, приблизился к двери и глянул в «глазок», но ничего не смог разглядеть, так как свет на площадке не горел. Тем временем неизвестный открыл верхний замок и попытался вставить ключ в нижний. Андрей тихонько отпрянул от двери и в напряжении закусил губу. Тот, кто пытается отпереть дверь, не знает, что она заперта всего лишь на верхний замок и что нижний вчера был заменен. Андрей жалел сейчас

лишь об одном – о том, что не заменил сразу оба замка. Хотя он и предчувствовал подобную ситуацию, не думал, что она произойдет так скоро. За Никой, похоже, следили и знают об ее отсутствии.

На площадке тихо выругались. Андрей почувствовал, как его сердце выдает рваную дробь. Если сейчас неизвестный надавит на ручку, дверь откроется. Андрей внутренне подобрался на тот случай, чтобы, если так и произойдет, нанести незнакомцу удар. А что, если самому распахнуть дверь? Может быть, от шока грабитель растеряется, и Андрей выиграет пару секунд для того, чтобы нанести запланированный удар. Но только он решил так поступить, как в кармане запиликал мобильный.

– Ёпт... – не сдержал Андрей тихого восклицания, торопливо доставая выдавший его телефон, и в это же мгновение услышал, как неизвестный затопал по лестнице вниз.

Андрей рывком распахнул дверь и выскочил на темную площадку:

– Стой! Стой, сволочь!

Прыгая через ступеньки, он бросился вдогонку. Но неудачно прыгнул, подвернул ногу и упал. Выругавшись, он вскочил и, прихрамывая, выбежал из подъезда. Но тех нескольких мгновений, на которые он замешкался, хватило для того, чтобы злоумышленник успел скрыться. Ничего другого не оставалось, кроме как вернуться в брошенную незапертой квартиру.

Когда он поднимался по лестнице, мобильный вновь заверещал.

– Почему ты не берешь трубку? – услышал Андрей в трубке недовольный голос жены.

– Я не мог ответить, был занят, – с закипающим раздражением ответил он. Если бы не ее несвоевременный звонок, ему бы удалось увидеть пытавшегося проникнуть в Никину квартиру человека.

– Чем таким, интересно, ты занимался? И где ты?

– У знакомой. Навещаю котенка, которого ты не захотела оставить, – честно признался Андрей и со злорадством подумал, что ему все равно, как отреагирует жена на его заявление. Если начнет орать прямо по телефону, он просто отключит мобильный, и все.

– Котенка? – ожидаемо взвилась она. – Замечательное дело! Он навещает котенка, тогда как дома не вынесен мусор! И не куплен хлеб!

– Сама и вынеси. И хлеба купи.

– Я?! – захлебнулась от возмущения Лилька. – Ты мне это говоришь?! Да я... Я вкальваю на работе, как папа Карло, задерживаюсь, чтобы заработать лишнюю копейку! А он даже мусор не может вынести!

– Между прочим, я тоже весь день на работе, – зло ответил Андрей. – Нравится это тебе или нет. А до недавнего времени у меня было две

работы, и я пахал в обе смены. И ничего! И, между прочим, мусор выносил и хлеб покупал! Тогда как ты, заканчивая на старой работе сразу после полудня, не удосуживалась дома встретить меня ужином! Нормальным ужином, а не разогретыми в микроволновке полуфабрикатами! И ничего, я тебя не упрекал!

– Ну, знаешь... – фыркнула Лилька.

Андрей, не дожидаясь, когда она найдет слова, отключил телефон.

– Вот такие, брат, дела, – с горечью пожаловался он вышедшему на шум котенку. – Никогда не женись на стервах.

Андрей прошел на кухню, где на столе его дожидался остывший чай и целый бутерброд. С пару секунд взирал на чашку, затем выплеснул холодный чай в раковину и, включив вновь чайник, уселся за стол. Домой возвращаться совсем перехотелось.

* * *

В окнах небольшого покосившегося домика с вывеской «Милиция» свет не горел. Однако, несмотря на это, Егор поднялся по расчищенным от снега и льда ступеням деревянного крыльца и громко постучал три раза. Подождал немного, прислушиваясь, и повторил стук.

– Не может быть, чтобы не осталось дежурного, – недовольно проворчал он и надавил на дверь. Та оказалась запертой.

– Егор, это не город, а маленькая деревня. Какие тут могут быть происшествия? Разве что какой-нибудь мужичок напьется и пойдет горланить песни по улицам. Так это даже не происшествие.

– И все же, я думаю, кто-то да должен тут быть. Может, дежурный куда-то отошел?

– Может быть, и так, – пожала плечами Ника.

Егор спустился к ней, задумчиво огляделся, но в темноте, рассекаемой лишь тусклым светом одинокого фонаря, висевшего над дверью, разглядеть что-либо было невозможно.

– Егор, здесь должен быть магазин, в котором, как я себе это представляю, собираются местные. Вот с ними мы и сможем потолковать. Если Лера добралась до этой деревни, то ее приезд вряд ли остался незамеченным.

– Разумно, – принял он ее доводы и, аккуратно ступая, чтобы не утопить в раскисшей жиже старого снега и земли дорогие ботинки, направился к машине. Ника поспешила следом за ним.

– Надо было резиновыми сапогами запастись, – проворчала она. – У тебя случайно в багажнике не завалялась парочка?

Услышать ответ Егора Ника не успела, потому что в этот момент у нее зазвонил телефон.

– Андрей?.. – спросила она, приложив мобильный к уху.

Егор отметил про себя, что голос ее переменялся, зазвенел от волнения. И хоть в темноте этого нельзя было увидеть, он был почти уверен, что щеки Ники заалели. Он еще в первую встречу обратил внимание на эту особенность ее щек – чуть что, сразу покрываться румянцем. И ей шел этот смущенный румянец, который нежно вуалировал золотые веснушки и подчеркивал зеленый цвет глаз. С такими мыслями Егор открыл дверь машины, и Ника, не отрывая телефона от уха, забралась на пассажирское сиденье.

– Не понимаю, Андрей, – звенел ее голос, в котором звучали нотки тревоги.

Егор, прежде чем нажать на газ, бросил обеспокоенный взгляд на девушку. Выражение ее лица ему не понравилось: слишком напряженное, взволнованное, даже немного испуганное.

– Какое варенье? И при чем тут дверь?.. – Хмурясь, какое-то время она слушала, что ей говорит голос в трубке. – Хорошо, Андрей. Я не возражаю... Когда вернусь, не знаю. К сожалению, мы не нашли Валерию, продолжаем поиски. Нет, не беспокойся, со мной все в порядке. Да, Андрей, я буду осторожной.

Последние две фразы она произнесла почти шепотом, и ее щеки, покрытые, как и предполагал Егор, розовым румянцем, на этот раз полыхнули бордовым.

«Не так-то просто тебе расстаться со своей „недочитанной“ книгой», – подумал Егор и завел двигатель.

– Что случилось? – спросил он, когда Ника, закончив разговор, убрала телефон обратно в карман.

– Ничего не понимаю... Мне позвонил Андрей и стал рассказывать про какое-то вишневое варенье и «Докторскую» колбасу, которую он съел. И что если бы не эта колбаса, которая его задержала, он бы не узнал, что в мою квартиру кто-то пытался проникнуть. Он просил разрешения поменять и верхний замок в моей двери...

– Что? Кто-то пытался проникнуть в твою квартиру? – перебил Егор.

– Да. К сожалению, злоумышленника спугнул звонок мобильного телефона Андрея. Так что увидеть, кто это был, не удалось.

– Так, стоп, – перебил ее Егор. – Повтори еще раз, спокойнее и с

подробностями.

Ника, бросив на него короткий взгляд, прочитала в его глазах тревогу. И, признаться, ей почему-то было очень приятно это беспокойство Егора.

IX

Ольга торопливо открыла дверь и, пропустив дочь вперед, вошла в квартиру. Она пребывала в хорошем настроении: была довольна и тем, что успела выполнить поручение Ники, и тем, что Даша, которую она взяла с собой, не капризничала во время прогулки и охотно дала увести себя с улицы. Но больше всего Ольга радовалась тому, что пять минут назад позвонил Володя и сообщил, что сегодня приедет домой вовремя. И теперь Оля спешила приготовить ужин к приходу мужа, что-нибудь быстрое, но в то же время вкусное. Мысленно перебрав содержимое холодильника, она решила приготовить куриное филе с ананасами, как любил Володя. Если Даша не станет капризничать, требуя внимания к своей персоне, а займется чем-нибудь своим, то ужин как раз успеет к приходу мужа.

Оля положила на стол в гостиной конверт, предназначенный для Ники, а затем вернулась в коридор, чтобы разуть и раздеть дочь.

– Хочу лисовать! – объявила Даша, когда Ольга снимала с нее сапожки.

– Рисовать? Замечательно! Я дам тебе карандаши, и ты к приходу папы нарисуешь что-нибудь очень красивое.

– Я нарисую кошку, – важно провозгласила дочь, без капризов давая снять с себя курточку.

– Кошку? Полосатую? Которую мы видели сегодня во время прогулки?

Даша кивнула и, едва избавившись от верхней одежды и обуви, ринулась в гостиную. Когда Ольга вошла следом за дочерью, та уже в ожидании восседала за столом.

– Лисовать! – в нетерпении потребовала девочка.

– А ручки помыть после прогулки? – возразила Ольга. – Как же ты грязными ручками будешь брать новые карандаши?

– Они не грязные, – заявила Даша и продемонстрировала матери две бледно-розовые ладошки.

– Ну как же не грязные, когда мы вернулись с улицы! Давай умоемся, а потом мама принесет тебе, как и обещала, карандаши и бумагу.

Дочь повиновалась, видимо, купилась на обещание опробовать новые карандаши. Тщательно вымыв дочери руки, Ольга отвела ее обратно в гостиную, достала из серванта купленные накануне карандаши и вышла в кабинет мужа, чтобы принести несколько листов бумаги. Володя специально не выбрасывал ставшие ненужными распечатки, складывал в стоящий рядом с принтером лоток, чтобы использовать их для черновиков

и для дочкиных занятий рисованием. Ольга взяла несколько листов и отнесла Даше, которая в предвкушении высыпала на стол из коробки все карандаши и хваталась то за один, то за другой.

– Ну вот, рисуй свою кошку, а я пока приготовлю ужин. Скоро придет папа, и ты покажешь ему рисунок.

Дарья, кивнув, немедленно приступила к размалевыванию первого листа фиолетовым карандашом. Ольга улыбнулась, глядя, как дочь, сосредоточенно высунув язык, изрисовывает бумагу с таким вдохновением, с каким могут рисовать только маленькие дети, и тихонько вышла из комнаты.

Пока готовилась курица, она успела почистить картофель и открыть банку с домашним салатом. Заготовки на зиму были еще одним кулинарным «коньком» Ольги. Готовить варенье, солить капусту, мариновать огурчики и помидоры, делать салаты из баклажанов, перца, кабачков и других овощей ее научила еще бабушка; и, к Ольгиной гордости, получались у нее консервации отнюдь не хуже, чем у бабули, и даже лучше, чем у мамы, которая, к слову сказать, относилась к заготовкам на зиму как к тяжелой рутинной работе.

Володя пришел в тот момент, когда Ольга уже толкла картофель для пюре. Он заглянул в кухню, поцеловал раскрасневшуюся от кухонного жара жену. И, поинтересовавшись, где находится Даша, отправился здороваться с дочерью.

Войдя в гостиную, он увидел, что дочь, разбросав по столу и полу карандаши и бумагу, с увлечением что-то дорисовывает на последнем листе.

– Папа плисол! – закричала девочка и, выскочив из-за стола, бросилась отцу на шею. – Покачай! – потребовала она, получив традиционный поцелуй. И отец, не смея отказать любимой дочери, взял ее на руки и закружился с ней на месте. Дарья счастливо засмеялась, и отец вместе с ней. Для него не было большего счастья, чем возвращаться домой к любимым дочери и жене.

– А я кошку нарисовала, – похвастала Дарья, когда отец, вдоволь накачав ее на руках, поставил на пол.

– Кошку? А ну-ка покажи!

Дочь с готовностью схватила со стола рисунок и продемонстрировала его отцу. Что-то неопознанное было намалевано на листе зеленым карандашом и щедро закрашено красным и желтым.

– Это кошка! – объявила дочь.

Володя удивленно наморщил лоб:

– Кошка? Но почему она зелено-красно-желтая, как светофор?

– Потому что полосатая, – выдвинула Даша железный аргумент, с которым Володя поспорить не смел.

– А это что? – спросил он, собирая с полу другие изрисованные листы.

– А это тоже кошка. Но она там не получилась, – серьезно пояснила дочь. И спросила, демонстрируя светофорный рисунок: – Нлавится?

– Очень, – с чувством ответил отец. Дочь тут же потребовала повесить этот рисунок на стену в ее детской, где уже были другие ее рисунки.

– Володя, где вы? – раздался из кухни голос Ольги.

– Уже идем! – крикнул он в ответ. – Сейчас только повесим на стену рисунок Даши.

– Руки помыть не забудьте!

Володя усмехнулся: таким щепетильным отношением к гигиене Ольга, похоже, заразилась от него, хирурга.

– Обязательно! – крикнул он в ответ.

– А потом будем смотреть мультики? – серьезно спросила Даша, когда Володя скотчем приклеивал рисунок на стену.

– Конечно! – пообещал он и с нежностью подумал, как счастлив со своей семьей.

* * *

Они довольно быстро нашли сельский магазин, сориентировавшись на окна, свет из которых разбивал плотную уличную темноту.

Помещение магазина было довольно просторным, и помимо прилавка имелось три «стоячих», как в советских кафетериях, столика, за которыми покупатели могли выпить-закусить и вдоволь наобщаться. Кроме продавщицы, толстой разбитной девахи, раскрашенной, как индеец, в магазине присутствовали четверо мужичков, распивающих за одним из столиков водку под нехитрую закуску, и одинокий старичок, неспешно рассматривающий за другим столом свои покупки. Когда Егор с Никой вошли в магазин, все как один повернули головы и с любопытством уставились на них.

– Здравствуйте! – громко поздоровался Егор и, цепким взглядом окинув присутствующих, направился напрямиком к продавщице. Ника тоже подошла к прилавку и заинтересованным взглядом окинула полки с товарами. Ассортимент приятно удивлял и был представлен не только продовольственными продуктами, но и хозяйственными товарами. Рядом с

грубыми коричневыми брусками хозяйственного мыла соседствовали нарядные упаковки стирального порошка, знакомого каждому по рекламным роликам. На соседней полке выстроились ряды пластиковых бутылок с жидкими моющими средствами и чистящими порошками. Верхнюю полку занимали нужные в хозяйстве мелочи вроде прищепок, мотков бельевой веревки, кое-каких инструментов. Отдельно в углу располагалась целая армия огородных принадлежностей, от граблей и лопат до садовых тележек. Полка с гигиеническими товарами и косметикой тоже имелась, и ассортимент шампуней, лаков для волос, прокладок и зубных паст почти не уступал ассортименту небольшого столичного супермаркета. «Неплохо», – похвалила про себя Ника.

– Красавица, а есть у вас что-нибудь горяченькое? – обратился Егор к продавщице. – Мы с дороги, нам перекусить бы...

Провизии у них было с собой достаточно, и Ника поняла, что ее спутник ищет повод, чтобы задержаться в магазине и поговорить с местными.

– Водка, пиво. На закуску могу колбасу и сыр нарезать, – перечислила деваха томным голосом и выжидающе уставилась на Егора выпуклыми круглыми глазами с так щедро накрашенными ресницами, что Ника заподозрила девицу в том, что она не утруждает себя смыванием туши и поверх старых слоев накладывает новые.

– Нет, водки не хотим, – возразил Егор.

Один из мужиков за столиком тут же осудил его:

– Что ж так? Водочка-то в самый раз после холода. Под колбаску и маринованный огурчик!

– Да я, мужики, с девушкой, – простодушно улыбнулся Егор и кивнул на Нику. – Она у меня строгая, не любит, когда я выпивший.

– Как жена моя, – отозвался второй мужик, разливая на четверых новую порцию водки.

– Так что будете брать? – нетерпеливо вклинулась продавщица, с неприязнью скользнув взглядом по Нике и вновь уставившись с интересом на Егора.

– Ну, давайте порежьте колбаски. И сырку. Ника, что еще?

Девушка ответила, что и бутербродов будет достаточно.

– А попить... Чаю бы горячего, но вы, наверное, его не делаете.

– Почему же, – с достоинством ответила продавщица и кивнула на стоящий в углу электрический чайник.

– О, как у вас тут все организовано. Сделайте, пожалуйста, два чая с сахаром. И для них – бутылочку водки, – щедро добавил Егор, кивая на

пирующих за столиком местных. – Мужики, какую вам?

Местные обрадованно загалдели. И один из них, самый старший, в вытертой кроличьей шапке, показал почти допитую бутылку:

– «Гжелочку» давай!

– Бутылку «Гжелки», – кивнул Егор и повернулся к старику, с интересом наблюдавшему за «торгом»: – Батя, а тебе что? Не стесняйся, проси, что хочешь.

– Братан, да ты, никак, золотая рыбка, – улыбнулся щербатым ртом один из пьянчужек.

Ника невольно улыбнулась: Егор разошелся, играя роль «своего в доску» парня. Как ни странно, ей его новый образ нравился куда больше того, с которым он сжился как со второй кожей, образа «крутого бизнесмена».

– Сынок, да ничего мне не надо, – улыбнулся в бороду дед. – Хотя, впрочем, купи мне этот пиксерс или как там его.

– Чего-чего? – не понял Егор. – Какой «пиксерс»?

– Или снайпер, не помню. Ну это, шоколадку такую, которую по телевизору показывают. С орехами.

– «Сникерс»! – догадалась Ника. И Егор заказал для старичка шоколадный батончик.

– А вы откуда в наши края? – с любопытством спросил мужик в кроличьей шапке.

– Из Москвы, – ответил Егор, принимая от продавщицы бутылку водки и шоколадку. Раздав гостинцы, он вновь развернулся к девахе за прилавком, которая уже ловко нарезала сыр.

– Заблудились или по делам? – продолжал расспросы мужик, откупоривая бутылку.

– По делу. Сестру ищу. Она должна была проезжать тут, да сбилась с дороги и заблудилась. Может, кто видел... Вот, у меня фото есть.

– На красной иномарке, – добавила молчавшая до этого Ника.

Мужики переглянулись между собой, и старший покачал головой:

– Не-а. Незнакомую девицу, да еще на красной иномарке, мы бы точно запомнили. Нет, не видали. Валь, а ты не видала? – обратился он к продавщице, которая закончила делать нарезку и теперь выставляла на поднос одноразовые пластиковые стаканчики, из которых свисали нитки с ярлычками от чайных пакетиков.

– Не видала, – так же томно, как и раньше, ответила девица.

– Отец, а ты? – с надеждой повернулся Егор к старичку, с удовольствием посасывающему шоколадку. – Вот ее фотография. – С этими

словами он аккуратно выложил перед дедушкой фотографию Леры.

Старичок с почтительностью взял снимок и поднес его к глазам.

– Красивая какая, – восхитился он. – Нет, не видел. Так, говоришь, пропала сестра твоя?

– Да. Пару дней назад выехала из Москвы. Точно знаю, что ее путь должен был пролегать через ваши края, но с позавчерашнего дня она не отвечает на телефонные звонки. Боюсь, случилось что-то плохое.

– Не видел, – подумав, повторил старичок.

– Дай-ка на карточку взглянуть! – попросил щербатый, и Егор охотно передал фотографию ему.

– Ишь ты! Красотка! Ты ее случайно не из журнала вырезал? – восхитился мужик, заблестевшими глазами разглядывая Лерино изображение.

– Ну-ка, дай! – выхватил фотографию его собутыльник, до этого молчавший. – Ах ты, какая!

Снимок Валерии пошел по кругу, и каждый из мужиков по-своему выразил восхищение Лерочкиной красотой.

– Не, братан, вряд ли бы такая краля осталась тут без внимания. Не видели мы ее, – с сожалением произнесла «кроличья шапка», возвращая фотографию Егору.

– Покажите и мне, – с некоторой ревностью в голосе попросила продавщица, протягивая ладонь с толстыми пальцами и короткими ногтями, накрашенными ядовито-фиолетовым лаком. Ника уже приняла от девицы поднос с чаем и нарезкой и составляла этот нехитрый ужин на свободный столик.

Продавщица долго, сощутив глаза, рассматривала фотографию, затем завистливо вздохнула, поняв, что проиграла Лере конкурс красоты.

– Сестра? – подозрительно спросила она. – Что-то вы не очень похожи.

– Да, она – красотка, не то что я, – улыбнулся Егор. – Так как, не заходила в ваш магазин эта девушка?

– Нет. И в деревне я ее тоже не видела. Думаю, что не было ее тут. Приезд незнакомой девушки на иномарке, как вам уже сказали, вряд ли бы остался незамеченным. Кто-нибудь да и рассказал бы о ней тут.

– Ясно. – Егор заметно поник, от бывшего наигранного настроения не осталось и следа.

Ника молча протянула ему бутерброд с колбасой и сыром, он поблагодарил ее коротким кивком. «Не падай духом», – прочитал Егор во взгляде, брошенном на него девушкой, и поблагодарил ее за молчаливую поддержку слабой улыбкой.

– А что она одна делала в наших краях? – продолжал любопытствовать мужик в кроличьей шапке. Егор неопределенно пожал плечами, но ему на помощь пришла Ника:

– Да у них родственница пожилая живет неподалеку. В деревне Грибники. Валерия хотела родственницу забрать на пару недель в столицу, чтобы показать одному доктору.

Название деревни вспомнилось случайно и очень удачно. Такую деревню они проезжали еще в первую поездку с водителем Федором и Стасом, по пути в Лески.

– А-а, понятно, – протянула «шапка». – А может быть, девушка, которую вы ищете, уже там?

– Да мы только что оттуда! Нет ее у тетки, и не было.

– А вы не знаете случайно, как найти местного доктора? Их родственница к нему обращалась со своей болячкой, – продолжала сочинять на ходу Ника. – Может быть, девушка, которую мы ищем, заезжала к нему?

– Да у нас тут один фельдшер, Василий Петрович. Но он позавчера уехал в областной город за какой-то там консультацией, – ответила продавщица, которую уже очень заинтересовала история с пропавшей столичной девушкой. Видимо, уже предвкушала, как будет судачить на эту тему с другими покупателями. – Он перед поездкой заходил купить конфет и коньяку кому-то в подарок. Так и сказал, что уезжает дня на три. Может быть, завтра уже вернется.

– Ясно, – коротко ответил Егор и бросил на Нику вопросительный взгляд: что делать будем? Но не успела девушка ему ответить, как старичок, доевший свою шоколадку и теперь аккуратно складывающий обертку, ворчливо заметил:

– Не те сегодня доктора пошли, не те, что раньше. Теперь им, чтобы справиться с болячкой, вон, вишь, консультироваться надо! Да и лечат химией одной! А раньше – травами лечили.

– Опять ты, Степаныч, о своем зарядил, – поморщился щербатый мужик. – Раньше, раньше... Раньше народ мер, как мухи! А теперь – чик-пык, укольчик-таблеточка, операция, если что, и – как огурчик!

– «Огурчик», – снисходительно передразнил старик. – Укольчики-таблеточки. Тьфу! Говорю ж, одна химия!

– Зато сейчас от любой болезни излечиться можно! – не сдавался щербатый. Он даже забыл о наполненной рюмке и не замечал знаков, которые ему подавали сотоварищи.

– Так ведь и раньше можно было! Надо было лишь знать, к кому

обращаться. Был у нас травник один, от бога, Кузьма. Вряд ли вы его помните. От любой болячки мог сделать сбор или настойку! Один случай с Акулькой чего стоил! Помирала девка, а он пришел, что-то там поделал, пошептал-поколдовал, дал выпить настою – и поднялась девка на ноги!

– Да брось ты, батя, – поморщился мужик и махом опрокинул в себя «заждавшуюся» рюмку. – «Пошептал-поколдовал», сказки какие. Не верю я подобным знахарям, а верю в нашу отечественную медицину!

– Ну, как хочешь, – обиделся старик и, собрав свои покупки в пакет, поднялся было с намерением уйти, но Ника, что-то про себя прикинув, окликнула его:

– Подождите, дедушка! Расскажите о вашем травнике Кузьме.

Егор бросил на девушку недоуменный взгляд, но она проигнорировала его, чувствуя, как внутри защекотало в предвкушении важной информации. Правда, старик тут же охладил ее пыл:

– Да и рассказывать нечего. Не любили Кузьму деревенские, потому что боялись его, думали, что он колдун. Темнота! А человек тот чудеса творил своими травами. Ушел он из нашей деревни еще молодым. Чуть ли не сразу после того случая с девкой, которую от смерти спас.

– Говорите, Акулиной ее звали? – порывисто спросила Ника, и ее щеки от волнения запылали.

– Ну да, Акулькой.

– Что с ней стало? Что за история была?

– Да я и не знаю многого. Помню лишь, помирала девка, а пришел Кузьма и ее излечил. Акулька потом замуж благополучно вышла и уехала в другую деревню. Что с ней потом стало, не знаю.

– Не в деревню Лески случайно она уехала?

– Может быть. А Кузьма исчез. Ушел из деревни. О нем и думать забыли. Потом он объявился. Оказывается, в столицу подался. Стал он знаменитым травником, таким, что его по телевизору показывали. Но все это было давно, еще до перестройки, если я не памятью. А потом сгинул он, убила его столица.

– Как – убила? – не поняла Ника. – Его убили?

– Да нет. Сгинул, помер он в этой столице вашей. В газете написали, что убится Кузьма в аварии.

– Давно? – продолжала допытываться Ника, чувствуя, что в руках у нее оказываются концы других разорванных нитей, спутанных в общий клубок.

– Да давно уже, – махнул рукой старик. – Давно. С тех пор никто о Кузьме не вспоминает.

– Спасибо, бабушка, – с чувством поблагодарила Ника.

– Да не за что, – ответил старик и, попрощавшись со всеми, вышел.

Ника с Егором тоже задерживаться не стали. Выпили по стаканчику чая, съели по бутерброду, остальное завернули с собой в бумагу и вышли к машине.

– Куда теперь? – спросил, усаживаясь на водительское сиденье, Егор. Будто передал Нике полное право решать, куда ехать.

– Остается только к тому дому, в котором мы ночевали... Но, если честно, мало надежды на то, что Лера может быть там. Что ей делать в том доме?

Егор кивнул, соглашаясь с ней. Но, однако, завел двигатель.

– Сдается мне, что она так и не добралась ни до областного города, ни тем более до этих деревень, – задумчиво произнес он, выруливая с бездорожья на шоссе. – Но к избе съездим. Проверим.

– Это недалеко отсюда, пять-шесть километров. За лесом – поле, на краю поля – дом. Как примета – колодец заброшенный.

– Ты с таким интересом расспрашивала старика о травнике. Возникли какие-то мысли?

– Мыслей мало. Зацепилась лишь за имя Акулины, – призналась Ника. – Меня не столько интересовал этот Кузьма, сколько бабка.

– А по-моему, все важное связано не с бабкой, а с травником, – возразил Егор. – В отрывках, которые ты мне давала, говорилось о мальчике и старике. И старик обладал некими способностями... Конечно, твой друг придал своему роману мистическую ауру, но старик мог быть реальной персоной.

– Кузьмой?

Егор утвердительно кивнул, и Ника спросила:

– А кто же тогда тот мальчик? И Плясунья?

– Плясунья, предположим, Акулина, – продолжил развивать свою мысль Егор. – А мальчик... Кузьмой мог быть и мальчик, а не старик.

– Мог бы, но это все равно мало что объясняет. Не объясняет, почему, например, мой друг уничтожил рукопись.

– Может, понял, что она бездарна, – усмехнулся Егор и, поймав укоряющий взгляд девушки, поправился: – Извини, неудачная шутка.

– Эдуард был чем-то напуган! В нашу последнюю встречу он сильно нервничал. А потом я обнаружила, что он уничтожил всю информацию из компьютера. Он чего-то опасался! Сдается мне, ввязался он в какую-то неприятную историю, связанную с этой рукописью. Недаром же, когда начинал работу над романом, сказал мне, что выйдет бомба.

– А мне кажется, что ты тоже влипла в историю, в которую вляпался твой друг, – заявил Егор. – Ограбление, попытка проникнуть в твою квартиру... Может, ты собрала на кого-то компромат или раздобыла засекреченную информацию? Кто вас, журналистов, знает.

– Ой, не смей меня, – поморщилась девушка. – Я ни о чем таком «взрывоопасном» не пишу. Нет у меня никакого компромата! И в засекреченных местах я тоже не бывала. Так что твое предположение необоснованно.

– Да? А как же тогда объяснить ту записку то ли с угрозами, то ли с предупреждением?

– Не знаю. Может, чья-то шутка, розыгрыш?

– Я бы не стал легкомысленно относиться к подобным, как ты говоришь, «розыгрышам», – серьезно заметил Егор. И проскользнули в его голосе такие заботливые и встревоженные интонации, что Ника невольно задержала на мужчине удивленный взгляд. Ей, конечно, было бы приятно, если бы Егор проявил о ней заботу, но... Почему бы это ей было приятно и с какой стати Сосновских должен был проявлять о ней заботу, Ника не успела додумать. Потому что в этот момент Егор заявил, что они приехали.

– Ну и где твой дом? – сказал он, вылезая из машины. – Вот это? – И он указал на освещенную фарами машины грудку обугленных деревяшек на выгоревшем пятачке на краю поля, возле которого они остановились. – Если ты ничего не перепутала, то вот это, кажется, и было избушкой, в которой вы останавливались.

– Сгорела?

– Да. Непонятно только, как и почему. Одинокая, нежилая, в заснеженном поле... Думаю, ей помогли сгореть.

– Ой, не приплетай опять криминал, – поморщилась Ника.

– Ну почему сразу «криминал»? Стоял дом, уже давно никому не нужный, вот его и спалили, чтобы не занимал места. Но как бы там ни было, здесь нам делать уже нечего.

– Да, ты, пожалуй, прав, – вздохнула Ника и, повернувшись к машине, с надеждой спросила: – В город?

– Куда еще... Благо забронировали номера заранее. Принять ванну и нырнуть в кровать – это единственное, на что и у тебя, и у меня еще хватит сил. Думать, что делать, будем уже не сегодня. Учти, подниму тебя завтра рано.

В город они приехали ближе к полуночи, уставшие, голодные, сонные. Перекусили в номере Егора остатками хлеба с колбасой и купленными еще раньше булками, запили все холодной водой из бутылки, и после этого

Ника отправилась в свой номер укладываться спать.

Она уснула почти мгновенно, едва коснувшись щекой подушки. Ей снилось что-то беспокойное, из серии тех снов, которые не запоминаются, но оставляют после себя смутный осадок чего-то мрачного, тревожного. Выхватил ее из этого неприятного сна стук в дверь.

– Кто там? – сонно спросила Ника, накидывая на пижаму халат и шаря по стене в поисках выключателя.

– Егор!

Она наконец-то нащупала выключатель и смогла зажечь свет.

– Уже пора? – спросила она, открывая дверь. Егор явился к ней одетым, хоть и не прибранным – взъерошенным, неумытым. Судя по всему, он не ложился. – Который час?

– Половина третьего ночи.

– С ума сошел?! Я знала, что ты разбудишь меня рано, но не так же!

– Мне только что позвонили, – перебил он ее. И по его интонациям Ника поняла, что случилось неладное.

– Нашли Лерину машину. В одной подмосковной лесопосадке.

Ника ахнула и быстро спросила:

– А Лера? Лера, что с ней?

– Не знаю. Но раз ее машину нашли в Подмоскowie, значит, она не успела выехать за пределы области. Мне нужно вернуться и возобновить поиски в Москве и Подмоскowie. Выезжаем сейчас. Сколько тебе надо на сборы?

– Минут пять-семь, – бодро ответила Ника, и Егор в очередной раз приятно удивился тому, как эта девушка отличается от других, ему знакомых.

День выдался суматошным, и его тяжесть усугублялась тем, что Нике минувшей ночью так и не удалось как следует отдохнуть. В столицу они прибыли около десяти утра. Егор высадил Нику возле подъезда и на прощание попросил позвонить ему, как она прочитает новые отрывки из рукописи Эдички. Взамен он пообещал сообщить ей новости о сестре.

Несмотря на то что ее неумолимо клонило в сон, а разложенный диван и небрежно брошенный на него плед искушали, будто кремовый торт севшую на диету толстушку, Ника решила не терять времени и как можно скорее забрать у Ольги рукопись. Она торопливо приняла душ, почистила зубы, высушила, не укладывая, волосы феном и, переодевшись в чистые свитер и джинсы, выскочила на улицу. По пути к метро она позвонила подруге, чтобы предупредить о своем приезде.

Когда она уже спускалась в подземку, ей позвонил Андрей. Возможно, суета и усталость были тому причиной, но на этот раз его голос не вызвал у нее того волнения, которое вызывал раньше, не сбил дыхание и не заставил сердце отплясывать чечетку. Андрей сообщил, что приедет к ней вечером, чтобы поменять второй замок в двери. Ника согласилась, но уже без прежнего энтузиазма. «Усталость», – нашла она объяснение своим притупившимся эмоциям.

Ольга уже ждала ее – с румяными пышными оладьями, холодной густой сметаной и душистым, заваренным с травами чаем.

– Настоящий деревенский завтрак! – обрадовалась Ника, чувствуя, что ее аппетит при виде домашней еды, приготовленной с любовью и заботой, проснулся и заворочался, как беспокойный зверь.

– Я знаю тебя: ты либо забыла позавтракать, либо завтракала на ходу старым чаем и бутербродом.

– Угадала, – улыбнулась Ника и отправилась мыть руки.

В ванную к ней заглянула Дарья и выразила желание показать новые рисунки, вывешенные на стене ее детской.

– Обязательно, Дашенька, – пообещала девушка и про себя пожалела, что не успела по пути купить девочке какой-нибудь гостинец. Обычно она покупала Дашке сладости либо игрушки, но сегодня так торопилась, что не стала заходить в супермаркет неподалеку от Ольгиного дома, где обычно покупала подарки.

– Даша, дай тете Нике позавтракать, а потом уже будешь показывать ей

свои рисунки, – раздался из кухни голос Ольги. – Иди сюда, я тебе какао налила!

Девочка развернулась и, громко топая, побежала на кухню. Какао было ее слабостью.

Ника смыла с рук мыльную пену и глянула в зеркало. Увиденное ей не понравилось: бессонная ночь не прошла даром, отпечаталась на лице в виде нездоровой бледности и темных кругов под глазами; ее веснушки, обычно светло-золотые, казались ржаными на мертвенно-бледной коже. Волосы были чистые, но топорщились в разные стороны. Ника машинально, скорее по привычке, подумала, что к приходу Андрея надо хотя бы замаскировать тени под глазами и подкрасить ресницы, чтобы сделать глаза выразительней.

Впрочем, о чем это она. Макияж... Неужели вновь, как и до женитьбы Андрея, надеется, что он обратит на нее внимание? «У него есть Лилька», – напомнила она себе.

Вспомнив недавний разговор с Егором об отношениях как о прочитанных книгах, Ника подумала, что когда-то любимая, зачитанная чуть ли не до дыр книга вдруг, спустя некоторое время, может показаться наивной и вызвать недоумение, чем же она так нравилась раньше. Видимо, наступает момент, когда понимаешь, что вырос из книги, как из детского платья. Или просто меняются вкусы. Или ситуация в жизни поворачивается так, что перестает быть созвучной с ситуацией из книги, из стройной октавы вдруг переходит в резкую секунду.

Может, когда-нибудь она вырастет из своей юношеской влюбленности. Скинет ее, как любимое, но заношенное платье с рюшами и бантами ради того, чтобы переодеться в давно соответствующий ее положению и возрасту элегантный костюм.

– Ника, ты где там? Оладьи стынут! – вновь раздался нетерпеливый Ольгин голос.

Ника, ободряюще улыбнувшись своему отражению, вытерла руки полотенцем и вышла на кухню.

Подруга согласилась отдать ей конверт лишь после завтрака.

– Я не позволю тебе читать во время еды! – строго произнесла она, выставляя на стол внушительных размеров блюдо с еще теплыми оладьями. – Будь добра, оставь на время свои мысли и просто наслаждайся едой.

И Ника насладилась, умяв добрых полблюда оладий, пиалу сметаны и запив все это великолепиие двумя чашками чая. А когда она закончила и сыто откинулась на спинку стула, Ольга исполнила свое обещание и

принесла пакет с Эдичкиной рукописью.

Конверт формата А4 не был запечатан. Ника заглянула в него и извлекла несколько листов с распечатками.

«...В ту ночь юноша бежал в дом Плясуны. Бежал так быстро, как, наверное, еще никогда не бегал, выбиваясь из сил и задыхаясь. Он боялся, что, когда он наконец-то доберется до избы девушки, будет слишком поздно, и бежал в деревню, не думая о той враждебности, с которой к нему отнеслись сельчане, приписав ему то, в чем он повинен не был. Он думал лишь о том, как бы вырвать любимую из жадных объятий смерти и успеть до того, как та поцелует пометит остывающий лоб девушки.

Изба была полна народу: кто-то пришел разделить беду, кого-то привело праздное любопытство, кто-то искренне пытался помочь больной, давая бесполезные «медицинские» советы. Юношу не сразу заметили. И только когда он, проходя в избу, случайно задел одного из мужиков, тот, оглянувшись на него, завопил срывающимся на визг от гнева и ненависти голосом:

– Колдун! Колдун!

И тут все, кто был в избе, увидели непрошеного гостя. Юноша в растерянности замер: уйти, пока эта толпа полубезумных от суеверного ужаса людей не растерзала его?

– Вон! Вон отсюда! – Палец мужика, указывающий на дверь, дрожал от возмущения, как и его скудная борода и мокрые мясистые губы.

– Я с добром пришел, – собрав волю в кулак, миролюбиво ответил юноша. – Дайте мне пройти к больной. Я смогу ее вылечить.

Но толпа в ответ взорвалась визгливым, брызжущим гневом негодованием:

– Вылечить?! Ты ее погубить хотел!

– Да! Да! Я видела, как он и раньше за ней крался и что-то бормотал себе под нос! Проклятия, никак иначе!

– Ты! Ты виноват!

– А у меня корова сдохла по его вине!

– И дети по ночам кричат!

– Да-да, колдун он, колдун!

– Бесстыжий, явился в дом, где беда! На свое черное дело поглядеть...

Его обвиняли во всех несчастьях, обрушившихся на деревню: от неурожая и сдохшей коровы до икоты, напавшей на кого-то из мужиков; и в том, что случилось с первой в деревне красавицей, его Плясуньей, тоже обвиняли его. Люди не знали, что он ее спас, а не погубил, что не успеет он

вовремя, не было бы этой девушки в живых. Нашли бы ее поутру, как и других красавиц, мертвую, с седыми висками. Но эти люди не поверят его словам, вздумай он оправдываться. Они верили тому, во что желали верить. Так легко обвинить его во всех грехах.

– Я могу ее вылечить, – упрямо повторил юноша. Но кто-то из сельчан уже схватил топор и двинулся на него, и юноша, не дожидаясь, пока этому примеру последуют остальные, вышел из избы.

Он не бежал. Бежать – это значит уравнивать себя с псом, которого прогнали палкой. Он – не пес, трусливо поджавший хвост. И пусть его тоже прогнали и кинули вслед камнями-обвинения в грехах, которые он не совершал, он – не пес... Он знал, что его приходу не обрадуются, и предполагал, что устроят подобный прием. Пусть. Он научился выносить и не такое. Ему было лишь жаль красавицу-девушку, которая из-за недалекости этих людишек никогда больше не выйдет в танце грациозным лебедем. И с каждым шагом, на который юноша отдалялся от дома больной девушки, росла черная, как деготь, злоба на жителей деревни. Они обвинили его в том, чего он не делал? Хорошо, они получают то, что ему приписали. Не будет в этой деревне девушки-плясуньи, не будет и радости жителям. Одни беды. Слезы – такие же горькие, какие скоро будут в доме Плясуньи – слезы матери, потерявшей красавицу-дочь.

– Постой, сынок, постой!

Погруженный в свои мысли, он по инерции прошагал еще сколько-то шагов, неосознанно игнорируя оклик.

– Постой, милый!

Он, наконец, услышал и оглянулся. За ним, спотыкаясь и задыхаясь, бежала женщина.

– Мать я ее, сынок... Прости меня. Прости всех их. Не ведали они, что творили. Помоги, милый! Верю, что не ты это сделал. Помирает она, сынок, помоги ей! Возьми в награду все, что хочешь, но помоги!

Женщина, не дожидаясь ответа, разрыдалась и опустилась на землю. Обнимая руками худые колени юноши, она тыкалась в них лбом и протяжно, как волчица, выла. Он поморщился, однако не решился переступить через женщину и высвободиться из ее цепких объятий.

– Меня обвинили в том, чего я не совершал...

– Я верю, сынок, что нет твоей вины! – Женщина, все так же обнимая его колени, подняла вверх залитое слезами лицо.

– Выгони их всех. Выгони, чтобы в избе, кроме меня и ее, никого не было.

– Да-да, сделаю все, как ты пожелаешь. Ты поможешь ей?

Поможешь?

– Не знаю. Мы потеряли много времени из-за глупости твоих соседей.

Женщина вновь завывала и уткнулась ему в колени мокрым лицом, на которое налипли выбившиеся из-под платка пряди седых волос.

– Помоги-и-и...

– Пойдем, – юноша нетерпеливо дернул ногой, высвобождаясь от вцепившихся в нее натруженных пальцев женщины. – Но если кто-то попытается мне помешать, я уйду. И больше не вернусь.

– Не помешают, милый, не помешают! Идем скорее, идем! – засуетилась женщина, поднимаясь на ноги. И юноша послушно пошел за ней.

Тихо-тихо, затаив дыхание и приложив ладонь к груди, словно боясь, что лихорадочный стук его разволновавшегося сердца сможет потревожить больную, он вошел к девушке и склонился над ней, находившейся в нездоровом забытьи. Лишь нечеловеческим усилием воли юноше удалось удержаться от того, чтобы не приблизить свое лицо к губам Плясуньи так близко, чтобы ощутить их тонкий аромат и малиновую сладость. Не сейчас... Потом. Позже. Когда смерть перестанет протягивать к ней свои ненасытные ледяные лапы.

Он наложил прохладные ладони на лоб Плясуньи, замер ненадолго, прислушиваясь к собственным ощущениям, и нахмурился. Девушка почти обессилела, смерть уже не флиртвала с ее почти сложившейся оружием жизнью – она готовилась к победному маршу. Еще немного – и будет поздно. Юноша развязал веревочку на котомке, которую принес с собой, вытащил пузырек с настойкой, мешочек с травами и, немного помедлив, свечу. Страшно, страшно ему было, как никогда в жизни. Но делать нечего, в этой толстой свече из смешанного с травами воска заключалось спасение девушки, и другого способа вернуть ее к жизни не существовало. Отбросив все колебания, он зажег свечу, зажал ее в кулаке, а вторую ладонь положил на лоб девушки и принялся сосредоточенно читать заговор.

Стороннему слушателю, если бы таковой случайно оказался рядом, его бормотание показалось бы монотонной заунывной песней, слов которой нельзя разобрать. Тихое и осторожное, словно пробные шаги, нашептывание постепенно набирало амплитуду, и вот юноша, закрыв глаза и запрокинув голову, уже почти в полный голос забормотал свою «песню», нисколько не тревожась за то, что может быть услышан сторонними. Свеча коптила, ее пламя подрагивало, и тонкий, едва уловимый запах трав и воска разливался по помещению, дурманил сознание

юноши. Он усилием воли смаргивал наплывающий на него медовый сон и, слясь прогнать образы, застилающие сознание, продолжал читать заговор. Нельзя открываться, он должен оставаться в сознании и при силе, иначе погибнет и девушка, погибнет и он сам. Он чувствовал, как энергия, густая и черная, будто деготь, наполняет его тело. Ее было так много и была она такой стихийной, что он чуть не захлебнулся в ней, как в вышедшей из берегов неуправляемой реке. Если такой силой напитать умирающую девушку, она сожжет ее, будто пламя – сухую былинку, и юноша осторожно, пропуская силу через себя, разделял ее на капли. Его сердце заходило в учащенном ритме, и не волнение было тому виной. С удовлетворением он ощущал, что с его разогретых ладоней по каплям стекает невидимая энергия и наполняет безжизненное тело девушки. Стараясь не дышать глубоко, он с восторгом отмечал, что поначалу прерывистое дыхание больной выравнивается. И вот уже неуверенно задрожали ее стрелы-ресницы, а сквозь приоткрывшиеся малиново-сочные губы вырвался тихий вздох. Девушка оживала. Достаточно. Не навредить бы... Он капнул в приоткрытый рот Плясуньи целебной настойки и радостно улыбнулся. Девушка будет жить. Она справится. Не удержавшись, юноша наклонился и поставил прочную печать поцелуя на ее губах...»

Ника отложила этот лист и взяла другой.

«...Однажды он пришел в деревню ближе к ночи, когда легкая темень сглаживала очертания, превращала острые углы в округлости, растушевывала четкие линии. Он знал, что уже не встретит свою Плясунью – слишком поздно. Но прийти в деревню, в которой жила девушка, вынудила его тоска, которая в эту ночь казалась по-волчьему острой.

Он побродил по опустевшим деревенским улицам, вспоминая те короткие мгновения счастья, которые пережил, украдкой наблюдая за Плясуньей. Постоял возле ее избы, глядя на черные окна и мечтая, что вдруг в одном из них зажжется свет и мелькнет знакомый силуэт. Он стоял так очень долго, рискуя попасть на глаза какому-нибудь праздно шатающемуся по ночным улицам жителю деревни, и, лишь окончательно смирившись с мыслью, что сегодня ему не увидать девушки, развернулся и побрел прочь.

Он шел в тяжелой и липкой тишине по безлюдной улице, освещенной желтой, круглой и ноздреватой, как блин, луной. Деревня, казалось, вымерла. Дома уснули, сгорбившись под треугольными крышами-одеялами

и чернея слепыми окнами-глазницами. Ни души. И было в этом безлюдном безмолвии что-то одновременно и умиротворяющее, и пугающее...»

Ника перевернула лист, надеясь найти окончание истории, но обратная сторона была чиста. Повествование обрывалось. Неужели Эдичка не вложил в конверт окончание этой главы?

– Оль! – позвала она подругу и, когда та появилась, спросила: – Ты не открывала этот конверт?

– Нет, он уже был открыт, – настороженно ответила Ольга. – А что случилось?

– Ничего. Просто такое ощущение, будто не хватает окончания главы. Возможно, его не было с самого начала, но, может быть, он выпал из пакета. Ты случайно не находила в квартире еще одного листочка?

– Нет, – покачала головой подруга и на всякий случай добавила: – И по дороге, я уверена, из конверта ничего не выпало. Я несла его очень аккуратно.

– Да в твоей аккуратности я не сомневаюсь, – сгладила неловкость улыбкой Ника. – Просто понадеялась, вдруг...

– Это что-то важное? – любопытствовала Ольга, кивая на конверт.

– Это просто отрывки из рукописи Эдички, моего институтского друга.

– А-а. Ясно, – теряя интерес, протянула девушка. И, меняя тему, спросила: – На обед останешься?

– Нет, спасибо. У меня еще дела. Надо заехать в пару мест.

Во-первых, она собиралась поискать информацию о знахаре Кузьме. Эта задача не казалась сложной, поскольку, если верить словам старичка из деревенского магазина, травник был довольно популярен в доперестроечные времена или в разгар перестроечных. Нике невольно вспомнилось, как в детстве мама усаживала ее перед телевизором, по которому транслировали «целительные» сеансы. Страна повально увлекалась экстрасенсами, телепатами, знахарями; люди свято верили в волшебные свойства «заряженной» воды и в возможность излечиться от всех недугов под взглядом слезящихся от напряжения глаз очередного модного целителя, взирающего с голубого экрана. Что ж, видимо, Кузьма был одним из тех чудодеев.

А во-вторых... От внезапной догадки Ника даже подскочила на месте. Если ее предположение верно, то, возможно, она знает, как и почему умер Стас. И, может быть, Эдичка.

– Ты мне так и не рассказала, куда и зачем ездила, – вернул ее на землю Ольгин голос, прозвучавший с укоризной.

– Да ничего интересного, Оль. Очередная рабочая поездка, – отговори́лась Ника, поднимаясь из-за стола. Она чувствовала перед подругой вину за то, что не стала рассказывать о своем незапланированном путешествии в глубинку; но дело было в том, что рассказывать пришлось бы с самого начала, а сейчас у нее не было времени на длинный рассказ. Ника уже решила, что сегодня на работу не поедет, а воспользуется отгулом, чтобы посидеть в библиотеке и перелопатить архивы. А еще она заедет к своему знакомому, который работает в лаборатории, и попросит провести одну экспертизу. Дел было много, а времени – в обрез. Ей нужно еще успеть вернуться домой к приезду Андрея.

XI

Андрей подъехал к дому Ники, как и обещал, к шести часам, но девушки не оказалось на месте. Он набрал ее номер и услышал, что абонент временно недоступен. Понятно, скорее всего, едет в метро. Он решил спуститься и подождать Нику у подъезда, но девушка перезвонила ему через минуту:

– Андрей, я задерживаюсь, но скоро буду! Открывай смело мою квартиру и располагайся.

Ника появилась, когда он уже успел поменять и опробовать новый замок и, дожидаясь хозяйку, заваривал свежий чай.

Она пришла не одна, а в компании того дорого одетого парня, с которым ездила на поиски пропавшей девицы, и это почему-то вызвало у Андрея глухое раздражение. Ему хотелось попить чаю вдвоем с Никой, расспросить ее о поездке, побеседовать о котенке, который за тот короткий период, что жил у девушки, заметно подрос. Но она пришла не одна, и с этим пришлось мириться. В руках у Ники был пакет, и она, поставив его на стол, сказала, что скоро приготовит ужин.

– Опять будешь картонными котлетами потчевать? – подначил ее Егор, но как-то мягко, необидно. Андрей отметил про себя, что они с Никой уже сократили дистанцию до приятельского, а то и интимного «ты». Похоже, что общение между ними стремительно набирало обороты.

– Раз меня не приглашают в элитные рестораны, приходится довольствоваться картонными котлетами, – парировала она, выделив голосом слово «рестораны». – Готовить я не умею и не люблю, заявляю сразу. Так что миритесь с этим. – При этом Ника перевела взгляд с Егора на Андрея и весело и смело последнему подмигнула.

Вообще, она пребывала в приподнятом настроении. И от этого ее личико светилось, натуральный румянец нежно раскрасил скулы, замаскировав веснушки. Сама того не подозревая, Ника была в этот момент очень привлекательной.

– Я купила готовую курицу, остается только разогреть ее и приготовить гарнир.

– Ника, не заморачивайся, – оборвал ее Егор. – Мы же не ужинать пришли, в самом деле.

– Ну как же, – растерялась она и беспомощно оглянулась на Андрея.

«Понятно, старается понравиться ему. Строит из себя такую

заботливую», – подумал про себя Егор. И почему-то разозлился. С трудом сдержав вертевшуюся на языке ехидную фразу про то, что пусть ее приятелю ужин готовит законная жена, он ровным голосом произнес:

– Ты обещала показать новый отрывок из рукописи. Может, сразу перейдем к делу?

– Но тогда хотя бы чаю попьем. Я его сейчас быстро заварю.

– Чай уже заварен, – поспешно вставил Андрей.

– Спасибо!

– Можно бы и без чаю, – вновь начал Егор, внутренне раздражаясь на то, что ее приятель, похоже, совсем тут освоился: уже и чай заваривает! Почему это вызывало раздражение, он не понимал и от этого сердился еще больше.

– Если ты не хочешь пить чай, то можешь не пить, – с вызовом, развернувшись к нему, заявила Ника. – А я вообще-то голодная, весь день в бегах, даже перекусить забыла. Чай выпить имею право или нет?

Егор натянуто рассмеялся, отступая перед ее напором:

– Ладно, ладно, извини. Я не прав. И, кстати, сегодня тоже не успел перекусить.

– Значит, я разогрею курицу, как и собиралась. А тебя, Егор, если ты брезгуешь подобной едой, никто не заставляет есть.

Ого, похоже, нарастала ссора на лишь им понятную тему. Андрей, вопросительно подняв брови, посмотрел на Нику. И она, правильно истолковав его непонимание, объяснила:

– Егор – владелец ресторанной сети. Привык питаться в элитных местах.

– Ну зачем же так категорично. Я с удовольствием съем курицу, приготовленную с заботой. Говоря о том, чтобы ты не заморачивалась, я именно это и имел в виду: чтобы ты не тратила силы на приготовление ужина для нас.

– Ладно, брейк. Значит, я собираю на стол, ты, Егор, читаешь рукопись. А Андрей...

– А я просто составлю тебе компанию. Интересно послушать о поездке, – ввернул Андрей, чувствуя за собой некую победу. Впрочем, о чем это он, о какой победе думает?

Чтобы как-то оправдаться перед собой, он обратился к Егору:

– Есть новости о вашей сестре?

– К сожалению, наша поездка не принесла результатов, – вздохнул Егор.

Андрею почудилось, что этот вздох сожаления имеет какой-то

загадочный подтекст, интимный, личный. Черт! О чем это он опять?

– Но мне позвонили из Москвы и сказали, что в подмосковном лесу обнаружили полусгоревшую иномарку, которая принадлежала моей сестре. Думаю, что Лера не выехала за пределы Подмосковья, она где-то здесь... Мои ребята шерстят по окрестностям, где обнаружили машину, но пока глухо.

Пока Егор пересказывал Андрею новости, Ника успела поставить противень с курицей в духовку и теперь вытаскивала из пакета купленные для салата овощи.

– Тебе помочь? – поинтересовался Егор, но девушка метнула на него быстрый взгляд:

– Спасибо, я сама справлюсь. Тебе сюда рукопись принести или в комнате считаешь?

Понятно, намекает на то, что ей хотелось бы остаться наедине с Андреем. Егор чуть было из вредности не заявил, что читать будет тут, на кухне, но во взгляде девушки прочитал такую мольбу, что произнес то, чего она от него и ожидала:

– В комнате.

– Что за рукопись? – любопытно спросил Андрей, когда Ника, проводив Егора, вернулась на кухню.

– Так, был у меня один приятель... Просто приятель. Мечтал стать писателем, но так и не стал, потому что умер.

Андрей поднял брови, выражая этим свою заинтересованность, и Ника, вначале собиравшаяся ограничиться короткой отговоркой, начала рассказывать историю с начала. Впрочем, про ее первую поездку в провинцию Андрей уже знал, про вторую – тоже, только без подробностей.

...О подобных мгновениях она робко мечтала много лет, но не думала, что когда-нибудь мечты воплотятся в жизнь. Андрей, повязав поверх джинсов фартук, помогал ей готовить: мыл овощи и резал их для салата. Она же в это время нарезала хлеб, засыпала в кипящую воду макароны, расставляла на столе тарелки, не переставая чуть взволнованным голосом рассказывать о своих приключениях. На секунду ей показалось, будто в зачитанной книге обнаружился новый эпизод, который мог бы повернуть сюжет в ином направлении – в том, каком бы хотелось ей, пассивной читательнице. Но девушка привычно не дала себе размечтаться. У Андрея есть красавица-жена, а она, Ника, для него всего лишь приятельница. Эта фраза уже автоматически приходила на ум, стоило лишь ей чуть-чуть дать волю мечтам, но на этот раз привычная боль, вызванная мыслями о жене Андрея, не обожгла едко сердце и даже не вызвала досады.

– Ник, – оборвал ее размышления Егор, входя на кухню. – Здесь не хватает окончания. – Он продемонстрировал девушке тонкую пачку листов.

– Знаю. Глава обрывается. Но это все, что мне передали. Претензии не ко мне.

– Эти тексты подтверждают то, о чем мы вчера говорили. Что персонажи вполне могли быть списаны с реальных людей.

– Я тоже так подумала, – согласилась Ника, и ее глаза вновь приобрели тот особый блеск, который возникал, когда ей не терпелось сообщить что-то важное.

«Почему я не замечал раньше, что у нее такие красивые глаза?» – подумал Андрей, с непонятной тоской замечая, что вниманием Ники вновь завладел Егор.

«Изумруды, чистые изумруды, – отметил про себя Егор, не сводя с девушки взгляда. – Она может быть очень хорошенькой. Даже без косметики. Тем более без косметики. Жаль, что она так прочно влюблена не в того парня. Жаль. Очень жаль».

– ...И поэтому я сегодня отправилась в библиотеку, чтобы поднять архивные журналы и газеты в поисках информации о знахаре Кузьме.

– И что? – одновременно спросили оба мужчины.

– А вот за ужином я вам все и расскажу!

Ника рассказала, что полдня провела в библиотеке, листая старые газеты и журналы. То, что она узнала о знахаре Кузьме Крохине, подтверждало поведенное в сельском магазине старичком. Целитель этот действительно был очень популярен, его приглашали на телепрограммы (и Нике даже припомнились некоторые из них), брали у него интервью. О себе целитель не очень любил распространяться, но в одном из интервью поведал, что родом он из деревни Пескарки, где жил до одиннадцати лет, потом сбежал из дома, и его приютил один старик, который и обучил его целительству. Сколько-то лет Кузьма прожил в деревне Пустошь, а потом подался в столицу, где сыскал популярность.

– Далее из одной короткой заметки я узнала, что лекарь Крохин погиб в аварии, – продолжила свой рассказ Ника, убирая со стола грязные тарелки. – Машина, в которой ехал Кузьма, врезалась в бензовоз, целитель погиб на месте, а тело его сгорело. Такая вот ужасная смерть человека, который всю жизнь помогал людям.

– Понятно, – сказал Егор. – Только что нам дает эта информация? Пока у нас на руках лишь отдельные фрагменты, которые не складываются в цельную картину.

– Ты прав, – согласилась Ника, но глаза ее при этом продолжали

возбужденно гореть. – Но это еще не все. В одном из журналов я нашла фотографию Кузьмы, где ему около сорока лет. Я сделала с нее копию, которую хочу вам показать.

Она сходила за сумочкой и, вернувшись на кухню, торжественно, с победным видом, будто главный козырь, выложила на стол листок.

– Фотография, конечно, не ахти, но общее представление о внешности врача дает.

Копия была, как и сказала Ника, плохого качества, к тому же черно-белая, но все же можно было рассмотреть лицо изображенного на ней человека. Черты его лица были тонкими, изящными, и Андрей, разглядывая этот портрет, подумал, что, пожалуй, с таких лиц и писались когда-то святые лики. Умные светлые глаза с застывшими в их уголках смешинками смотрели спокойно, доброжелательно. Такому взгляду хотелось довериться и исповедаться в самых страшных грехах без боязни быть осужденным. Длинные волнистые волосы добавляли образу сходства с иконописными изображениями.

– Какой благостный лик! – воскликнул Егор, словно прочитав мысли Андрея и Ники. – Прямо батюшка из деревенской церкви.

– Мне тоже так подумалось, – улыбнулась девушка. – Но нет, батюшкой он не был. Не удивлюсь, если церковь порицала действия Кузьмы, считая их противоцерковными. Но речь сейчас не о том. Когда мне на глаза попала эта фотография, я вспомнила некоторые передачи из детства, которые очень любила моя мама. Крохин был довольно частым гостем подобных программ. Помню, давал он какие-то советы: как уберечься от гриппа и вроде того, – и мама, следуя им, делала домашние настойки, ужасно горькие, но эффективные. Детство детством, но, когда я рассматривала снимок, у меня возникло странное ощущение, будто я видела этого человека совсем недавно, живым и невредимым. Не старцем, каким бы он был сейчас, а в этом возрасте, может быть, чуть моложе. Я стала усиленно вспоминать, и мне припомнился один эпизод из недавнего прошлого, о котором я забыла. Когда хоронили Стаса Шатрова, я обратила внимание на незнакомца, который наблюдал за похоронами, но не присоединялся к присутствующим. Казалось, он специально пришел посмотреть издали. Когда я встретилась с ним взглядом, он отвернулся и положил цветы на чужую могилу. Потом он ушел, так и не подойдя к могиле Стаса, а у меня возникло странное чувство, будто я его раньше где-то видела. И только сегодня, когда мне попала фотография Кузьмы, я поняла, что нигде с тем незнакомцем не встречалась, просто его внешность напомнила мне врача, образ которого отпечатался в моей памяти с детства.

Сходство, надо сказать, потрясающее! Те же черты лица, те же длинные волнистые волосы и светлые глаза. Только взгляд у него был другой: ледяной, обжигающий холодом.

– Сын? – предположил Егор.

Ника пожала плечами:

– Не знаю. Я не нашла информации, остались ли после Кузьмы наследники. Попробую поискать по другим каналам. Но сейчас мне вспомнился один забавный эпизод, который тогда забавным вовсе не показался, даже напугал. После похорон я задержалась возле могилы, и ко мне подошла старушка. Обыкновенная бабушка, старенькая, бормочущая что-то себе под нос. Сказала, что все про всех на кладбище знает, вплоть до того, кто какие могилы навещает. Я спросила, не знает ли она, кто этот человек, который наблюдал за похоронами Стаса Шатрова? Бабка ответила, что мужчину этого на кладбище видит впервые, но назвала его почему-то мертвецом. Честно говоря, тогда мне стало жутко: соответствующий антураж, полусумасшедшая бабка... Но сейчас подумалось, что была старушка в чем-то права! Может, таким образом она отметила сходство того незнакомца с погибшим лекарем Кузьмой?

– Возможно, – уклончиво ответил Егор. – Хотя это лишь предположение.

– А почему бы у самой бабки не уточнить, что она имела в виду? – предложил Андрей.

– Мне она не показалась вменяемой, – призналась Ника. – Бормотала что-то о том, что на мне тоже лежит печать смерти. Весело, да? В общем, я поспешила со старухой распрощаться и убраться подобру-поздорову... И к тому же мне сейчас интересен не столько Кузьма, сколько другое. История лекаря-травника меня натолкнула на одно важное предположение, пока лишь предположение, но я на девяносто девять процентов уверена в своей правоте! – Ника сделала паузу, во время которой торжествующим взглядом обвела мужчин, после чего громко объявила: – Кажется, я поняла, почему и как на самом деле умер фотограф Стас!

Вот и настал момент ее триумфа – тот момент, о котором она мечтала: сделать что-то очень важное, к примеру, грандиозное открытие, и чтобы при этом присутствовал Андрей. Впрочем, заинтересованный взгляд, который остановил на ней Егор, польстил ей не меньше.

– Сейчас я вам все объясню... – С этими словами Ника извлекла из сумочки свечной огарок. – Вот! – Она торжественно подняла его вверх. – Это и есть, предположительно, причина смерти Стаса Шатрова. И, возможно, моего приятеля Эдуарда. Думаю, Эдичка пытался намекнуть мне

про эту свечу в уцелевших фрагментах своего романа. Возможно, он предчувствовал свою смерть. Предположим, кто-то задумал его убрать, хоть в это и верится с трудом: кому мог помешать безобидный Эдичка? Это мне еще предстоит выяснить. Но пока... Эдуард догадался, каким образом его хотят убрать, и попытался намекнуть мне.

Мужчины одновременно протянули руки к свече, и Ника, неожиданно для себя, первому дала ее не Андрею, а Егору.

– Свечу я нашла рядом с мертвым Стасом и случайно прихватила с собой. В избушке, в которой мы остановились на ночлег, был целый запас их. Шатров ночью встал, не нашел фонаря и взял первую попавшуюся свечу. К несчастью, она, похоже, оказалась с «сюрпризом». Обратите внимание на то, что в материале, из которого свеча изготовлена, есть какие-то темные частички.

Егор, повертев огарок, передал его Андрею и выжидающе уставился на Нику. Девушка вновь сделала паузу, но на этот раз чтобы перевести сбивающееся от волнения дыхание, после чего продолжила:

– Последний отрывок из рукописи Эдички, в котором вскользь упоминается свеча, и дал мне ответ. Я сопоставила информацию о травнике, рассказ старика в магазине и наше с Егором предположение о том, что персонаж из рукописи Эдуарда и лекарь Кузьма – одно лицо. И пришла к выводу, что в составе свечи могут быть какие-то травы, которые при сгорании привели к печальному исходу. Стас надышался ядовитым дымом и погиб.

– То есть ты считаешь, что в составе этой свечи – какое-то ядовитое вещество? – недоверчиво переспросил Егор, забирая свечу у Андрея и поднося ее ближе к глазам.

– Да. Вещество, которое вызывает галлюцинации и остановку сердца. Почему галлюцинации? Потому что лицо Стаса было искажено ужасом. Такое же выражение застыло и на лице Эдички. И, более того, я сама чуть не умерла от страха, который неожиданно овладел мной.

Она рассказала о том, что недавно, когда в квартире выключилось электричество, зажгла свечу. И поведала об ощущениях, которые затем испытала.

– Честно говоря, я постаралась убедить себя, что тот ужас, который я пережила, был всего лишь приснившимся кошмаром.

– Но почему же ты осталась в живых? – спросил Андрей.

– Не знаю. Может быть, потому что недостаточно надышалась ядовитым дымом, чтобы отравиться им. Может быть, потому что свеча вовремя погасла. Или потому что ты разбудил меня своим звонком. Как бы

там ни было, я сегодня позвонила одному своему знакомому, который работает в лаборатории, и попросила сделать экспертизу, чтобы выяснить состав свечи. Отвезла кусочек, теперь жду результатов. Но, как я уже упоминала, на девяносто девять процентов я уверена в том, что в составе обнаружатся какие-нибудь ядовитые или наркотические вещества!

– Если так... Может быть, Лерку похитили из-за того, что она что-то разузнала об этом свечном «сюрпризе»? – предположил Егор и нервно потер ладони.

Ника с Андреем переглянулись, поняв, о чем он подумал. Что, если и Лерочку «убрали» подобным способом?

– Егор, она жива, – произнесла наконец Ника, постаравшись вложить в свой голос как можно больше уверенности, и, словно ища поддержки, оглянулась на Андрея. Этот ее взгляд не ускользнул от внимания Егора и почему-то рассердил его. «Никак не желает расстаться со своей иллюзией. Глупая!» Но вслух произнес, конечно, не это.

– Спасибо за поддержку.

И подумал, что ему пора уходить. Он здесь лишний.

* * *

От Ники Егор вышел в раздражении, причину которого не мог объяснить и самому себе. Оно разъедало его изнутри, будто изжога, и превратилось в настоящую злость, когда по пути к машине он вступил в незамеченную лужу. Холодная грязная вода просочилась сквозь «молнию» на ботинке, и ноге вмиг стало мокро и неприятно.

– Черт знает что! – выругался Егор, непонятно кого или что имея в виду. Он досадовал на себя еще и потому, что тревога за сестру, которая должна была разрывать его и побуждать к активным действиям, как будто уснула. Свое поведение Егор оценивал как неадекватное. Нет, ему отнюдь не было все равно, что случилось с его младшей сестренкой, в глубине души он с ума сходил от беспокойства и страха за нее, но вот на поверхности, будто пена на бульоне, бурлили совсем другие эмоции, не имеющие к пропаже сестры никакого отношения.

Он сел в машину, но помедлил с тем, чтобы заводить двигатель. Разумнее всего было бы поехать домой, принять горячую ванну, рюмку коньяка и уснуть до того, как его разбудит чей-либо звонок. Но вместо того, чтобы послушаться здравого смысла, Егор взял телефон и сделал то, чего уже давно не делал: набрал номер Алины.

– Привет, ты дома? Можно, я к тебе приеду?

Она не удивилась. Словно знала, что однажды он позвонит ей для того, чтобы напроситься в гости.

– Да, конечно.

– Что купить на ужин? – спросил он так, как спрашивал бы свою жену.

– Закажем пиццу? – предложила она.

Егор чуть было не согласился, но, собрав волю в кулак, отказался:

– Нет. Я привезу ужин из моего ресторана.

Пицца, испанское вино, французский фильм – все это уже было. В той, прошлой жизни, от которой он сам отказался, чтобы это не стало будущим. Нет. Алина поняла его и, чуть замявшись, сказала, что с большим удовольствием попробует кулинарные шедевры от шеф-повара из его ресторана.

– Сосновских, что за лицо? Будто в трауре, – сказала она вместо приветствия, открывая дверь. На Алине был спортивного стиля костюмчик, который, как догадывался Егор, несмотря на свою внешнюю простоту, был дизайнерским. Его кремовый цвет великолепно оттенял естественную смуглость кожи девушки, шел к ее шоколадным глазам с угольно-черными ресницами. На лице Алины, как всегда, не было ни грамма косметики.

– Хорошо выглядишь, – сказал Егор, отдавая ей пакет с тщательно упакованными лоточками с ужином. Что в них положил Сева – шеф-повар – он не знал, но вкусу Севы доверял безгранично. Тот не только творил божественные блюда, но и угадывал его настроение: чего бы ему в данный момент хотелось отведать. Егор невольно вспомнил стряпню Ники – разогретую казенную курицу и недоваренные макароны – и сморщился. Сморщился не потому, что еда, которой его угощала журналистка, была отвратительной, нет, просто мысли о Нике вновь вызвали раздражение. Что же в этот вечер было не так? Что?

– Егор, что случилось? – спросила Алина, стоя перед ним с пакетом в руках и наблюдая, как он снимает ботинки и пальто. – У тебя что-то болит? Зуб?

– С зубами у меня все в порядке, – буркнул он и вновь поморщился, любуясь на промокший насквозь носок на одной ноге. – С сестрой что-то случилось. Она пропала.

– Валерия? – ахнула Алина. – Как пропала? Когда?

Начинается... Наверное, зря он приехал сюда. Надо было ехать домой. По крайней мере, дома он был бы избавлен от расспросов, на которые сейчас ему отвечать не хотелось. И хоть Алина спрашивала из искреннего беспокойства, ему не хотелось делиться с ней.

– Давай потом, а? Я устал, измотан. Позже я тебе расскажу, но не сейчас.

– Хорошо, – покорно сдалась она. И в этом была ценность Алины: она не лезла в душу.

– Ужин только для тебя. Я уже поел. Да и аппетита нет. Но если у тебя есть коньяк, я бы немного выпил.

– Да, да, конечно, – засуетилась она.

Егор медленно тянул коньяк, развалившись на удобном диване, в то время как Алина уплетала за обе щеки паштет, салат, запеченный картофель и мясо. Ее аппетит всегда ему нравился, но сейчас почему-то раздражал. Чтобы не смотреть на жующую девушку и не смущать ее своим взглядом, он рассматривал знакомую, изученную до мельчайших деталей обстановку комнаты.

Алина была любительницей минимализма: пара небольших диванов, маленький столик, плазменный экран на подставке и несколько причудливых полок с дисками и книгами – вот и вся обстановка. Выкрашенные в светлый цвет стены, теплый паркет. Никаких тебе накидок, салфеток, пледов и ковриков. Сувениры, фотографии и цветы тоже отсутствовали. В этом была вся Алина, собранная в мыслях, скупая в проявлении эмоций, немного жесткая, но в меру мягкая. Говорила она всегда емко, не распываясь на детали, и по существу.

«Почему я на ней не женился?» – подумал Егор, наливая третью порцию коньяка и бросая короткий взгляд на девушку, которая, покончив с основными блюдами, поднялась, чтобы унести грязные тарелки и принести десерт.

– Кофе будешь? – ровно, без навязчивости, спросила она.

– Да, пожалуй.

Уточнений не требовалось. Алина знала, что кофе он пьет редко, но если пьет, то с молоком и двумя ложками сахара. И она всегда умудрялась угадать, чего бы ему в этот момент хотелось: кофе или чаю. Как это у нее так получалось?

«Пожалуй, зря я на ней не женился. Хотя, может, не поздно еще это исправить».

Она – идеальная женщина. Идеальная для него. Но в то же время эта идеальность и сбила его с толку. Восхищение ею он принял за любовь.

– Спасибо за ужин, Егор. Твой повар – на высоте. Впрочем, как всегда. Передай ему от меня привет и благодарность, – сказала Алина, появляясь в комнате с подносом, на котором стояли две чашки.

– Там еще десерт, – напомнил Егор. – Не знаю, что положил Сева.

– Позже. Сейчас я просто хочу кофе.

Когда он допил кофе, неожиданно обнаружил новую деталь обстановки, абсолютно не свойственную Алине: маленькую плюшевую собачку, поселившуюся на одной из полок между дисками с французскими фильмами.

– Не знал, что тебе нравятся мягкие игрушки, – заметил он, кивая на собачку.

Алина скривилась.

– Не нравятся, ты прав. Но это подарок. Пришлось принять.

– У тебя появился мужчина? – спросил он.

– Да, – просто ответила она, отставила свою чашку и налила себе в рюмку коньяку.

– Давно ты с ним? – спросил Егор скорее из вежливости, чем из интереса. Известие о том, что у Алины кто-то появился, не вызвало в нем никаких эмоций: ни ревности, ни сожаления, ни радости, ни облегчения. Просто новость, светская сплетня – ничего другого.

– Пару недель.

Она задумчиво повертела рюмку в руках, а затем махом выпила коньяк, будто водку. Поморщилась и вдруг произнесла:

– Он совсем не похож на тебя.

Егор приподнял брови, но не стал уточнять, что Алина имела в виду.

Больше о ее новом друге они не говорили. Пили коньяк, разговаривали о работе, о досуге. Алина рассказала, что недавно посетила две выставки и побывала на спектакле. Егор сообщил, что времени у него не то что на досуг, на сон не хватает и что последний фильм, который он видел, был тот, который они смотрели вместе, перед тем как расстаться.

– Тебя вытаскивать надо, – усмехнулась Алина. – Сам ты до того, чтобы куда-нибудь выбраться, не снизойдешь. У меня есть два билета на теннисный турнир. Пойдем?

– Теннис? – задумался он. Когда-то, в юности, он немного играл, теперь иногда смотрел по телевизору матчи. – А твой друг?

– А он... Речь сейчас не о нем, – как-то резко, будто обидевшись на его вопрос, оборвала Алина. – Так как?

– Посмотрим. Когда турнир?

– Через две недели.

– Я тебе позвоню, – отговорился Егор. Он еще и сам не знал, хочется ли ему смотреть турнир, да еще в компании Алины.

– Егор... – позвала она.

– Что?

Алина поставила на столик свою рюмку и пересела к нему на диван. От ее кожи и распущенных шоколадных волос пахло ванилью. Ванильный шоколад – любимое лакомство его детства. Алина молча смотрела ему в глаза, будто чего-то ожидая. Нет, в ее взгляде не было ни вопроса, ни просьбы. Она просто ждала – без трепета, без волнения, как ждут, например, автобус или своей очереди в магазине. Она просто ждала, давая Егору сделать шаг – либо вперед, либо назад. И если бы он сделал шаг назад, она бы просто замяла этот момент, без упреков, без заламывания рук, без истерик. И все бы вернулось на круги своя.

Но он не сделал шага назад. Чуть одурманенный коньяком, запахом ванили, на время приглушенными переживаниями за сестру и непонятной злостью на журналистку, он потянулся к вишневым Алининым губам и мягко их коснулся. Забытый поцелуй, забытые ощущения – он уже думал, что навсегда попрощался с ними. Алина обвила его шею руками, и этот властный жест почти вернул его на землю. Но некстати вспомнилось, как в этот вечер переглядывались Ника с Андреем, и Егор в запале возросшего раздражения обнял Алину, целуя ее вишневые губы.

«Почему я на ней не женюсь?» – подумалось опять. И когда он подумал, что, пожалуй, может сделать ей предложение, позвонил мобильный. Он мягко отстранился от девушки и ответил на вызов.

Он надеялся, что услышит новости о Валерии, но звонили ему совсем не по этому поводу – по работе, с совершенно неинтересным, неважным вопросом. Однако звонок помог ему очнуться. Егор закончил разговор и повернулся к ожидающей Алине.

– Мне нужно уйти.

Она ответила ему кривой усмешкой, в которой явственно читалось разочарование.

– Я тебе позвоню, – зачем-то пообещал он.

– Ладно, – вяло ответила девушка, уже понимая, что вряд ли Егор вернется или позвонит ей. Входная дверь за ним хлопнула раньше, чем Алина вышла в коридор проводить его. Девушка упала на диван и, схватив со столика чашку, с силой грохнула ее об пол.

Вовсе не звонок, прервавший их поцелуй, был причиной Алининой злости. Целуя Егора, она почувствовала, что он целует не ее.

XII

На работе готовились к празднованию Международного женского дня. Нику приготовления скорей раздражали, чем радовали. Статья, которую нужно было сдать, не писалась. О ней просто не думалось. Зато думалось об истории со Стасом, Эдичкой и свечой. Интересная, если не сказать, скандальная, получилась бы статья. О своем замысле Ника пока не распространялась, но про себя твердо решила, что напишет об этом. Остается только дождаться результатов экспертизы материала, из которого изготовлена свеча-убийца (хм, кстати, неплохой заголовок!).

Не обращая внимания на предпраздничную суету в редакции и возбужденное стрекотание коллег женского пола, предвкушающих поздравления и застолье, Ника с сосредоточенным видом чертила на листочке линии, стрелки, кружочки, крючочки, делала пометки, черкала, хмурила брови, кусала губы и, то и дело отшвыривая ручку, бросалась набирать свои мысли на клавиатуре. Коллеги, видя такую ее занятость, подшучивали над ней, но старались особо не беспокоить.

– Болдырева, видать, и впрямь кофе отличный подают в новой кафешке, – пошутил кто-то из коллег, думая, что девушка с таким увлечением пишет заметку о недавно открывшейся кофейне, которую по заданию посетила утром. Но девушка лишь отмахнулась от шутника. Очерк о кафе она сделает ночью: набросает костяк из общих хвалебных фраз, «приоденет» в мишуру из восхищенных возгласов, напустит кофейного духа, посмаковав на страницах воспоминания о чашке эспрессо, добавит палочку корицы для сладкоежек, перечислит десерты из меню и под конец украсит «шапкой» взбитых сливок для эстетов, описав интерьер.

То и дело она косилась на мобильный, ожидая звонка от знакомого из лаборатории. Но телефон упрямо молчал. Пару раз Ника сама дозвонилась до лаборатории, и дважды человека, которого она попросила об экспертизе, не оказывалось на месте. Ну что за невезение! Ника опасалась, что сегодня ей так и не удастся поговорить со знакомым, а завтра – тем более, потому что праздник. И никогда еще предстоящие выходные ее так не раздражали, как в этот раз. Хватит ли ей терпения дождаться нужного звонка?

Терпения не хватило: Ника в третий раз покосилась на мобильный. Но ее попытку позвонить пресекла нарисовавшаяся возле стола сотрудница.

– Болдырева, поздравляться идем?

– С чем?

Сотрудница с усмешкой присвистнула:

– Ну, ты даешь. С Восьмым марта! Заработалась?

– Заработалась, – вздохнула девушка, с сожалением глядя на свои пометки. – Я сейчас приду. Только сделаю один важный звонок.

Она позвонила в лабораторию, и на этот раз выяснилось, что нужный ей человек приходил, но вновь ушел, и на этот раз уже совсем. Нику попросили позвонить после праздников, и девушка в сердцах оборвала вызов.

Сама не зная зачем, она набрала номер Егора. Но и тут ей не повезло. После длинных гудков в трубке что-то щелкнуло, и включился автоответчик. Оставляя сообщений Ника не стала, отключила мобильный и без настроения поплелась в ту комнату, где накрыли праздничный стол.

* * *

Молодой человек нервно расхаживал по комнате, и при каждом его шаге старый паркет жалобно ныл, будто прося пощады. Сидящий в своем излюбленном кресле старик сердито хмурил брови и глядел в сторону. Наконец, молодой мужчина прекратил метания и остановился напротив старца.

– Отец, – начал он, с мольбой складывая руки. – В последний раз прошу тебя о помощи!

Старик ответил не сразу. Все так же не глядя на молодого мужчину, он пожевал губами, взял с журнального столика, стоявшего рядом с креслом, стакан и наполнил его водой из тяжелого хрустального графина. Сделав несколько глотков, он поставил стакан обратно и лишь после этого тихо проговорил:

– Тебе уже было сказано, что за помощью надо обращаться к специалистам. Я бессилен.

– Бессилен, но я, как уже говорил, нашел источник твоих сил! – горячо воскликнул молодой.

– У тебя с собой? – строго осведомился старик и даже протянул ладонь с шишковатыми пальцами, будто в ожидании.

– Нет, но если я тебе верну, ты мне поможешь?

Старик помедлил с ответом, и молодой человек, пристально вглядываясь в его морщинистое лицо, на котором ясно, будто на плазменном экране, читались сомнения и колебания, почти возликовал, решив, что одержал победу. Но в тот момент, когда на лице молодого готова

была появиться довольная улыбка, старик твердо ответил:

– Нет!

– Даже ради спасения человека? – привел последний довод молодой.

– Ради спасения человека, как ты говоришь, ты погубил другого, – едко заметил старик. – Какое ты имел право распоряжаться чужими жизнями?

– Кто бы говорил, – скривил губы молодой человек. И с вызовом посмотрел старику в глаза. Два взгляда похожих глаз – одинаково светлых, но взгляд старика, хоть в нем и полыхал гнев, был куда добрее, мягче и теплее холодного, будто лед, взгляда молодого мужчины.

– ...Тот несчастный парень – раз, – продолжил старец, пропуская едкое замечание мимо ушей. – Журналист – два.

– Я не виноват в его смерти! – возмутился молодой.

– Косвенно – виноват.

– Тогда и ты тоже! Ты виновен во всех этих смертях! С тебя и началось...

– А я вины с себя не снимаю, – отрезал старик. – Далее, эта девочка, журналистка, тоже по лезвию ходит.

– Нечего было хватать то, что ей не принадлежит! Но будь спокоен, папаша, я заберу это у нее. Только и тебе не верну!

– Для того чтобы сделать свое гнусное дело? – заметил старик. – Не ради же спасения девушки.

Молодой поджал узкие губы, но промолчал.

– Ради спасения своей шлюхи...

– Не смей ее так называть! – заорал гость, сжимая руки в кулаки.

– Ради спасения своей шлюхи, – невозмутимо повторил старик, вставая из кресла, – ты готов погубить и эту девушку, которую привез мне якобы для лечения. Благородным делом маскируешь грязь.

– Ложь!

– Не ложь, сын. У этой раненой девушки – слишком большой потенциал, ты это понял и решил этим воспользоваться. Бог мой, неужели ты ради своей шлю...

– Не называй ее так!!!

– Хорошо. Но неужели ты готов убить и эту несчастную девушку, чтобы спасти падшую женщину, которая сама себя разрушила? Ее тело еще влачит жалкое существование, но душа уже давно мертва. Мертва, сын! Даже если бы я был полон сил, как раньше, я бы не смог напитать этот сосуд без дна, в который превратилась ее душа, жизнью. Оставь ее, сын. Так будет лучше и для тебя, и для нее. Одумайся!

Молодой не сразу ответил. Он вновь нервно заходил по комнате, то сжимая, то разжимая кулаки. Наконец, остановился возле «стенки» и, развернувшись к старику, глухо ответил:

– Отец, ты знаешь, что такое – любить. Любить так, что все нормы и правила рассыпаются, будто песочный замок. Из всех ценностей для меня существует лишь одна – любовь к этой женщине, пусть, как ты назвал ее, и шлюхе, и мертвой душой. Но для меня она – богиня. Чистая, невинная. Задумывался ли ты о принципах, моральях, нормах, когда ради спасения своей любимой девушки погубил того, кого почти боготворил? Кого считал своим Спасителем, Учителем, Отцом? Нет? Вот и я, отец. Вот и я так же ради спасения любимой готов на все. Ты говоришь, что у нее нет шансов? Ложь! У нее есть шанс – один-единственный. И ты знаешь, какой.

– Я понимаю тебя, сын, хоть и не понимаю твою такую сильную любовь к недостойной женщине. Но послушай, тем способом, которым ты задумал ее спасти, только навредишь себе! Она не останется с тобой, как бы ты ни желал этого. Я знаю, что говорю. История повторяется. Я был в подобной ситуации, в похожей был и мой учитель. Ты не будешь счастливым, как не стали и мы, использовав свой дар во спасение. Одиночество – вот плата за добро. Эта женщина не останется с тобой.

– И все же я попробую, – тихо ответил молодой. – Пусть она и не останется со мной, пусть. Но я подарю ей шанс. Ты отказываешься мне помочь – что ж, тогда не ставь мне препятствий. Я сам все сделаю. Повторю лишь то, что сделал однажды ты.

«...Что сделал однажды ты...» – Слова молодого человека всколыхнули воспоминания, о которых старик мечтал забыть. Через всю жизнь он пронес то жуткое ощущение холода, от которого не только коченело тело – душа превращалась в лед. Всего лишь на мгновение он отвлекся, и защита, которую он тщательно выстраивал вокруг себя, оказалась разрушенной. В то мгновение, которое чуть не растянулось до вечности, он пережил столько страха, сколько не испытал за всю жизнь. А пережил он многое – и войну, и гонения в молодости, а потом – в зрелости, видел тоже многое. Но ужас, который он тогда испытал, не смогли затмить и ужасы войны. Никогда, даже на поле боя, он не был так близок к смерти, как тогда, в то вечное мгновение.

– Ты даже не знаешь, что это такое... – тихо сказал старик. – Это чудовище... Один неверный шаг, и ты погибнешь.

– Так помоги мне, – так же тихо ответил молодой человек. – Ты мне сможешь?

Старик помедлил с ответом. Поднял глаза к потолку, будто обдумывая

свое решение, после чего перевел взгляд на сына:

– Да. Да, я тебе помогу.

– Хорошо, – молодой мужчина расплылся в недоверчивой и обрадованной улыбке. – Спасибо, отец.

Старик сделал шаг навстречу ему, протягивая руки, будто для объятия, но неловко зацепил журнальный столик и смахнул с него стакан с водой. Молодой человек быстро наклонился, чтобы поднять стакан с пола, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы старик схватил со стола графин и с силой обрушил его на затылок гостя.

– Прости, сын, – дрогнувшим голосом произнес он, наклоняясь к расprostертому у его ног телу. – Я действительно хочу тебя спасти. От глупостей, которые ты собираешься натворить. Прости...

Старик ласково потрепал оглушенного сына по плечу, выпрямился и подошел к двери, ведущей в другую комнату. Повернув торчащий в замке ключ, он приоткрыл дверь и вошел в помещение.

– Дочка, ну как ты? Встать можешь?

Девушка, находившаяся в кровати, слабо кивнула, и старик приободрился:

– Хоть и нельзя тебя еще тревожить, но придется. Нам здесь оставаться опасно. Вставай, и пойдем.

* * *

Егор и сам не понял, как получилось, что он уснул. Вернувшись домой, присел в кресло на пару минут, чтобы перевести дух, – и вырубился, иначе и не скажешь. Прямо в одежде и в мокрых носках. Проспал он и остаток ночи, и утро, и день. Да так крепко, что не слышал ни звонков на мобильный, ни будильника, ни дневного шума. Ничего. Видимо, сказались бессонные ночи, которые он провел в тревоге за сестру и в дороге.

После того как Ника накануне поделилась своими подозрениями, будто причиной гибели ее приятеля и фотографа стала свеча, а вернее, ядовитое вещество, входящее в ее состав, Егор почти не сомневался, что его сестру похитили потому, что она тоже об этом разузнала. Правда, кто ее похитил и где ее прячут (о том, что Лерочка могла уже разделить участь своего любовника, Егор старался не думать), так и оставалось невыясненным, но его люди уже всю прочесывают окрестности, где была найдена сгоревшая Лерина машина.

Но если его сестру похитили потому, что она что-то выяснила о

причинах гибели своего любовника, то и журналистке, которая с таким рвением взялась за расследование этой истории, тоже грозит опасность!

Егор вскочил из кресла так быстро, будто сел на канцелярскую кнопку, и, не обращая внимания на боль в затекшей от неудобной позы спине, схватился за мобильный. Но не успел он набрать нужный номер, как телефон ожил и затрещал-завибрировал беспокойной, с рваным ритмом мелодией.

– Да? – гаркнул он в телефон охрипшим со сна голосом.

– Егор, это Ника.

«Легка на помине», – ворчливо подумал он, но на душе отлегло: раз звонит, значит, пока с ней все в порядке. Пока. Надо будет что-нибудь придумать, чтобы оградить эту девчонку от неясной опасности. К месту вспомнилось странное ограбление, о котором она ему рассказывала. И попытка проникнуть в ее квартиру. Ох, вляпалась она во что-то, вляпалась...

– Я по делу, – поспешно оговорила Ника. Будто она могла позвонить ему просто так. А жаль... – Мне сегодня позвонили из лаборатории. – Голос ее звучал взволнованно, но вместе с тем как будто расстроено. – Честно говоря, я даже не знаю, что теперь думать...

«Можешь без этих своих театральных пауз!» – чуть не закричал Егор, потому что Ника опять замолчала.

– Егор, тебе это интересно? – вдруг спохватилась она.

«Черт, ну конечно же интересно!»

– Да, да. Если хочешь, мы можем встретиться, и ты мне все расскажешь.

Предложение о встрече вырвалось спонтанно, он тут же прикусил язык, сердясь на себя за горячность, но Ника вдруг обрадовалась:

– Да, если можно! Хотя рассказывать особо не о чем. Просто...

Но не успела она договорить, как Егор оборвал ее, потому что раздались две долгие трели дверного звонка.

– Ника, погоди немного. Ко мне кто-то в гости пожаловал. Сейчас я быстро выясню, кто и зачем ко мне пришел и как этого гостя пропустила без предварительного звонка подъездная охрана...

Но, глянув в дверной «глазок», Егор резко оборвал себя на полуслове:

– Ника, я тебе потом перезвоню!

И рывком распахнул дверь.

– Лера?!

На пороге, еле держась на ногах и опершись о стену, стояла его сестра – бледная, со спутанными волосами, в мятой одежде и с огромной ссадиной

на лбу.

* * *

Праздник Восьмое марта Ника не любила еще со студенческих времен. В этот день, пахнувший тепличными огурцами, талой водой и мимозой, она как никогда чувствовала себя одинокой. Нет, ее, конечно, поздравляли. По традиции, первым ей звонил папа, где бы он ни находился; затем Ника принимала поздравления от знакомых, бывших сокурсников, с кем продолжала поддерживать хлипкую связь, и от приятельниц. Обязательно приносил свой скромный подарок с букетом нестойких тюльпанов Эдичка. Но ни разу в этот день ей не звонил Андрей. Ника понимала, что не имеет права даже мечтать о том, чтобы он звонил ей с поздравлениями, ведь этот праздник он отмечал с женой. И все же, из года в год, просыпаясь утром восьмого марта, она робко надеялась, что следующий звонок будет от него.

Этот день тоже не стал исключением. Первым, как всегда, позвонил из Америки папа. Обрадовал тем, что через месяц, возможно, они с матерью прилетят на пару недель в Москву. Папу сменила мать, которая, наспех поздравив дочь с праздником и сдержанно приняв ответные поздравления, спросила, как Ника ведет хозяйство, как питается и как у нее обстоят дела на личном фронте. Говорить, что на личном – полный швах, Ника не хотела, поэтому туманно промычала что-то неопределенное, тем самым дав благодатную почву для материнских надежд, что когда-нибудь ее «непристроенная» дочь, возраст которой неумолимо приближался к тридцатилетней отметке, выйдет замуж.

Потом было несколько звонков от приятелей, старых знакомых и подруг. Ника каждый раз, беря в руки вибрирующий мобильник, смутно надеялась, что вот в этот раз ей звонит Андрей. Но звонка от него так и не было. Этот год тоже не стал исключением.

Немного позже позвонила Ольга и, как обычно, пригласила подругу на праздничный ужин. И Ника, как обычно, согласилась. Отмечать вечер Международного женского дня с подругой, ее мужем и дочерью – тоже одна из традиций этого дня. Все было так, как и в прошлые годы. Исключение было лишь одно: впервые поздравить ее не пришел Эдичка...

Она почувствовала грусть. И даже немного всплакнула, вспоминая своего верного поклонника, который старался не навязываться ей со своей любовью, но никогда не забывал ее поздравить. Кто же его, почему, как?.. Чувствуя, что совсем раскисает, Ника рывком поднялась с дивана и

решительно подошла к серванту. Вечер вечером, а день стоит провести не в грусти, а так, чтобы не было за него стыдно. Она вытащила из серванта бутылку красного вина и отправилась на кухню за штопором. Пить в одиночестве – дурная привычка, но еще более пагубной была привычка проводить этот весенний праздник так, как она привыкла его проводить: в тоске и пустых надеждах.

С трудом, сетуя на отсутствие мужчины в доме, она открыла бутылку, плеснула в бокал рубинового вина, нарезала и выложила на тарелочку сыр, распечатала плитку белого шоколада. И только собралась отправиться в комнату с вином и закуской, чтобы с удовольствием расположиться на диване с недочитанным романом, как раздался очередной звонок. На этот раз Ника отреагировала на него без волнения и не расстроилась, а удивилась, когда поняла, что звонит ей Егор.

– Привет, с праздником! – Голос в трубке был не уставшим, а бодрым, сочным, с веселыми нотками, будто пребывал его хозяин в преотличнейшем настроении. – Какие планы на сегодня?

– Напиться вина, а потом отправиться на ужин к подруге. Ничего особенного, – засмеялась Ника и призналась: – Честно говоря, не люблю этот день как праздник. Не делаю из него культа и воспринимаю лишь как дополнительный выходной.

– Понятно, – сказал Егор с такой интонацией, что девушке показалось, будто он прочитал в ее делано небрежном ответе самую суть, почему она не любит этот день. – Слушай, а ты не хочешь поменять свои планы и отметить этот день, к примеру, в ресторане? Это, думаю, лучше, чем дома в одиночестве напиваться. Вино можно выпить и в хорошей компании...

– В качестве хорошей компании ты предлагаешь себя? – съехидничала она, все еще находясь в некотором замешательстве.

– Хотелось бы на это надеяться – на то, что моя компания покажется тебе хорошей. А если без церемоний и пустого сотрясения воздуха, я просто приглашаю тебя поужинать. В благодарность за то, что ты дважды кормила меня. Нет, трижды, если считать бутерброды, приготовленные в дорогу, и чай. Это во-первых. А во-вторых, вчера нам так и не удалось поговорить по телефону, а ты собиралась что-то сообщить мне.

– Тебе это до сих пор интересно?

– А почему бы и нет? Кстати, причина, по которой я не смог с тобой вчера поговорить, радостная. Лера нашлась! Это она позвонила в мою дверь.

– Да что ты?! И как она? И что с...

– Ника, давай встретимся, и я тебе все расскажу, – засмеялся Егор. – За

хорошим вином и вкусным ужином.

– Лера тоже придет?

– Нет. Она не совсем здорова. С ней все более-менее в порядке, но она очень слаба и нуждается в постельном режиме. Не беспокойся за нее, ее уже осмотрел наш семейный врач, а чтобы Валерии не было скучно этим вечером, к ней приедет мой старый друг, с цветами, подарками и воздушными шариками.

Соблазн выслушать историю о том, где пропадала Лера и что с ней случилось, был очень велик. Поэтому Ника без сомнений согласилась позвонить подруге, отменить встречу с ней и принять приглашение Егора.

Они договорились, что он заедет за ней в семь. В шесть она уже была готова, хоть и собиралась очень неторопливо, со вкусом, с удовольствием, лелея иллюзию, что собирается на свидание. Легкий обман, временный, как эйфория от бокала шампанского, но приглашение Егора не только подняло ей настроение, но и напитало волнительным ожиданием. Будто она и впрямь собралась на свидание.

Ванна, маски, долгие раздумья возле открытого шкафа на животрепещущую тему, что надеть, вечерний макияж, капля духов из почти нетронутого флакона и такие непривычные каблуки. И совсем новое, немного жмущее и стесняющее, как новые узкие джинсы, ощущение того, что она – красивая женщина. Ника вертелась перед зеркалом, смущенно улыбаясь своему отражению и беззлобно подшучивая над собой по поводу того, что так расстаралась для Егора – малознакомого, в общем-то, мужчины, к которому и чувств-то не испытывает. Почти.

Неужели простое приглашение в ресторан, которое, если смотреть правде в глаза, не было приглашением на свидание, вызывало у нее такой всплеск эмоций: радости, волнения, надежд?.. В таком случае, как все запущено, сказала бы Ольга. Как все запущено! – и Ника бы с этим замечанием согласилась, потому что даже не помнила, кто и когда в последний раз приглашал ее в ресторан. Деловые ужины не в счет, и Эдичкины приглашения – тоже.

Кстати, об Эдичке. Ника вновь вернулась мыслями к приятелю и истории, связанной с рукописью Эдички, гибелью Шатрова и пропажей Лерочки. Какое же разочарование – такое сильное, что чуть не расплакалась, – она испытала после звонка своего знакомого, работающего в лаборатории. И какой стыд – так хорохориться перед Андреем и Егором, громко заявлять, что она раскрыла причину, по которой погиб ее коллега и, возможно, друг, лелеять надежды на если не скандальную, так, по крайней мере, шумную статью и в итоге получить пшик.

Не оказалось в составе свечи никаких препаратов, которые могли бы вызвать смертельное отравление. Материал, из которого была она изготовлена, оказался самым обычным: воск, парафин и ничего ядовитого. Обыкновенная свеча, самая что ни на есть обыкновенная. Об этом и хотела вчера сообщить Ника Егору – покаяться в своей излишней самоуверенности и немного поплакаться от разочарования.

Воспоминания об этом фиаско чуть не испортили настроение. Нике до сих пор было сложно поверить, что ее версия, такая логичная, вдруг оказалась ложной. Вчера она дважды переспросила своего знакомого, точно ли анализ не выявил никаких опасных для здоровья и жизни веществ в составе воска? И дважды знакомый подтвердил это.

До приезда Егора оставался еще час, и Ника решила провести самостоятельный эксперимент. Она решила, что, если вдруг почувствует себя странно, тут же загасит пламя и выйдет на балкон подышать свежим воздухом. Эксперимент не казался ей опасным – после того как ей сказали, что в составе нет опасных веществ.

Ника принесла свечу на кухню, установила ее в банку и подожгла.

Она сидела, медитируя над язычком пламени, наверное, минут десять, внимательно прислушивалась к своим ощущениям и ровным счетом ничего, кроме разочарования, не испытывала. Ни удушья, ни головокружения, ни страха, как в тот раз, когда впервые зажгла свечу в квартире, ни галлюцинаций, ни ощущения чужого присутствия в доме – ничего.

Тяжело вздохнув, девушка загасила пламя и сунула свечу в сумочку. Тяжело признавать, но она ошиблась.

Егор заехал за ней, как и обещал, в семь. Ника открыла ему дверь с улыбкой, за которой старалась скрыть охватившее ее волнение.

– Привет, – поздоровалась она и торопливо одернула платье, смущенная взглядом мужчины, которым он оглядел ее с ног до головы. И, она могла в этом поклясться, смотрел он на нее с плохо скрываемым восхищением.

– Привет, – запоздало ответил он. И, кашлянув в кулак, выдавил: – Ты очень красивая.

Он впервые увидел ее в «женской» одежде, а не в растянутом свитере и мешковатых джинсах, не скрывающих, а подчеркивающих ее худобу и делающих ее фигуру угловатой, как у подростка. Фасон трикотажного платья был скроен так, что в нем фигура девушки обретала ранее скрадываемую неправильно подобранной одеждой женственность. Лиф подчеркивал небольшую, но округлую грудь и тонкую талию. Свободный

крой подола маскировал мальчишеские бедра, а его длина – до колен – позволяла любоваться стройными икрами и изящными щиколотками девушки. Оливковый цвет платья подчеркивал насыщенную зелень ее глаз и выгодно оттенял рыжее золото волос.

– Сегодня праздник... – словно оправдываясь, произнесла Ника и потупилась. В ней не было ни капли кокетства, только искреннее смущение, выплеснувшееся в виде нежного румянца. Она, конечно, была далека от классических красавиц и тех красоток Барби, с которыми Егора знакомила сестра. И совсем не похожа на Алину, близкую к его идеалу. И все же она была красива – той нежной, будто бутон, красотой, которая открывается далеко не каждому. Искренней красотой, которой так не хватает искусственным Барби.

– Пойдем? – спросил Егор, протягивая девушке руку.

– Идем, – сказала она, вкладывая свою ладонь в его.

В машине Нику ждал сюрприз: на переднем пассажирском сиденье лежал огромный букет каких-то незнакомых цветов.

– Это тебе, – произнес Егор. И подумал про себя, что с букетом он просчитался: Нике куда больше пошли бы нежные и невинные лилии, чем аляповатые, будто оперение попугая, экзотические цветы.

– Но... – Взгляд ее стал беспомощным. – Как будто у нас свидание. А мы всего лишь собирались поговорить о...

– У нас, Ника, деловое свидание, – твердо ответил Егор, подчеркивая слово «деловое». – Но так как сегодня женский праздник, я не мог приехать без цветов.

Она выдохнула, как будто с облегчением, и Егор, заметив это, про себя огорчился, но виду не показал.

– Ты отменила ужин у подружки? – поинтересовался он, заводя двигатель.

– Да, я позвонила Ольге и сказала, что в этот раз не смогу. Она огорчилась... Но я считаю, что ей этот день стоит провести с дочерью и мужем. Володя – пластический хирург, к тому же – заведующий отделением. Сам понимаешь, что график у него ненормированный, он больше времени проводит в больнице с пациентами, чем дома с семьей. Так пусть этот день будет только для них.

– Ты права, – кивнул Егор. – Надеюсь, в моей компании ты не соскучишься.

– Ты обещал рассказать про Лерочку, – напомнила она ему.

– Расскажу. Но вначале вкусно поужинаем. Не возражаешь?

Она не возражала.

– Это твой? – спросила Ника, когда швейцар почтительно открыл перед ними тяжелую дверь ресторана.

– Мой, – ответил Егор.

Их встретил управляющий и, приторно улыбаясь, проводил за отдельный столик, отгороженный от общего зала разрисованной фальшивым золотом стеной. Ника украдкой огляделась. В своем отношении, нравится ей тут или нет, она еще не определилась. Ей импонировали куда более скромные заведения, обстановка же этого просто кричала о дороговизне и элитности, недоступных простому смертному.

Нике вручили кожаную папку меню, и пока она ее растерянно листала, Егор о чем-то вполуха переговаривался с управляющим, пришедшим лично принять их заказ.

– На твой выбор, Серж, – услышала девушка. – Ты знаешь мои вкусы и предпочтения.

Управляющий сдержанно улыбнулся.

– Ника, ты что будешь?

– М-м-м... – неопределенно промычала она и бросила немного испуганный взгляд на замершего, будто восковая фигура, управляющего.

Егор понял ее и попросил принести для девушки то же, что и для него.

– Вино, шампанское... – добавил он, и управляющий, вновь кивнув, наконец-то удалился.

– Здесь указаны цены или номера телефонов? – сыронизировала Ника, откладывая так и не пригодившееся ей меню.

Егор рассмеялся и, оставив ее вопрос без ответа, заметил:

– Вижу, ты чувствуешь себя здесь неуютно.

– Уж больно напыщенно, – призналась она и покраснела, испугавшись, что Егор рассердится, услышав такую бестактность.

– Напыщенно, – согласился он. – Это самый дорогой из моих ресторанов. Если честно, не самый любимый, но публике нравится. Здесь можно встретить и артистов, и кинозвезд, и эстрадных певичек...

– Концерт в честь Восьмого марта в «живом эфире», – прокомментировала Ника. – Дополнение к букету и изысканной еде. Честно говоря, такая обстановка не очень располагает к свободной беседе, извини.

– В следующий раз исправлю свою ошибку, – просто сказал он. – Постарайся расслабиться и наслаждайся едой. Если хочешь, после ужина поедем в другое место.

– Посмотрим, – уклончиво ответила она и перевела взгляд на появившегося возле их столика официанта в накрахмаленной сорочке. Вышколенным движением официант открыл бутылку с вином и плеснул

пару капель в один бокал.

Егор поболтал напиток, понюхал, попробовал и одобрительно кивнул.

– Давай за праздник...

– И за возвращение Леры, – добавила Ника. – Не томи уж, расскажи, что с ней случилось. Мы, кажется, для этого и встретились.

– Только ли для этого? – Егор иронично изогнул бровь и, увидев, что девушка вновь стушевалась, усмехнулся. – Ладно уж, ладно. Томить не буду. Хотя рассказ мой будет коротким и ясности полной он не даст.

Появившаяся вчера на пороге его дома Лера была нездорова, слаба, но смогла поведать брату о своих приключениях. Отправляясь в дорогу, она была уверена, что ее маленькое расследование принесет результаты. Но если бы Валерия знала, что ее путешествие закончится, почти не начавшись, не стала бы отправляться в путь одна.

Она не сразу заметила, что ей на «хвост» села неприметная иномарка – то ли «Фольксваген», то ли «Форд» серого цвета, с заляпанными грязью номерами. Серая иномарка следовала за ней по пятам, но поначалу Лера, погруженная в свои мысли, не обращала на нее внимания, и только лишь когда она выехала на пустынную подмосковную дорогу – увидела, что идущая сзади серая легковушка сигналит ей, требуя остановиться. Валерия останавливаться не стала, наоборот, прибавила скорости. Преследователь не отставал. Испугавшись, девушка попыталась позвонить брату, удерживая руль одной рукой, но, не справившись с управлением на повороте, слетела с трассы. Ее машина перевернулась, а Лера, ударившись головой, потеряла сознание.

Очнулась она в незнакомой комнате, обстановка которой напомнила ей картины из детства: вытертый красно-синий ковер на стене, вступающий с ним в цветовой диссонанс коричнево-зеленый ковер на полу, пыльный телевизор «Рубин» в углу, старомодная «стенка» и бывшие когда-то голубыми, а теперь превратившиеся в грязно-серые, местами пожелтевшие обои на не занятых ковром стенах. Лежала Лера на разложенном диване, тоже, судя по всему, старом. Однако постельное белье было чистым и пахло цветочным мылом. Как в детстве.

В комнате, кроме нее, находился старик, которого Лера описала Егору как старца лет восьмидесяти с густой бородой и живыми голубыми глазами. Такое описание, конечно, могло быть присуще любому старику, но Лера добавила еще, что тот будто сбрасывал свой возраст, когда вставал: осанка у него была молодецкой, походка – не стариковской.

Старик объяснил, что она попала в аварию, у нее сотрясение мозга и кое-какие несерьезные ушибы, но на вопрос, как она сюда попала, ушел от

ответа.

Провела Лера «в гостях» несколько дней, сколько точно – не смогла назвать, так как сбилась со счета. Старик ее лечил – отпаивал травяными настоями, делал примочки от ушибов, кормил куриным бульоном, в который добавлял какие-то пряности. Почти все время Лера проспала: то ли травы обладали снотворным эффектом, то ли сказывалась травма.

В одно из своих пробуждений девушка спросила, когда ее отпустят домой. На это старик задумчиво помолчал в бороду и, сверкнув голубыми глазами, ответил, что пока она не поправится окончательно, он ее не отпустит. Позвонить ей он тоже не разрешал, все расспросы пресекал и дверь в комнату, в которой лежала Лера, всегда запирали на ключ.

Прошлым вечером девушку разбудил шум, доносившийся из соседней комнаты. Спорили двое мужчин, и голос одного из них принадлежал старику. Поначалу Лера не прислушивалась, да и спорили мужчины вполголоса, но постепенно их ссора разгоралась, старик уже кричал, не боясь, что может быть услышан. Затем крики смолкли, раздался стук, будто от упавшего тяжелого предмета, и немного позже в комнату вошел старик. Он был одновременно и расстроен, и рассержен, и напуган, спросил у Леры, сможет ли она встать для того, чтобы проделать небольшое путешествие. Когда девушка спросила, куда именно ее собираются отвезти, сказал, что домой, потому что здесь оставаться опасно.

Валерия опасалась, что его предложение отвезти ее домой – ловушка, но старик сдержал свое обещание. Когда они спустились вниз, их уже ожидало такси. Лера назвала адрес Егора, и ее действительно отвезли туда, куда она и просила, после чего старик попрощался с девушкой и за что-то попросил у нее прощения. Прежде чем Лера сообразила что-либо ответить, такси со стариком уже тронулось с места.

– Вот такая история произошла с моей сестрой. Не там мы ее искали, Ника, – усмехнулся Егор и сменил тему: – Попробуй паштет! Не пожалеешь.

Он придвинул Нике блюдечко с паштетом и тарелочку с золотистыми хлебцами.

– Странная история, – задумчиво произнесла девушка.

– Сейчас мои добры молодцы заняты поисками того старика. Лера примерно описала подъезд и двор дома, в котором ее держали. Вернее, то, что успела заметить, когда садилась в такси. Конечно, таких дворов – сотни, тысячи. Да и Лера – тот еще рассказчик... Но кое-какие ориентиры есть. И дорогу она немного запомнила, хотя и чувствовала себя плохо: сказывалась травма. Но, знаешь, это еще не все! Самое главное я приберег

на десерт... Кстати, салат из морепродуктов тоже обязательно попробуй! И икру.

– Все я попробую, Егор, все, – засмеялась Ника. – Не томи только, скажи про свой «десерт» сейчас, иначе я просто умру от любопытства.

– Хорошо, – легко согласился он. – Лера ничего не смогла вытянуть из старика, но имя его узнала. Он сам ей представился. И знаешь, как его зовут? Кузьма!

– Да ладно, – недоверчиво протянула Ника. И отложила вилку.

– Да. А еще в споре, часть которого подслушала Лера, старик Кузьма назвал своего гостя сыном.

– Упс... Над этим надо подумать.

– После подумаешь, – оборвал ее Егор. – Сегодня – праздник. Расслабься и наслаждайся едой.

– Но я тебе тоже кое-что собиралась рассказать.

Она поведала ему о результатах лабораторного исследования свечи и о сегодняшнем эксперименте, который ничего не дал.

– Я была почти на сто процентов уверена в том, что нахожусь на верном пути! – огорченно закончила она. – И вот... Похоже, что эту свечу можно просто выбросить, так как она не представляет ценности. Это просто огарок, и не более.

– Может, твой коллега действительно погиб от сердечного приступа?

– И Эдичка тоже? – хмуро отозвалась Ника. – Кстати, я собиралась вновь позвонить его родителям, еще до того как узнала результаты экспертизы, но не успела. Да и хорошо, что не успела: не потревожила их своими глупыми расспросами. К тому же вспомнила, что Юлий Борисович, отец Эдички, недавно сказал мне, что они с Ириной Петровной собираются на какое-то время уехать из Москвы.

– И что ты собиралась у них спросить?

– Сейчас уже не имеет значения. Просто хотела поинтересоваться, с кем встречался Эдуард накануне своей смерти, не замечали ли родители каких-либо изменений в его поведении: страх, волнение и прочее. Но сейчас я думаю, что правильно поступила, не позвонив им. Зачем их тревожить? Пусть думают, что их сын действительно умер от сердечной недостаточности. Тем более, похоже, так и было. Просто совпадение – его смерть и смерть Стаса. Просто совпадение, не более.

– Странно, правда, – задумчиво произнес Егор, пощипывая гладко выбритый подбородок. – И происшествие с моей сестрой – странное. Все это звенья одной цепочки. И этот старик, Кузьма, не просто так вдруг объявился. Что-то за всем этим стоит, подсказывает мне моя интуиция,

только вот что – пока не могу понять.

Ника не ответила, лишь уныло опустила взгляд в тарелку с недоеденным салатом.

– Ты не выбросила эту свечу?

– Нет. Она у меня с собой. Сама не знаю, зачем ее захватила. Наверное, для того, чтобы еще раз показать тебе.

Егор молча протянул руку, и Ника положила ему на ладонь уцелевший огарок.

– Мда, – задумчиво протянул он, повертев его со всех сторон и даже понюхав. – Эти вкрапления могли бы и в самом деле быть травяной трухой. Но ты говоришь, что просидела, дыша дымом этой свечи, какое-то время и ничего не почувствовала?

– Абсолютно! Что скажешь?

– Ну, во-первых, скажу, что ты, Ника, неосторожная, безмозглая и недалёковидная.

– Это еще почему?! – обиделась она, никак не ожидавшая в свой адрес таких выпадов.

– Потому! Додумалась ставить эксперименты на себе, да еще в одиночестве.

– Так ничего же не произошло!

– А как ты могла быть уверена в том, что ничего не произойдет? Судя по всему, ты ожидала какого-нибудь эффекта. Так ведь?

Она понуро кивнула, только сейчас понимая, насколько он прав.

– А во-вторых, может, твой эксперимент и не такой уж неудачный, как тебе показалось.

Она вскинула на него глаза и чуть не выронила вилку, которой до этого уныло ковыряла салат.

– Ты мне рассказала, что в первый раз, когда зажгла эту свечу, чуть не умерла. Что ты имела в виду?

– Я чуть не умерла от ужаса, потому что мне показалось, что кто-то или что-то присутствует в квартире – что-то нематериальное, нечеловеческое... Тогда я посчитала это приснившимся кошмаром, а потом, когда предположила, что в свече содержится какое-то ядовитое вещество, – галлюцинациями, вызванными дымом. А теперь склоняюсь к тому, что свеча вовсе ни при чем.

– Может быть, и так. А может быть, ты и не ошибалась, просто не уловила всей сути, – задумчиво произнес Егор. – Что, если условия, в которых ты зажигала свечу, – разные? К примеру, в первый раз в комнате была закрыта форточка, поэтому дым напитал помещение, а во второй раз

ты форточку открыла.

– Нет, форточка оба раза была закрыта.

– Или в первую ночь случилось полнолуние, а сегодня – нет.

– Полнолуние! – фыркнула Ника. – Это что-то совсем из ведьмовского.

– Это просто пример. Но суть ты поняла. Это как в игре «найди десять отличий»: вспомни на досуге, чем условия в первый раз отличались от условий во второй.

– Может, тем, что в первый раз я зажгла свечу в темноте, а сегодня – при свете?

– Предположим. Но ты подумай об этом позже, не сейчас, потому что сейчас у нас – праздник и почти что свидание и лучше просто отдыхать. Да, и подумай также, что могло быть общего между вами – твоим приятелем, фотографом и тобой – в тот момент, когда ты в первый раз зажгла свечу. Если найдется общая деталь, то она может оказаться ответом на многие наши вопросы. Подумай! Но не сейчас. Как ты отнесешься к тому, что я приглашу тебя на танец? В честь праздника? – весело поинтересовался он, закрывая тему про свечу.

– Думаю, что не откажусь, – так же весело согласилась Ника. – Тем более что песня – моя любимая.

– Тебе нравится творчество U2?

– Мне нравится именно эта их песня, «One»...

Егор с готовностью поднялся и протянул девушке руку. Она, принимая приглашение, подумала, что это Восьмое марта, пожалуй, самое интересное из всех и даже счастливое.

* * *

Вот все и закончилось. Так просто и нелепо. Нелепо, потому что он оказался неготовым к тому, что семейная крепость рухнет в одну минуту, в одно мгновение. Впрочем, рушиться она начала давно, только он закрывал глаза на кричащие трещины, кое-где замазывая их небрежными торопливыми мазками, но откладывая и откладывая глобальный «ремонт».

А трещины не просто предупреждали – они кричали, они зывали, рыдали, умоляя его обратить на них внимание. И если бы он сделал это своевременно, может, успел бы спасти осыпающиеся стены. А сейчас... А сейчас, дай бог, если он, отойдя от первого шока, по возможности целым выберется из-под обломков.

Is it getting better
Or do you feel the same
Will it make it easier on you
Now you got someone to blame
You say
One love
One life

«...Это уже получше, или ты чувствуешь то же самое. Тебе легче, если есть кто-то виноватый? Ты говоришь: одна любовь, одна жизнь...» – Боно из U2 подвизался в сочувствующие и понимающие приятели. Словно мысли Андрея через радиоволны включенной магнитолы достигли ушей ирландца и вернулись, разложенные по нотам, декорированные иностранным акцентом, усиленные собственными переживаниями Боно и от этого еще более понятные, острые.

Лилька во всем обвинила его, Андрея. Видимо, ей и в самом деле было легче уйти, переложив всю вину на него – проницательный Боно здесь оказался прав.

Его вина в том, что не спохватился раньше, отмахнулся от всех знаков, которые, если бы он прочитал их правильно, уже давно пасьянсом сложились бы в неутешительную перспективу. Ему бы даже не понадобилось читать между строк, настолько все стало бы ясным. И все еще можно было бы исправить. Возможно.

Просто они с Лилькой непохожи. Со слишком разными ценностями жил каждый из них. Их семья, наверное, изначально была обречена на развал. Удивительно, что тяжеловесная «крепость» еще так долго продержалась на хлипком песчаном фундаменте. Действительно, удивительно.

Did I disappoint you?
Or leave a bad taste in your
mouth?
You act like you never had
love
And you want me to go without
Well it's too late
Tonight
To drag the past out

Into the light

«...Я разочаровал тебя, или от меня у тебя остался плохой привкус во рту. Ты ведешь себя так, как будто у тебя никогда не было любви, и хочешь, чтобы я тоже остался без нее. Но сейчас уже поздно, чтобы тянуть из прошлого в настоящее...» Боно не даст совета, как выбраться из-под обломков, в его голосе – та же тоска, что и в душе Андрея. Он может лишь на четыре минуты, которые длится песня, складно озвучить расколотые мысли, о которые можно обрезать. Он не предсказывает будущее, как цыганка – по ладони, и не делает археологических раскопок в прошлом. Он просто живет твоими переживаниями эти четыре минуты, которые растягиваются до вечности.

Лилька была кратка. Впрочем, она никогда не была склонна к долгим путаным объяснениям. Она и сейчас, закрывая дверь в свою старую жизнь с Андреем и открывая дверь в новую – с другим мужчиной (кажется, с блестящим коллегой на не менее блестящей иномарке, с блестящей карьерой и со счетом на ослепляющей своим сиянием голд-карте), была до невыносимого краткой. Да, ухожу. Да, разлюбила тебя. Да, люблю другого. Да, он, в отличие от тебя, – состоявшийся в жизни человек. Состоявшийся или состоятельный? Да, и состоятельный тоже. Я отдала тебе лучшие годы, а взамен не получила ни-че-го. Какая любовь? (Саркастический смех.) Ее на хлеб не намажешь. Она при пустом кошельке и вечных долгах тускнеет, как дешевая бижутерия, с нее облезает лак, она становится дешевкой. Пустышкой.

«Красивая женщина достойна красивой жизни», – слова блестящего хлыща с голд-картой, небрежно переданные Лилькой.

One love
One blood
One life

«Одна любовь, одна кровь, одна жизнь...»

А руки уверенно лежат на руле, они будто знают, что делать, они слились в единое целое с рулем, как нога – с педалью газа. Сейчас машина – это его мозг. Она и любовь, и кровь, и жизнь. Она знает, куда везти потерявшего управление собственной жизнью хозяина. Пока свет фар рассекает сумерки, есть надежда, что когда-нибудь свет рассеет тьму,

затопившую его жизнь. А пока позади – обломки. Осколки. Осколки – в душе. Осколки – в квартире, в которой он бушевал, разбивая свою боль вместе с тарелками, зеркалами, компакт-дисками и флаконом дорогущих духов, о которых мечтала Лилька и которые он хотел подарить ей сегодня на праздник. Теперь, наверное, до конца своей долгой или короткой – как карта ляжет – жизни он будет ненавидеть этот холодный аромат, ставший для него символом разбившихся отношений.

Домой возвращаться нет смысла, там ничего нет, кроме липучего аромата и хрустящей под подошвами стеклянной крошки. Андрей не придумал ничего лучше, как найти какой-нибудь бар – первый попавшийся бар – и там, за стойкой, в компании смазливой или не очень барменши или болтливой или, наоборот, молчаливого бармена скоротать время до утра. А дальше – как получится. Черт возьми, действительно, как получится...

Задумавшись, он слишком поздно заметил габаритные огни притормозившей впереди машины и слишком резко нажал на педаль тормоза, и в следующее мгновение его «жигуленок» завертело на скользкой дороге и выбросило на встречную полосу. Вспышка фар от встречной машины, истошный визг тормозов и сопровождающийся звоном битых стекол сильный удар. Боль. Темнота.

* * *

– Знаешь, а я чуть не совершил ошибку, – признался Егор, когда они после танца вернулись обратно за столик. Официант на их столе уже сменил тарелки и принес горячее – жаркое.

– Ошибку?

– Да. В тот вечер, когда мы сидели втроем у тебя – я, ты и твой друг Андрей, – я, после того, как ушел, поехал не домой, а к своей бывшей невесте. И чуть было... Понимаешь, я не люблю ее уже, да и, наверное, не любил. После расставания мы с ней больше не виделись, но когда я приехал к ней, чуть было не оступился.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – перебила его Ника. Ее лицо приняло такое серьезное и вместе с тем растерянное выражение, что Егор невольно улыбнулся.

– Зачем? Помнишь наш разговор по дороге в деревню об отношениях как о книгах? Так вот, моя «книга» уже дочитана до конца и поставлена на самую дальнюю полку, с которой я не собираюсь ее доставать. И это я понял, когда чуть было не совершил ошибку. И понял еще то, что в моих

руках – новая «книга», которую я хотел бы открыть. Я предвкушаю, что новая история захватит меня куда серьезней, чем все предыдущие. И я этого немного боюсь и беспокоюсь, а разделят ли со мной желание погрузиться в этот сюжет... Но я, по крайней мере, постараюсь сделать все возможное, чтобы девушка, которая мне нравится, поставила на полку измусоленную книгу, сюжет которой уже не переписать, ради новой, чья история может оказаться куда интересней. И, главное, серьезней.

Егор протянул руку через стол и накрыл пальцы Ники своей ладонью. Девушка покраснела и опустила глаза. Пауза затягивалась. Он ждал. Она – не знала, что ему сказать. И вот в тот момент, когда Ника собиралась ответить, что попробовала бы отложить книгу, с которой не расставалась уже столько лет, ради того, чтобы робко заглянуть в сюжет новой, ее прервал звонок телефона.

– Оля, ты? – И замолчала, слушая.

Егор с неудовольствием отметил, что лицо девушки вдруг приняло встревоженное, даже испуганное выражение.

– Что с ним? – отрывисто и громко спросила она и вновь замолчала, слушая собеседницу.

– Я скоро буду! – сказала Ника в трубку и, закончив разговор, решительно вскинула на мужчину глаза: – Егор, прости, но мне нужно срочно уйти.

– Что случилось?

Она замялась, будто не хотела ему говорить. Но после недолгой паузы выдавила:

– Звонила моя подруга, Ольга. Сестра Андрея. Сказала, что Андрей попал в аварию. Ольга в истерике, просила меня приехать.

«Она тебя просила или ты сама решила?» – чуть было не высказался Егор, но удержался от неуместной реплики, поднялся следом за девушкой и сказал:

– Я тебя отвезу.

– Спасибо, Егор. Но... лучше вызови мне такси. Пожалуйста.

И он вновь с трудом удержался от колкости. Вместо этого кротко кивнул:

– Хорошо.

XIII

Праздник не задался. Его уничтожил звонок на мобильный и незнакомый женский голос, спросивший, кем приходится Ольге Андрей Никитин. Братом? Ваш брат попал в аварию. От этого сообщения, произнесенного будничным, даже скучающим голосом, Ольга онемела. Муж, который в это время чистил для салата огурцы, увидел побледневшее лицо жены, подскочил к ней и выхватил трубку. Что он говорил, о чем спрашивал, что ему отвечали – Ольга не слышала. Опустившись на стул, она в оцепенении смотрела на противоположную стену.

– Оль, Оль, ты слышишь меня? – затормошил ее за плечо Володя, и Ольга, очнувшись, вздрогнула.

– Андрей?..

– Не переживай, ничего страшного с ним не случилось, – улыбнулся муж и похлопал Ольгу по плечу. – Помяло его маленько, но, по словам врача, нестрашно. Я сейчас поеду в ту больницу, куда его отвезли.

– Я с тобой! – рванулась за ним Ольга, но Володя вновь положил ладонь ей на плечо, заставляя сесть.

– А Дашу на кого оставим? Нет, побудь уж дома. Как я тебе сказал, ничего страшного не случилось. Я съезжу, все разужнаю, а потом вернусь за тобой.

– Я с ума сойду от переживаний! Мама знает? А Лилька? Надо им позвонить!

– Я позвоню, – пообещал Володя и пошел одеваться. А Ольга схватилась за телефон – звонить Нике. Пусть хоть подруга придет, побудет с ней. Вдвоем дожидаться вестей не так страшно.

Но как только Володя вышел за порог, мобильный Ольги вновь ожил, и на этот раз позвонил ей сам Андрей. Он торопился успокоить сестру. Сказал, что ничего страшного с ним не случилось, так, пара ссадин и шишка на лбу. В госпитализации нет никакой необходимости, и он уже едет к сестре домой.

Обрадованная Ольга набрала номер мужа и попросила его вернуться домой. Следом за Володей приехала Ника, а потом уже и Андрей.

Но не успела Ольга с облегчением вздохнуть оттого, что страшное известие оказалось не таким уж страшным, как брат вывалил другие нехорошие новости. Он разводится. Почему? Их браку пришел конец, Лилька ушла к другому, а он не собирается ее возвращать.

– Прости, сестренка. Я испортил тебе вечер, – повинился Андрей. Но Ольга, улыбнувшись сквозь слезы, сказала, что Лилька ей никогда не нравилась.

– Новости новостями, а праздник – праздником, – вклинился Володя. – Девушки, давайте-ка за стол. Пусть настроение у нас теперь и не совсем праздничное, но исправить его еще не поздно.

Андрей за столом изо всех сил бодрился, и Ника, поглядывая на него, понимала, что делает он это, скорее всего, ради сестры, чтобы окончательно не испортить ей праздник; когда же Ольга отлучилась в детскую комнату, Андрей выложил и последнюю новость:

– Не хотел говорить при сестре... Но я уезжаю. Меня повышают и переводят служить в другую часть. К сожалению, далеко. У меня есть возможность отказаться, и я, если честно, думал отказаться от этого довольно выгодного предложения: Лилька бы не поехала туда, куда меня переводят. Но так как все у нас сложилось, как сложилось, я приму это предложение. Мне надо расти, делать карьеру.

Володя пробормотал, что подобная новость будет ударом для Ольги, но одобрительно хлопнул Андрея по плечу, а Ника молча встала и, под предлогом того, что нужно сменить тарелки, собрала со стола грязную посуду и вышла на кухню.

Ее душили слезы. Но следом за ней на кухню вошла Ольга, и Нике ничего не оставалось, как натянуто улыбнуться.

Объявление Андрея о переводе подвело черту под вечером, протекавшим так здорово, так счастливо до того самого звонка от подруги. Вечер контрастов, аттракцион «Американские горки» – вверх-вниз, аж дух захватило. Ну почему, почему повернулось именно так? Пусть он никогда не будет ее – с этим Ника уже давно смирилась, но зачем уезжать? Так далеко, надолго? Ах да, карьера. Ах да, разрушенная семейная жизнь. Этот отъезд – словно побег.

Во время ужина Ника изо всех сил старалась демонстрировать хорошее настроение, даже пару раз удачно пошутила, но несколько раз поймала на себе короткие взгляды Андрея, такие красноречивые, словно он понял ее истинное состояние.

Нике хотелось домой, чтобы в одиночестве, без помех выплакать свою печаль, но Ольга категорично заявила, что и Ника, и Андрей останутся ночевать. И ей ничего не оставалось, как смириться.

Когда Ольга внесла в комнату торт, Нике позвонил Егор. Девушка извинилась, вышла из-за стола и уединилась на кухне для разговора.

– Как там у вас дела? – спросил Егор скорее из вежливости, чем из

интереса.

– Нормально, – вяло ответила девушка. Помолчав, добавила, что Андрей почти не пострадал, хоть машину и разбил «в хлам», и что они сейчас все сидят в гостях у его сестры и, скорее всего, останутся с ночевкой.

– Жена его тоже с вами?

Ника несколько удивилась вопросу, но ответила, что Лилька не с ними. И, скорее всего, больше не будет с ними, потому что Андрей собирается подавать на развод.

В трубке повисла долгая пауза, тяжелая и вязкая. Егор молчал, Ника – тоже, мысленно коря себя за длинный язык. Что сказать Егору, она не знала. Поблагодарить за прекрасный вечер и попрощаться? Как-то неуместно, прозвучит издевательски. На ум приходили лишь оправдания, которые в этой ситуации оказались бы еще хуже благодарности.

– Ну что ж, – произнес, наконец, Егор. – Желаю тебе удачи. Похоже, ты дождалась того, что сюжет «книги» перепишут под твои желания.

– Егор!..

– Не надо, Ника, – пресек он на корню ее оправдания. – Я сказал, что искренне желаю тебе удачи. И... будь осторожна.

И прежде чем Ника успела спросить, что он имел в виду под последней фразой – Андрея или их недавнее «расследование», Егор оборвал разговор. В трубке раздались короткие и частые, как звук разбивающихся о подоконник дождевых капель, гудки. Ника еще какое-то время отрешенно смотрела на телефон, чувствуя себя еще хуже, чем до разговора с Егором. Теперь к ошеломлению, вызванному сообщением Андрея, добавилось тоскливое чувство, что она сделала что-то не так. Что вот сейчас сама, своими руками, разрушила нечто хрупкое и драгоценное.

– Не помешали? Мы за чашками и чайником, – объявила Ольга, входя на кухню. Следом за ней вошел Андрей. – Торт уже нарезан. Идешь?

– Иду, – вяло отозвалась Ника.

Ее упавшее настроение не скрылось от Ольги:

– Что-то случилось?

– Нет.

– Случилось, – уверенно произнесла подруга. – Кто тебе звонил?

– Один мой знакомый... Егор.

– Это с ним ты сегодня ужинала? – обрадовалась Ольга, а Андрей приподнял одну бровь, демонстрируя и удивление, и заинтересованность.

– Да, – врать и изворачиваться было бессмысленно. – Мы с ним были в ресторане. До твоего звонка...

– Я испортила тебе свидание, – огорчилась подруга и беспомощно оглянулась на брата.

– Если кто и испортил ей свидание, так это я, – высказался Андрей.

– Ничего вы мне не испортили, – сердито буркнула Ника и, меняя тему, звенящим от напряжения голосом сказала: – Я вам помогу. Какие чашки брать?

Ольга показала нужные чашки и сама, захватив чайник, вышла с кухни. Ника на короткое мгновение осталась с Андреем наедине.

– Знаешь, мне кажется, Егор – неплохой парень, – задумчиво, но с каким-то сожалением произнес он. И совсем уж не к месту добавил: – Будь счастлива.

– Да что ты в этом понимаешь?! – взорвалась Ника. Но, оборвав себя на полуслове, ушла из кухни.

Во время чаепития она молчала, несмотря на тревожные взгляды Ольги и виноватые – Андрея, несмотря на все попытки Володи развеселить ее.

Уснуть этой ночью Ника не смогла, запутавшись в своих мыслях, как в паутине. Она потягивала воспоминания, как черный кофе, обжигаясь, но и согреваясь, морщась от горечи, но и упиваясь ароматом. Или словно бережно пролистывала старый фотоальбом с пожелтевшими страницами, с тем чтобы потом положить его в сундук, а ключ – схоронить. Она понимала, что переворачивает «страницы» в последний раз, что, как бы ей ни хотелось когда-то, старую историю уже не перепишешь. И только сейчас она поняла, почему так не желала расставаться с любимившейся «книгой»: ей не хватало последней «страницы». И вот сегодня она нашла ту самую страницу, выпавшую из разошедшегося переплета и затерявшуюся среди бумаг. Такой финал... Он уезжает, она – остается. Он разводится, но она уже открыла другую книгу и втянулась в новый сюжет. Ей всего лишь не хватало последней страницы, чтобы окончательно расстаться с этим потертым томиком.

И все же ей было больно. Пусто и неудобно, как после большой, еще до конца не осознанной потери.

В другой комнате большой Ольгиной квартиры спал Андрей. И спал ли? Ника с трудом удержалась от порыва выйти на кухню. Может быть, привлеченный светом, Андрей вышел бы к ней и согласился в ее компании выпить чаю. И они бы так сидели до утра, вдвоем, думая каждый о своем, а может быть, об одном и том же, и, как знать, может, потеряв бдительность под покровом ночи, расслабленные ее интимностью, делились бы друг с другом самым сокровенным. Он бы рассказывал ей о своей рухнувшей

семейной жизни, она – о превратившейся в тлен старой любви. И в эту ночь они стали бы друг другу ближе даже чем утолившие любовный голод новобрачные. Они бы сроднились не телами – этими смертными оболочками, а бессмертными душами.

Но Ника не сделала этого, в душе понимая, что поступает правильно. Все. Точка точкой.

Она сидела на кровати, обхватив ноги руками, уткнувшись подбородком в острые коленки, и в приглушенном свете ночника рассматривала прикрепленные к стене детские рисунки. Ольга, уговорив Нику остаться с ночевкой, уложила дочь в своей спальне, а Нику устроила в детской.

Разглядывая рисунки, девушка подумала, что у Даши, пожалуй, есть способности к рисованию. На Ольгином месте она бы отвела девочку в детскую художественную студию. Для своего возраста Даша рисовала очень хорошо: не бессмысленные каракули, а вполне узнаваемые объекты. Вон, например, в том рисунке безошибочно угадывается цветок, похожий на ромашку. А вон в том человечке Даша изобразила, похоже, маму. А чего стоит эта смешная кошка! И не важно, что лап у нее на одну больше, чем требуется (или это хвост?), и раскрашена она, как светофор. Все равно понятно, что это – кошка, а не горшок, не автомобиль, не домик.

Ника встала с кровати и подошла к стене, чтобы лучше рассмотреть Дашины художества, но, потянувшись к выключателю, неловко задела один из рисунков, со светофорной кошкой. Листок, непрочный прикрепленный скотчем, сорвался со стены и упал на пол.

– Как всегда, неловкая, – пробормотала девушка, наклоняясь за листком, но, увидев напечатанный на обороте текст, удивленно ахнула и села прямо на пол. Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что на оборотной стороне листа, на котором Даша намалевала кошку, был фрагмент Эдичкиной рукописи. Ника припомнила, что последний эпизод обрывался на том, что юноша, так и не встретив своей Плясуньи, шел из деревни по безлюдной и тихой улице.

«...Когда он уже выходил из деревни, тишину нарушил протяжный вой деревенской собаки, и через мгновение к одинокому вою присоединился «хор» других тоскливых завываний. «Не к добру», – подумал юноша и невольно поежился. Ему захотелось прибавить шагу и даже перейти на бег, но он одернул себя: старик учил его не поддаваться людским суевериям. Его жизни ничто не угрожает, значит, страху не может быть места. «Полнолуние», – определил юноша причину собачьего воя и

вспомнил о том, как старик однажды сказал ему, что некоторые травы стоит собирать при полной луне, ибо именно тогда полностью раскрывается их целебная сила. Подумав об этом, он изменил свое решение возвращаться домой и свернул с дороги, ведущей к полю, на узкую тропку, уводящую к лесу.

Его путь проходил мимо деревенского сеновала. Уже почти пройдя мимо, он услышал доносившиеся из-за забора голоса. Один из голосов был мужским, а второй – девичьим. И сердце юноши вдруг зашлось в суматошной пляске, когда услышал он женский голос. То был голос Плясуны – он столько раз слышал его наяву и во сне, что не мог ошибиться.

Мужской голос убеждал в чем-то девушку, а она, смущенно хихикая, не соглашалась. В какой-то момент парень заговорил почти в полный голос:

– Да кто узнает?

Юноша, рискуя быть замеченным, потихоньку двинулся вдоль забора, нащупывая руками калитку или проем. К тому времени, как он нашел калитку, парочка уже перестала спорить, и до слуха юноши донеслись звуки, происхождение которых он не сразу понял. В первое мгновение он лишь брезгливо поморщился: звуки поцелуев ему не понравились, они раздражали своей некрасивостью. Но раздражение запоздало сменилось другим чувством – острым, как лезвие ножа, о которое он недавно обрезался. «Это – мое! Не тронь!» Новое чувство чуть не заставило его выбежать из укрытия и броситься на парня с кулаками. Он даже уже вошел в калитку, но в это мгновение парень и девушка поднялись. Скрипнула дверь сеновала, и парочка скрылась за нею. А юноша так и остался стоять возле калитки, тяжело дыша и сжимая кулаки. Он почти догадался, что должно происходить сейчас в темноте сеновала, и от этих догадок в груди болело и горело так, будто сердце разорвалось и кипящая кровь хлестала прямо в полость груди. Эта боль оказалась настолько сильной и неожиданной, что юноша был не в силах справиться с нею. Она оказалась сильнее боли от ожогов, порезов, ударов. Юноша вытер краем рукава злые слезы и побрел прочь...

Он брел к лесу по залитой лунным светом дороге, под собачий вой, который все усиливался, и думал о том, что никогда не вернется в эту деревню.

Он прошел так, в тоскливых мыслях, почти середину пути до опушки и остановился. Нет, так нельзя! Он не должен убегать, сдавшись без боя. Кем бы ни был этот самозванец, который посягнул на самое дорогое и

святое, что у него было, – его Плясунью и его чувства к ней, он должен получить по заслугам.

Юноша с вызовом посмотрел на луну, которая, казалось, насмехалась, наблюдая с черного небосвода за его страданиями, и решительно повернул назад.

Он бегом бросился назад, надеясь помешать уединившейся на сеновале парочке еще до того, как случится то, о чем юноша не мог думать без стыда и гнева. В считанные мгновения он достиг забора, вошел в калитку и, ни капли не колеблясь, отворил тяжелую скрипучую дверь.

– Эй, ты! – закричал он гневно. И осекся.

Помещение было тускло освещено одинокой свечой, и в этом слабом свете юноша увидел девушку и парня. Но, несмотря на то, что оба были раздеты, несмотря на то, что их тела тесно переплетались в объятиях, и несмотря на то, что незнакомец жадно припал ртом к губам девушки, что-то было не так. Не пахло здесь любовью, и воздух не был нагрет постыдными желаниями, а казался холодным и застывшим, будто студень. И девушка в объятиях своего любовника не извивалась от страсти, а лежала покорно, обмякнув, будто тряпичная кукла. Юноше невольно вспомнились рассказы о погибших девушках. Настасья Старостина, которая так и не вышла замуж за своего анемичного городского жениха, потому что нашли ее незадолго до свадьбы раздетую, с седыми висками...

– Убийца! Ты – убийца! – закричал юноша.

Незнакомец оторвался от своей жертвы и обернулся. И на мгновение юноша увидел хищный оскал и огонь в глазах. Мгновение, такое короткое, что породило сомнения, действительно ли мелькнул дьявольский облик или это неровный свет так исказил черты? Но даже если бы сам дьявол оказался перед ним, юноша не испытал бы такого ужаса, как сейчас, узнав, что незнакомцем, убивающим девушек, был его Учитель, старик...»

Ника закончила читать и, задумчиво покусывая губы, еще раз пробежалась взглядом по прочитанному тексту. Ей бы сложить все фрагменты рукописи вместе, чтобы хорошо подумать. Разгадка была где-то близко, совсем близко, но пока не желала приобретать четкие очертания. Мысли расплывались, как бензиновые пятна на поверхности воды, и невозможно было собрать их в горсть.

Этот отрывок породил больше вопросов, чем дал ответов. До его прочтения Ника думала, что Эдуард пытался намекнуть ей, что все дело в свече или ее составе – из трав, дым от которых был ядовитым. Но анализ не

показал ничего опасного. Ника, не поверив, испытала на себе действие злополучной свечи, и ничего не произошло. Значит, дело не в ней?

Или все же в ней, раз и в последнем эпизоде вскользь, но упоминается свеча? А может, она зря уцепилась за эту несчастную свечу, которая, похоже, вовсе ни при чем? Как мог бы поступить дальше юноша, узнав, что убийцей девушек является старик? И что одной из тех, на кого он посягнул, оказалась Плясунья? Оставил бы старика без наказания лишь потому, что до этого момента боготворил, уважал и по-своему любил, как своего спасителя и учителя? Или, преступив через эти чувства, покарал бы его за убитых девушек? И как? Убил бы или как-то изощренно отомстил? Неизвестно, тем более что Плясунья, кажется, осталась жива. Не потому ли спасал ее юноша от смерти, что пострадала она от нападения старца? Кстати, как именно старик убивал несчастных, Эдичка не описал, и здесь можно было дать волю фантазии, придумывая способы от реалистических до самых фантастических. Только вот какой из них окажется верным?

Так, так, нужно думать... С Егором бы посоветоваться. Ника уже было потянулась к сумочке за мобильником, но вспомнила, что с Егором они как бы находятся в размолвке. Он на нее обиделся, а она на него рассердилась. При воспоминании об этой ссоре девушке стало очень грустно и даже физически плохо. Нет, не надо об этом думать, не надо, эти мысли отвлекают от размышлений, отдаляют разгадку.

Но, подумав о Егоре, Ника вспомнила его совет поразмышлять над тем, что могло быть общего между Эдичкой, Стасом и ней самой. Что-то, что их в какой-то момент уравнивало, подводило под общий знаменатель. Ну, со Стасом и Эдичкой кое-что понятно: смерть. Смерть якобы от сердечной недостаточности, застывший ужас на лицах. Но она-то тут при чем? Она жива и здорова, если не брать во внимание того, что, когда в квартире отключили свет, испытала неоправданный, но такой сильный страх, что чуть не умерла от него. Или как раз этот момент и является важным?

Если так, то что произошло в тот вечер, когда она испытала тот ужас? Вначале были похороны Стаса, потом – поминки, потом – разговор с Лерочкой, оставивший очень сложный осадок грусти и скорби – не только по Стасу и Эдичке, но и по несчастной, невзаимной любви.

Кстати, вот что могло объединять ее с Эдичкой: неразделенные чувства. Она любила Андрея, Эдуард любил ее и, конечно, страдал так же, как она. А Стас?.. Страдал ли Стас? У Шатрова, в отличие от Эдички, была и жена, и любовница, но и наличие сразу двух женщин не делало Стаса счастливым. Нике вспомнилось, что Шатров поссорился с Лерой и заметно

переживал по этому поводу.

Ее будто обдало жаром. Ника вскочила на ноги и заметалась по комнате. Ей нужно срочно уйти! Прямо сейчас! Она сунула лист с рисунком светофорной кошки на одной стороне и отрывком из Эдичкиной рукописи на другой в свою сумочку, наскоро нацарапала карандашом записку на другом снятом со стены рисунке (да простит ее ребенок за то, что она так распорядилась его произведением и без спроса присвоила шедевр «Светофорная кошка»), сняла длинную футболку, выданную ей в качестве ночной сорочки, облачилась в свое вечернее платье и тенью выскользнула в коридор. Хоть бы никто ее не заметил. Хоть бы никто... Так и получилось.

Выйдя из квартиры, Ника набрала на мобильном номер службы такси и приготовилась ждать машину в тепле подъезда.

* * *

Егор, хоть и злился на Нику, чувствовал неясную тревогу за девушку. Интуиция его болела, как застарелая язва, не давая уснуть. Егор встал с постели, вышел на просторную кухню и включил чайник. Но тут же его и выключил, решив, что заглушать беспокойство лучше чем-нибудь покрепче. Он достал из холодильника бутылку водки, нарезал тонкими кружочками лимон, разломал на неаккуратные, но от этого еще более аппетитные куски плитку шоколада и плеснул себе в рюмку сто граммов.

Водка теплом разлилась по телу, но тревогу не растворила. Егор опрокинул еще стопку, затем решительно поставил бутылку в холодильник, прошел по длинному коридору до комнаты, в которой спала сестра, и открыл дверь.

Узкая полоса света просочилась из коридора в приоткрытую дверь и упала на Лерино лицо. Девушка тихо что-то промычала во сне, но не проснулась.

– Спи, спи, не буду тебя беспокоить, – пробормотал Егор и вышел. За сестру душа больше не ныла, а вот за Нику – да. И тревога эта не утихала, а, наоборот, нарастала.

Он вернулся в свою спальню и, поколебавшись, взял мобильный телефон. Полчетвертого ночи, Ника наверняка спит, а тут он со своей паранойей. Но лучше уж разбудить ее и успокоиться, чем до утра хлебать бессонницу пополам с тревогой.

Он набрал номер девушки и долго слушал длинные гудки. Не отвечает.

Наверное, действительно спит. Не ехать же к ней домой, в самом деле! Тем более что она ночует у подруги.

Да, и с этим Андреем в одной квартире. Черт...

Но причина беспокойства была отнюдь не в Андрее. Вспомнив вечер в ресторане и их с Никой разговор, Егор почти физически ощутил, как тревога холодом прошлась по спине, вызвав озноб. Ох, не натворила бы эта девчонка чего ужасного. Хватило же у нее ума (вернее, не хватило!) поставить самостоятельный «эксперимент» со свечой! Благо ее предположения о том, что свеча ядовита, оказались неверны. А если бы она не ошиблась? Даже страшно подумать, что могло бы произойти. Вот глупая...

Егор не на шутку рассердился на Нику и заодно – на себя за то, что бросил ее одну, за то, что все еще сидит дома и старается заглушить тревогу водкой. Ему надо к ней бежать! Лучше перестраховаться и покараулить ее возле подъезда, чем сидеть и строить догадки до утра.

Он натянул джинсы, свитер, проверил в кармане ключи от машины, но не успел выйти за дверь, как раздался зуммер домофона. Растерянный охранник сообщил, что к Егору ломится какой-то дед.

– Мы его не пускаем, но он упирает на то, что у него для вас есть срочное и важное сообщение. Гнать его, Егор Станиславович? – попростецки спросил охранник.

– Я сейчас к вам спущусь и сам разберусь, – отрезал Егор.

Когда он, спустившись к охранному пункту, увидел непрошеного гостя, то невольно выдохнул:

– Это... вы?

Старик почтительно ему поклонился и, кивнув на охранников, усмехнулся в густую бороду:

– Понимаю я, работа у них такая. Но мне с вами поговорить надо. Срочно.

– Пойдемте, – пригласил Егор, кивнув в сторону лифта. – Поднимемся ко мне и там поговорим.

* * *

Ника расплатилась с таксистом и побежала к своему подъезду. За тот короткий путь, что пришлось проделать от машины к дому, она успела замерзнуть: на ногах у нее были легкие туфельки и тонкие колготки. Собираясь в ресторан, она не думала, что вечер обернется такими

приключениями.

Не простыть бы. С мыслью о том, что первым делом стоит выпить горячего чаю с медом, она открыла подъездную дверь, поднялась на свой этаж и... нос к носу столкнулась с молодым человеком.

– Здравствуйте, – от неожиданности поздоровалась она.

– Здравствуйте, – с лучезарной улыбкой ответил он, по-свойски подпирая спиной дверь ее квартиры. – А я вас жду, Ника.

Она молча рассматривала его, этого знакомого незнакомца, которого уже видела однажды: на кладбище, на похоронах Стаса. Длинные волосы на этот раз были забраны сзади в «хвост», но лед в прозрачных глазах не растаял, хоть и улыбался этот мужчина улыбкой рекламного красавца.

– Зачем? – спросила она, осторожно отступая назад к лестнице.

Молодой человек лениво отлепился от двери и сделал шаг по направлению к девушке.

– У вас находится то, что вы случайно прихватили из заброшенного дома. Эта вещь принадлежит мне.

– Свеча? – вырвалось у Ники, и она тут же торопливо добавила: – Но у меня ее нет! То есть уже нет. Понимаете, не так давно в нашем районе отключили электричество, я осталась без света, а других свечей, кроме той, что я случайно захватила, не оказалось. И... И я ее спалила. Всю, до основания.

Она честными глазами посмотрела на незнакомца, но тот неожиданно расхохотался.

– Не могли вы этого сделать, Ника! Не могли. Эту свечу так просто не спалить до основания. Отдайте ее мне, и, обещаю, больше я вас никогда не потревожу.

– Что это за свеча? – с вызовом спросила девушка. – Что за секрет в ней заключается? Почему она убила Стаса? И...

– Вы неосторожны, – переходя на шепот, оборвал ее незнакомец. – Так опрометчиво задаете такие вопросы. К счастью, свеча не представляет никакой ценности. Для вас не представляет. И к смерти вашего коллеги не имеет отношения. Дайте ее мне.

Ника колебалась. Свеча лежала в ее сумочке. Ей ничего не стоило дернуть «молнию» и отдать незнакомцу то, что он просил. Так бы и следовало поступить. Но Ника колебалась, терзаясь дилеммой: отдать свечу и попытаться забыть эту историю или... Сумасшедшее и опрометчивое решение, – Егор, узнай он о нем, вновь обозвал бы Нику неосторожной, безмозглой и еще как-нибудь похлеще, – но ей так трудно было смириться с мыслью, что она никогда не узнает разгадки! – тем более что уже настолько

приблизилась к ней.

– Я вам отдам свечу, но при условии, что вы мне расскажете все, что с ней связано.

Молодой человек сделал вид, что колеблется. Затем тряхнул головой, будто отметая все сомнения, и протянул девушке руку:

– Идет! Впрочем, боюсь, история вас разочарует. Она не такая захватывающая, как вам кажется.

– Неважно! – решительно ответила девушка. – Я знаю одно кафе, которое располагается неподалеку и открыто круглосуточно, даже в праздники. Мы могли бы побеседовать там.

– А свеча? – напомнил молодой человек.

– Она у меня с собой. Но вы ее получите лишь после того, как расскажете мне все.

– Хорошо, идем, – кивнул мужчина. И двинулся следом за Никой.

XIV

Он стоял в начертанном на земляном полу круге, воздев руки к дощатому потолку, и, представляя себе Мишель, мысленно твердил: «Все получится, все получится...» Дым от тлеющих сухих трав наполнял помещение, и от него слегка слезились глаза и щипало ноздри. Этот дым вызывал ассоциации с одним счастливым октябрьским днем позапрошлого года, когда они с Мишель забрались на чью-то дачу и жгли костер прямо посреди грядок. И плели из золотых кленовых листьев венки, напоминающие короны, и потом, водрузив их на головы друг друга, скакали вокруг костра и пели песни без слов. И смеялись – беззаботно, заливисто, искренне – так, как могут смеяться только счастливые дети. А потом жарили сосиски, нанизав их на ветки, и пекли в углях картошку; и ели эти обугленные сосиски между поцелуями; и катали в ладонях обжигающую картошку, пытаясь очистить ее от горелой кожуры, смешно пачкались золой и опять целовались.

А потом они забрались в дом, в котором уютно пахло грибами, маринованными огурцами и мятой, сухие пучки которой были развешаны под потолком, и до утра ненасытно ласкали друг друга на старом узком диване с продавленной серединой. Уснули они лишь под утро, скатившись оба в эту середину и тесно прижавшись друг к другу. От волос Мишель горько пахло дымом и кленовыми листьями, и Родион все боролся с вязким сном, чтобы подольше насладиться этим запахом...

...От травяного дыма расплывалось сознание и обволакивало сном. Мысли и эмоции будто кто-то бережно, словно новогодние игрушки, заворачивал в вату и складывал в картонную коробку. Страшно не было, было, наоборот, безмятежно. Так покойно на душе у него уже давно не было. Он не боялся умереть, он знал, как себя защитить. И вспоминал все самые лучшие, самые светлые моменты в своей жизни. Мишель. Мишель – имя этим моментам, а других у него не было.

– Я спасу тебя, моя девочка, мой ангел, моя богиня, – шептал он, запрокидывая лицо к дощатому потолку и воздевая вверх руки. – Спасу.

Отец отказался ему помочь, сославшись на то, что мертвую душу Мишель уже не воскресить. Он ошибся. Мишель не мертва, она лишь истощена энергетически и эмоционально. Ее эмоции впитали картины, которые она написала. Тот цикл, над которым она так долго работала, вышел гениальным, это отметили даже критики. Казалось бы, успех

должен был окрылить Мишель, но она, напротив, погрузилась в глубокую депрессию. Работая, она вычерпала себя до дна, вложила в краски и холсты все свои силы. «Я никогда не смогу это повторить», – как-то с грустью ответила Мишель на восторженные охи и ахи своего учителя, сухого и скупого на похвалу. И оказалась права. После того успеха она не разбралась за кисти, пытаясь сотворить что-то подобное или совершенно новое, но картины выходили мертвыми, как хворост. Депрессию и пустоту Мишель «лечила» наркотиками, которыми раньше лишь баловалась от случая к случаю, а теперь зависела от них сильнее, чем от воздуха и пищи. Приступы вдохновения случались, но потом, отойдя от наркотического экстаза, Мишель в припадке отчаяния полосовала свои картины ножом. Один раз полоснула вены – неудачно, но следующий раз мог стать для нее роковым.

Родион обращался к специалистам, как ему советовал старик, но те лишь снимали ломки Мишель и не могли избавить ее от зависимости. Как не могли и напитать ее новыми силами, дать ей желание жить. Родион просил отца, чтобы он наполнил Мишель, как дождь – пересохший ручей, новыми силами. Как уже сделал однажды. Но старик сослался на то, что сам лишен своей чудесной силы, а использовать источник отказался наотрез и тем самым не оставил Родиону выбора.

Теорию он знал, а практиковать пришлось впервые, но Родион был уверен, что все у него получится, иначе и быть не может: старался он ради Мишель, а любовь его к ней послужит нужным щитом.

О другой девушке, распростертой на ледяном полу, он не беспокоился. Девица сама пошла в расставленные силки, как доверчивая и любопытная куропатка. Ну что ж, тем самым себя погубила. Сбежала одна жертва, пришлось искать другую. Раз отец его так подвел... Ну ничего, с отцом он еще расквитается – отомстит, и даже знает как, – но только лишь после того, как спасет Мишель.

Звонок мобильного прозвучал очень не вовремя. Родион поморщился от собственной рассеянности: ну как же он не отключил звук! Но все же выудил из кармана вибрирующий аппарат.

– Алло? – И замолчал, слушая.

Лицо его меняло выражения быстро, как слайды: удивление, недоверие, гнев, отчаяние, отрешение.

– Мишель, – простонал он, отшвыривая телефон в сторону. И закричал: – Ми-ише-ель!

Ника лежала на земляном полу, широко раскинув руки, словно желая кого-то обнять. Запах трав щекотал ноздри и вызывал воспоминания о летнем пикнике на Ольгиной даче в раскаленном солнцем июле. Скошенная трава на лужайке; раскидистые ветви старой яблони, отбрасывающие сочную прохладную тень; вкусная колодезная вода – такая холодная, что от нее ломило зубы; сладкие ароматные пятна на ладонях, оставшиеся после сочных ягод малины; ленивые разговоры и такие же ленивые мечты и надежды.

Здесь, где она находилась сейчас, уже не было места ни мечтам, ни надеждам. Тоска – занудная, скулящая – накатывала волнами. Андрей уезжает... С Егором вышла размолвка. А она сама – неудачница...

Затылок внезапно занемел, как будто на него наложили ледяные ладони. Ника хотела повернуть голову, чтобы устроить ее поудобнее, но не смогла. Она лишь могла лежать навзничь на холодном полу, широко раскинув руки, и молча смотреть на бледную и кособокую тень на противоположной стене, падающую от одинокой свечи.

Пламя дрогнуло, будто от легкого сквозняка, но не погасло, а, наоборот, разгорелось ярче. В его свете тень на стене принялась извиваться, плавиться, меняться. Она то сжималась до размеров воробья, то разрасталась до человеческих размеров и приобретала все более четкие очертания, пока не превратилась в силуэт бородатого и сгорбленного старика.

Откуда взялась здесь эта тень? Ника была уверена, что в помещении никакого старика не было. Накативший на девушку страх парализовал ее и лишил голоса. Она даже дышала с трудом: легкие, как и все органы, наполнялись теперь не кислородом, а ужасом, разносимым по телу отравленной кровью.

Вдруг тень старика сошла со стены и распалась на множество других, более мелких, закружившихся вокруг Ники в безумном хороводе. Здесь были тени и стариков, и старух, и молодых парней, и бородатых мужиков, и простоволосых баб, и детей. Они кружились и кружились вокруг нее, и пели заунывную, так не вяжущуюся с их пляской песню, слова которой разобрать было нельзя. Тени сужали круг, почти приближаясь к Нике вплотную, и тогда они сливались в одну черную массу, и вновь отдалялись, рассыпаясь на разные фигуры. Они напоминали карты, которые невидимая рука то собирала в колоду, то вновь раскладывала по мастям.

Откуда-то издалека, словно из другого мира, еле различимо доносилась тонкая электронная музыка, что-то напоминающая, чем-то знакомая и вызвавшая в душе крошечное тепло, будто именно этого звука Ника очень ждала и наконец-то дождалась, пусть и поздно. И тени немного отступили от нее. Но едва смолкла мелодия – Ника вновь впала в отчаяние, и тени снова приблизились к ней.

* * *

Он не успел.

Может, ему не хватило одного дня, а может, и часа. Но как бы там ни было, он не успел. Мишель больше нет, и мир в то мгновение, когда ему сообщили о ее смерти, вызванной передозировкой, не разбился на осколки, а стерся в пыль. Ее больше нет, он не успел ее спасти, как ни старался.

Если бы отец помог ему. Если бы журналистка не прихватила случайно свечу. Если бы не сбежала та девица, кукла Барби. Если бы он заманил журналистку в ловушку немного раньше, хотя бы на час раньше. Он мог бы успеть. Но он не успел.

Родион шел по дороге навстречу фарам машин и думал о том, что в той темноте, которая обрушилась на его жизнь, больше не будет светлых вспышек. Жизнь без солнца – это не жизнь.

Он шел по дороге, бросив вызов конусам желтого света от фар, подзадоривая их, играя с ними в русскую рулетку, надеясь найти в них избавление от той жизни, которая враз стала не жизнью, а... Даже не адом. Черной комнатой без света, воздуха, звуков. Вакуумом. Он, широко раскинув руки, шел в объятия смерти, но проклятая старуха его будто игнорировала, насмехалась, играла в кошки-мышки. Даже тут ему не везло. Машины вовремя замечали его и, сердито сигналя, объезжали. Он словно вдруг сделался неуязвимым. Черт знает что... Невидимая броня, щит, колпак. Похоже на проклятие.

Шел дождь, мелкий и частый, будто просеянный сквозь сито. Капли дождя смешивались на его лице со слезами и брызгами грязи от проезжающих машин, стекали по шее за воротник. Но Родион не замечал этого.

Ему не жалко было журналистку, которую он оставил умирать в строительном вагончике на заброшенной стройке. Она сама виновата – слишком доверчива, глупа и любопытна. Купилась на обещание рассказать ей сказку, пошла за ним, как крыса за дудочкой. Профессиональный

интерес пересилил осторожность. Ну и поделом ей. Он никогда не любил журналистов. Эпатаж, сенсации, «горячие темы» – вранье, но ради пары строчек вранья они готовы поплатиться жизнью. Родион не понимал такой фанатичной преданности делу. Не понимал, но, однако же, дважды сыграл на этом. Даже трижды, если учесть и того несчастного писаку-графомана.

На любопытство журналистки он и рассчитывал, когда отправил ей пакет с кусками бездарной рукописи ее дружка. Кинул наживку, надеясь втянуть журналистку в игру, а дальше – дело техники, экспромт. Конечно, он пытался получить свечу и без таких «реверансов»: подговорил знакомого с криминальным прошлым украсть у журналистки сумку, чтобы потом сделать ключ и беспрепятственно проникнуть в квартиру. Но, увы, задумка не удалась.

Сегодня он пошел ва-банк. В открытую явился к девице и потребовал свечу. Опять сыграл на ее любопытстве – и как удачно! Журналистка сама сунула голову в мышеловку, даже без сыра, лишь учуяв его запах. До ближайшего кафе они добирались, почти как загулявшая романтическая парочка. А дальше... Дальше дело техники. Кофе, немного «порошка» в ее чашку – и вот он уже выводит из кафе послушную и мало что соображающую девицу и провожает ее до стройки. Если они и попались кому на глаза, то вряд ли можно было заподозрить что-то неладное: кавалер провожает свою перебравшую подружку, только и всего.

Только и всего.

Но удача в последний момент отвернулась от него – кажется, так пишут в романах?

Мишель, Мишель... Ей бы подождать час, хотя бы час!

Поделом ей, журналистке. Свое любопытство она теперь удовлетворит сполна.

Родион засмеялся и, вскинув голову и раскинув руки, шагнул навстречу осветившим его желтым конусам света.

«Мишель, я иду к тебе!»

Удар он принял с улыбкой. Потому что из желтого света, разрезавшего темноту, ему протягивала руку Мишель.

* * *

Тени уже не плясали. Они слились в единую тень, принявшую вновь силуэт старика. И нельзя было сказать, был ли этот силуэт просто тенью, шагнувшей со стены. Это было *нечто* материальное, хоть и бесплотное, как

дым.

Тень старика шагнула к девушке и, нависнув над ней, коснулась бестелесными, но холодными, как могильная земля, ладонями. Не тела, а души. Она приблизила к лицу девушки серые губы, словно намереваясь поцеловать ее. И на Нику повеяло запахом сырой земли и тлена. От холода и ужаса она совсем заоченела, но по-прежнему не могла ни пошевелиться, ни закричать.

А холодные ладони продолжали с вожделием трогать ее, но теперь гладили тело, волосы, лицо. И будто ледяной ветер облизывал те участки кожи, к которым они прикасались. Ника замерзала, и если ей не суждено было умереть от ужаса, то от холода – точно.

Но в тот момент, когда тень собралась коснуться губ девушки и оставить на них смертельный поцелуй, по избе волной прошелся ветер, от которого пламя задрожало и, вспыхнув напоследок секундным костерком, погасло.

– Не-ет... – раздалось тихое и короткое шипение, будто в холодную воду бросили раскаленный гвоздь.

– Ишь, ирод, что удумал! – всплеснула руками невесть откуда взявшаяся бабка. Вглядевшись, Ника узнала и перевязанный крест-накрест пуховым платком полушубок, и сморщенное, как печеное яблоко, лицо, и тонкие губы, и родимое пятно размером с пятак на левой щеке. Старушка с кладбища, которую она видела на похоронах Стаса. Как она здесь оказалась? Но как бы там ни было, появилась она очень вовремя. Сильный сквозняк, сопроводивший ее появление, загасил свечу и тем самым заставил тень убраться.

– Дочка, жива хоть или таки уморил он тебя?

Ника по-прежнему не могла вымолвить ни слова, лишь во все глаза смотрела на старушку, в выцветших глазах которой гнев на старика-тень сменился искренним беспокойством.

– Меня Акулиной зовут... Дочка, дочка, слышишь али как? – настойчиво вопрошала бабка, нависая над Никой. – Глупости удумала. Глупости!

Старушка торопливо протянула к девушке сухую ладошку и ласково коснулась ее груди – там, где должно было биться сердце. Ладонь у нее оказалась на удивление теплой, мягкой и ласковой, будто материнская.

– Думай о том, ради чего жила. Что тебе силы давало. Ради чего дышала. Что сердце заставляло биться. Что кровь горячую заставляло бежать, – приговаривала Акулина, не убирая ладонь с груди Ники. – Думай об этом, детонька. О том, что согрело...

«Андрей?..» – мелькнула привычная мысль. И душу вновь сковало холодом от тоски и безысходности.

Старушка нахмурила брови и покачала головой:

– Холодно, детка. Холодом веет. Не любовь это. А сердце у тебя горячее и беспокойное – чувствую. Любовь в нем поселилась. Думай о ней. Она тебя спасет.

– Егор, – выдохнула вдруг Ника. – Егор. – Ледяной панцирь, сковывающий ее тело, принялся таять.

– Вот и славно, – улыбнулась бабка. – Пусть любовь тебе сил даст...

Она поднялась с колен и, развернувшись к свече, гневно погрозила пальцем в ее сторону:

– Сидеть тебе взаперти, ироду, вечно!

И исчезла так же внезапно, как и появилась.

Ника медленно, нехотя, разлепила тяжелые веки. В глаза ей ударил неожиданно яркий свет, девушка недовольно наморщила нос и зажмурилась. И в ту же секунду услышала рядом с собой обрадованно-встревоженный голос:

– Пришла в себя!

– Кто здесь? – вымолвила она. Голос, с трудом вырвавшийся из сухого и шершавого, будто обработанного наждачной бумагой горла, оказался сиплым, словно простуженным.

– Егор.

Его теплая ладонь накрыла ее кисть и легонько пожала пальцы.

– Пришла в себя? Очень хорошо! Сейчас позову доктора, – раздался незнакомый женский голос.

Ника вновь предприняла попытку открыть глаза, но, как и в первый раз, зажмурилась от света.

– Выключите свет! Глаза режет, – попросила она.

Егор встал, сделал несколько шагов, щелкнул выключателем и вернулся обратно.

– Так лучше? – Забота в его голосе была искренней. Как и тревога.

– Да, спасибо. – Ей удалось наконец-то открыть глаза. Взгляд уперся в выкрашенную в зеленый цвет стену с осенним пейзажем, затем скользнул по кожаному дивану, стоявшему прямо под картиной, задержался немного на опущенных жалюзи на большом, в половину стены, окне, с интересом обвел пустое кресло, столик, на котором стояли корзина с фруктами и ваза с цветами, деревянную спинку кровати, прозрачную трубочку капельницы, тянущуюся к ее бледной и худой руке. И, наконец, остановился на Егоре, сидящем возле кровати.

– Я в больнице?

– Да. В клинике. Я тебя привез сюда вчера утром.

– А сейчас который час?

– Половина восьмого вечера.

– Так я, получается, проспала полтора дня...

– Половину этого времени ты провела без сознания в реанимации. Потом пришла в себя, что-то принялась рассказывать и на полуслове благополучно уснула.

– Не помню, чтобы я приходила в себя...

– Ты несла какой-то бред про тени.
– Тени...
– Да, тени, – вдруг почему-то рассердился Егор. – Куда тебя, глупая, понесло?
– Я просто хотела узнать... – принялась слабо оправдываться Ника, но Егор сердито перебил ее:
– Узнать! Любопытство тебя чуть не убило!
Как смешно он сердился. Ника с нежностью смотрела на складку между его бровей, на возмущенно подрагивающие ресницы, короткие, но густые. А Егор, будто не замечая ее взгляда, продолжал бушевать:
– Я чуть с ума не сошел, когда понял, что ты пропала! На уши пол-Москвы поставил. Уж не думал, что живой тебя увижу, особенно после того, что узнал...
– И что ты узнал? – оживилась Ника. И даже сделала попытку приподняться на локте.
– Лежи! – рявкнул Егор. – Не то попрошу медсестру привязать тебя ремнями к кровати. Надо было это раньше сделать, еще до того, как ты влипла в историю.
– Егор, я тоже кое-что узнала, – нерешительно, с виноватой улыбкой начала Ника. – Вернее, не столько узнала, сколько догадалась.
– Свои догадки выскажешь после.
Он все еще продолжал сердиться. Или делал вид, что сердится, потому что складка возле бровей разгладилась, а в глазах беспокойство сменилось облегчением.
– И чего тебя на стройку понесло?
– На стройку? – удивилась девушка.
– Тебя там нашли. В строительном вагончике, лежащую на полу. И почти бездыханную. А могли бы и не найти. Повезло, что тебя запомнила официантка в кафе, в котором ты свиданничала...
– Я не свиданничала! – возмутилась Ника и сердито блеснула глазами. Егор пропустил ее протест мимо ушей.
– И еще тебя видел ночной охранник из круглосуточного магазина. На твое счастье, он вышел на крыльцо покурить в тот момент, как тебя куда-то вели. Я и мои люди обыскали все окрестности и нашли тебя на стройке. Еще бы чуть-чуть, и не успели.
– Меня спасла Акулина, – тихо сказала Ника.
– Какая еще Акулина?
– Я не брежу, Егор! Меня действительно спасла бабка Акулина! Так, по крайней мере, она представилась. И еще... мысли о тебе, – добавила

она, засмутившись до алого румянца. – Выслушай меня...

– Позже. В коридоре ожидает, когда ты придешь в себя, один человек. Ему есть что тебе рассказать. Ты как, готова, или разговор лучше отложить до того времени, когда ты более-менее окрепнешь?

Ника собралась ответить, что чувствует себя вполне сносно, но в этот момент дверь приоткрылась, и в палату вошла молодая женщина в белом халате, а следом за ней – высокий седой мужчина в круглых очках на крючковатом носу.

– Осмотр, – сказал он, глядя на Нику поверх очков.

Медсестра попросила Егора выйти, и он безропотно поднялся.

Осмотром доктор остался удовлетворен, сказал, что опасность Нике не угрожает, но ей придется еще какое-то время провести в больнице.

После осмотра принесли на подносе ужин, и, пока Ника ела куриное филе с картофельным пюре, Егор, вернувшийся в палату, молча сидел с ней рядом. А когда она закончила ужинать, сказал, что скоро вернется, и вышел.

Ждать пришлось довольно долго, но, когда дверь снова открылась, на пороге возник не Егор, а незнакомый старик. Высокий, с не по-стариковски выпрямленными плечами, с густой седой бородой и беспокойством в ярких голубых глазах.

– Здравствуй, дочка, – сказал он.

Девушка молча кивнула.

– Я по просьбе Егора Станиславовича... В общем, поговорить мне с тобой надо, рассказать кое-что.

Он неуверенно оглянулся на стул, и Ника приободрила старика улыбкой.

– Зовут меня Иваном Потаповым, – начал он, как присел. – Но это не настоящее имя, хотя я прожил с ним почти пятнадцать лет. На самом деле зовут меня Кузьмой Крохиным.

Ника внешне никак не высказала своего удивления. Старик отвлекся на приоткрывшуюся дверь и вопросительно взглянул на вошедшего Егора, будто ища у того поддержки.

– Не волнуйтесь, Кузьма, – правильно понял его взгляд Егор. – Расскажите Нике все, что рассказали мне вчера.

– Не знаю, с чего начать... Если с самого начала – история может получиться долгой.

– У меня есть время и силы, чтобы выслушать вас, – улыбнулась Ника, удобней устраиваясь на подушках.

– История моя вам покажется неправдоподобной...

– Кузьма, давайте без сантиментов. Я вам поверил, значит, поверит и Ника, – оборвал оправдания старика Егор.

Тот вздохнул и начал:

– Я родился в деревне Пескарки. До одиннадцати лет прожил в родительском доме. У родителей я был единственным сыном. Моя мать рано умерла, скончалась во вторых родах, младенец тоже не выжил. Отец после смерти матери привел в дом другую женщину. Его можно понять, вести одному хозяйство тяжело. Я хоть и помогал ему, но заменить женщину в доме не мог.

Жизнь с мачехой – несладкая. Поначалу мы как-то ладили, но, когда мачеха забеременела, житья мне совсем не стало. Попрекали и лишним куском, и моим бездельем, хоть я старался угодить и отцу, и мачехе, выполнял домашнюю работу. И я решил сбежать, дойти до города и там попроситься к кому-нибудь в работники. Но я сбился с пути, проголодался, замерз и чуть было не погиб. Меня нашел один старик...

– Все прям как в рукописи Эдички! – воскликнула Ника.

Кузьма покосился на нее, помолчал и горестно вздохнул:

– К вашему другу мы еще вернемся, позже. Но вы правы, он в самом деле описал некоторые события из моей биографии в своем романе. Я видел отрывки и могу вам сказать, что вымысла там практически нет. Так вот, как я уже сказал, меня, одиннадцатилетнего мальчишку, подобрал один старик. Отогрел, откормил, вылечил и оставил у себя. Этот старик, Прохор, был местным знахарем, местные его уважали шибко. Да и я его боготворил – потому, что был ему благодарен за спасение и за то, что он меня оставил у себя.

Жили мы не в самой деревне, а на окраине поля: Прохор любил уединение.

– Так, значит, домик, в котором мы ночевали, был домом того самого Прохора, старика из рукописи? – быстро спросила Ника.

– Да. Там он жил, там жил и я долгое время. Вначале я помогал старику только по хозяйству. Потом, увидев, что я довольно смывленный, Прохор стал понемногу посвящать меня в свои премудрости. Он обучил меня распознавать травы, собирать их и правильно хранить, делать настойки и отвары... Он был талантливым травником, этот Прохор. Да и я, нескромно похваюсь, схватывал все на лету. Прохор хотел на этом и остановиться, но я высказал горячее желание обучиться целительству. Мой спаситель вначале долго не соглашался, ссылаясь на то, что эти знания не принесут мне счастья, что плата за посвящение в тайны будет очень высока (тогда я не придал этим словам значения, но позже мне открылся их

чудовищный смысл). Но я был настойчив. И в итоге Прохор сдался, сказав, что у меня есть способности и сила, правда, на тот момент еще не раскрытая. И он взялся за мое обучение. Признаться, многое, через что мне пришлось пройти, не имело, на первый взгляд, никакого отношения к целительству. Я закалялся телом и духом, выполняя задания тяжелые и в психологическом, и в физическом смысле. Все это было нужно, чтобы открылась моя скрытая сила, без которой мне было не стать таким же чудесным врачом, как Прохор.

Я, признаться, еще раньше подозревал, что знания Прохора выходят далеко за пределы трав и целительства. Он был... Как бы сказать. Деревенские назвали бы его колдуном. Он и в самом деле не был простым смертным. Какие-то его знания и умения были не от бога, а от дьявола. Но это мне открылось не сразу.

Прохор обучил меня азбуке и стал давать читать старинные книги из своего сундука. Чтение давалось мне хуже, чем наука о травах. Но постепенно я освоил и это. Знания, которые я мог почерпнуть из книг Прохора, будоражили и могуществом, и опасностью. Мой учитель не все давал мне читать, понимал, какую угрозу таят соблазны, которые мне открыли бы новые познания. Но я украдкой, когда его не бывало, почитывал те книги, познавал их премудрости и даже кое-что пробовал.

– Это были книги по черной магии? – напрямую спросила Ника.

Кузьма, поколебавшись, неуверенно ответил:

– Да. Не все, но некоторые. Я их тоже не обошел своим любопытством. Знаете, молодых притягивает не только новое, но и запретное.

– Таким образом, вы тоже овладели некоторыми приемами магии, в том числе и черной? – продолжала расспрашивать Ника деловым тоном, будто брала интервью для статьи. Егор покосился на нее и незаметно усмехнулся: журналистка... Профессиональные интересы на первом месте.

– Кое-чем овладел, – согласился Кузьма, скромно потупив глаза. – Это мне и помогло. Но в какой-то мере и погубило.

В наших деревнях уже какое-то время умирали молодые девушки. Их находили в безлюдных местах раздетыми. Сейчас бы сказали, что в наших краях появился маньяк, который надругивался над девицами и убивал их, но следов насилия не было. Девушки будто умирали своей смертью и... от старости, потому что все как одна оказывались седыми. Чего только не болтали на этот счет!

– В том числе и о происках дьявола, – понимающе улыбнулась Ника, и Кузьма кивнул:

– Впрочем, в этой версии они недалеко ушли от правды. Если вы

читали записки вашего друга, то уже знаете, что я был влюблен в одну девушку, Акулину. Любовь была невзаимной. Акулька была старше меня на несколько лет, девицей на выданье, а я – безусым юнцом. Не обратила бы она на меня внимания! Но для меня эта любовь, пусть и тайная, пусть и безответная, была источником жизни – ни больше, ни меньше.

Однажды, совершая ночную прогулку по деревне, я случайно увидел, как моя красавица Акулина уединилась на сеновале с каким-то молодцем. В лунном свете он мне показался молодым парнем – статным, высоким, с молодым голосом. Мог ли я подумать, кем в итоге он окажется?

– Мой друг описал этот момент. Убийцей девушек оказался старик Прохор, ваш учитель, которого вы любили почти как отца, да?

– Да, – горестно вздохнул Кузьма. – Можете себе представить, какой шок я испытал? Человек, которого я боготворил, оказался вовсе не человеком, а чудовищем! Убивцем!

– И энергетическим вампиром, – добавил Егор.

– Да. В прямом смысле, а не в переносном. Он убивал девушек, выпивая их жизни, будто вино – для восполнения своих сил. Я об этом не подозревал, конечно, до того момента, когда он попытался убить Акулину.

Что между нами тогда произошло... Прохор был куда сильнее меня и опытнее, ему бы ничего не стоило меня уничтожить. Но в тот момент все козыри оказались в моей колоде: от неожиданности старик промедлил, а захлестнувшие меня ненависть и отвращение придали мне дополнительные силы. Я мог бы убить его – гнусного убийцу, вампира, покусившегося на самое для меня дорогое, – тем более что перевес сил оказался в мою пользу. Но в последний момент рука моя, как говорится, дрогнула: ведь Прохор был и тем, кого я любил и уважал. Я почти лишил его жизни, но в то время, когда дух старика вышел из тела и уже готов был отправиться в ад, я заключил его в свечу: задул пламя, когда дух коснулся его, и черная душа старика осталась запертой – в той самой свече, которую вы обнаружили.

– В рукописи Эдуард упомянул, что когда юноша, то есть вы, вошел на сеновал, где уединился незнакомец с Акулиной, помещение слабо освещала свеча. Эта свеча, она была...

– Нет-нет, – улыбнулся Кузьма, угадав Никины мысли. – Свеча была самой что ни на есть обыкновенной. Прохор взял ее, видимо, чтобы светить себе в темноте. Случайность стала для Прохора роковой, а мне сыграла на руку. Когда дух коснулся пламени, мне вспомнился старый ритуал, вычитанный в одной из книг. Я среагировал мгновенно. Ненависть придавала мне сил и сноровки.

– А потом, спасая Акулину, вы использовали эту же свечу, но уже с

заключенным в ней духом Прохора?

– Да, именно так. Ваш друг немного описал те события. Я спас девушку дважды. В первый раз – когда не дал Прохору до конца выпить ее жизнь. Во второй – когда ее, ослабленную, наполнил новой силой с помощью той самой свечи, в которой был заключен дух. Моей силы не хватило бы для того, чтобы вернуть Акулине жизнь. Я либо должен был полностью вычерпать себя и умереть, либо найти дополнительный источник энергии. Свеча, в которую я заключил дух Прохора, оказалась своеобразным аккумулятором: она содержала ту энергию, которую старик выпил из Акулины. Вернее, не в самой свече была сосредоточена сила, а в духе Прохора, запертом в ней.

Я сумел вновь напитать девушку жизненными соками, моих знаний хватило для этого, хоть я никогда ничего подобного не делал. Конечно, зажигая свечу и выпуская дух старика, чтобы забрать у него отнятые у Акулины силы, я рисковал. Того, что дух не вернется в свечу, я не боялся (он теперь был привязан к ней, как к новому телу), но он вполне мог опустошить меня, как убитых им девушек. В какой-то момент так почти и произошло: я почувствовал ледяные прикосновения будто к самой душе... Их сложно описать словами, но если ты хоть раз пережил подобные ощущения, не забудешь их никогда. Дикий холод... Ужас... Впрочем, что это я вам рассказываю, к сожалению, вам довелось испытать это на себе.

Ника криво усмехнулась:

– Даже дважды!

– Совершенно случайно я обнаружил, как закрыть себя от вторжения. Та защита – обычная магическая защита, которой я попробовал вначале отгородиться, – не подействовала, дух старика пробил ее, как картонку. Да оно не удивительно: мой учитель был куда мудрее и опытнее меня. Но в тот момент, когда дух старика уже начал высасывать мои силы, я нашел, как обезопасить себя. Нащупал слабое место Прохора и сыграл на этом. И после этого сумел выкачать похищенную энергию и наполнить ею девушку. Чтобы спасти Акулину, я почти опустошил запас сил духа старика.

– Значит, вы оставили дух Прохора голодным, – уточнила Ника, когда Кузьма сделал паузу.

Тот кивнул, соглашаясь.

– И ему требуется восполнить потерянные запасы энергии, – продолжила она свои размышления под одобрителем взглядом Кузьмы. – Нечто подобное, связанное с выкачиванием силы, я в конце концов и предположила, но, конечно, даже подумать не могла, что в свече заключен дух деревенского колдуна, который питается, выпивая жизни жертв. Ну что

ж, интересно... Кузьма, вы упомянули о том, что сумели найти защиту от духа. Кое-какие мысли у меня есть на этот счет... На них меня еще раньше навел Егор. Когда я в первый раз зажгла свечу, то ощутила чужое присутствие и испытала ужас. Мне даже показалось, что я сейчас умру. Но меня спас звонок – звонил мой приятель Андрей...

Позже, решив подтвердить или опровергнуть свои домыслы, я зажгла свечу во второй раз, но ничего не произошло! Мне это показалось странным, ведь я была почти уверена, что свеча может как-то воздействовать на людей. Правда, тогда я ошибалась, думая, что в ее составе есть какие-то наркотические вещества.

Когда свечу зажгли в третий раз, я опять чуть не погибла. Таким образом, дважды свеча на меня подействовала, один раз – нет. Егор предложил мне поиграть в игру «найди десять отличий»: вспомнить обстоятельства, при которых свеча зажигалась в первый раз и во второй, и, сравнив, найти то важное отличие, которое было условием для воздействия свечи. Я долго думала, перебирала в памяти все обстоятельства вплоть до мельчайших деталей. И... поняла! – Ника бросила торжествующий взгляд на Егора, но тот промолчал. Заложив руки за спину, он ходил по палате взад-вперед с таким видом, будто разговор его не касался, но, конечно, внимательно прислушивался к нему.

Девушка вновь обратилась к Кузьме:

– Так вот. В первый раз я пребывала в растрепанных чувствах: днем были похороны моего коллеги, потом я долго беседовала с сестрой Егора, и ее настроение тоже на меня повлияло. К тому же в тот вечер добавились... личные переживания. – Произнеся последнюю фразу, Ника осторожно взглянула на Егора, но тот, хоть и прислушивался внимательно к ее словам, сделал вид, будто не понял, что под личными переживаниями она имела в виду страдания от неразделенной любви к Андрею. – Во второй раз я, наоборот, находилась в преотличном настроении. Меня пригласил в ресторан Егор, и я была окрылена предстоящим свиданием. – Сделав это признание, Ника густо покраснела. Мужчина бросил на девушку короткий взгляд и чуть заметно улыбнулся. – Мои предположения о том, что свече, а вернее, как сейчас выяснилось, духу Прохора нужны отрицательные эмоции, подтверждало и то, что незадолго до гибели Стас поссорился с Лерочкой и находился в печали. Эдуард же по жизни пребывал в меланхолии, эдакий грустный Пьеро, а вечером накануне его гибели я отказалась поговорить с ним, потому что торопилась на интервью. Зная Эдичку, могу с уверенностью сказать, что своим отказом я нагнала на него вселенскую тоску.

Ну и случившееся прошлой ночью, когда при мне зажгли свечу в третий раз, лишь убедило меня в том, что в своих догадках я оказалась близка с истине. У нас с Егором вышла небольшая размолвка, и я грустила... Я права, Кузьма, в своих предположениях? В том, что дух Прохора питается унынием, грустью, тоской, вызванными ссорами и неразделенными чувствами? А светлые эмоции – радость, предвкушение прекрасного, любовь – его отпугивают? В первый раз меня спас звонок моего... друга, о котором я тогда грустила. Разговор с ним напитал меня теплом и счастьем и отпугнул дух Прохора. Во второй раз я была защищена радостью, вызванной предвкушением встречи с Егором, симпатией к нему, желанием увидеть его. В третий раз, когда я уже была почти мертва, меня опять же спасли мысли о Егоре. – Последнюю фразу она произнесла как будто с вызовом, адресованным Егору, но старательно не глядя на мужчину, прекратившего мерить шагами пространство палаты. О появлении в строительном вагончике призрака бабы Акулины она промолчала, пощадив чувства Кузьмы.

– Да, – ответил старик. – Не могу сказать, что вы не правы в своих предположениях. Моей защитой стали воспоминания о том, как Акулина, моя Плясунья, танцевала на деревенском празднике. Эти воспоминания вызывали во мне радость, нежность, трепет, волнение. Как только я вспомнил танцующую Акулину, ее улыбку и хрустальный голос, моя душа оттаяла. Дух Прохора отпрянул от нее, словно обжегшись.

Смею предположить, что Прохор боялся любви, и все положительные эмоции, с ней связанные, были ему чужды. Он не мог их принять, тогда как отрицательные – да.

Прохор был отшельником, как я уже говорил, избегал людского общества. О себе он почти ничего не рассказывал. Но упомянул, что не всегда жил в том доме на отшибе, в молодости он покинул свою деревню и долго скитался. Позже, уже покинув приютившее меня жилище и отправившись в «вольное плавание», я пытался раскопать прошлое Прохора, что было довольно сложно, практически невозможно, ведь он никогда не говорил, откуда был родом. Но по крупницам мне удалось кое-что разузнать о нем – достаточно, чтобы понять, почему он убивал девушек. В молодости он был сильно влюблен в одну девушку, которую излечил от страшной болезни, но та на его сватовство ответила решительным отказом и, более того, не побоялась прилюдно высмеять Прохора, о котором ходили слухи не только как о врачевателе, но и как о колдуне. Прохор не ответил, но затаил обиду и, когда через некоторое время девушка собралась замуж, отомстил. Утром после свадьбы молодых нашли мертвыми, и разгневанные

сельчане мигом обвинили в их смерти обиженного колдуна. Прохор сбежал, долго кочевал и в конце концов прижился в той избе на краю поля, на жизнь стал зарабатывать целительством, но то, что в лечении, помимо трав и настоек, использовал и свою магическую силу, скрывал.

То ли стал сказываться возраст, то ли черное дело, совершенное им, так повлияло, но Прохор стал терять свою силу. Бросить целительство он не мог – то был его хлеб, но ему требовалось регулярно восполнять силу за счет других людей. Памятуя об обиде, нанесенной ему в молодости, в расход он пускал красивых молодых девиц.

В тех же условиях, в которых он находится сейчас, выбирать ему не приходится. Ему необходим запас силы, вот он и старается заполучить ее, не брезгуя никем.

Кузьма вновь сделал паузу, а Ника, задумчиво пощипывая одеяло, произнесла:

– Значит, и Стаса, и Эдичку убил дух Прохора... Со Стасом все понятно: он схватил эту проклятую свечу, не зная, что она с «сюрпризом». Как и я, впрочем. Но вот как так получилось с Эдичкой? Он что, тоже побывал в той избушке?

– Нет. Но чтобы перейти к вашему приятелю, я должен рассказать вам еще одну часть моей биографии.

После исцеления Акулины я еще какое-то время жил в доме Прохора. Выздоровление девушки кое-как реабилитировало меня в глазах сельчан, которые меня недолюбливали и едва не приписали мне преступлений старика.

Я остался в деревне и продолжил дело Прохора – врачевание. Но я лечил, пользуясь лишь своими знаниями травника и тщательно скрывая другие свои способности. Не хватало еще, чтобы меня всерьез обвинили в колдовстве! Потом я, уже в зрелости, ушел в город и бросил лечебную практику. Время было такое.

В конце восьмидесятых – начале девяностых, когда началась мода на нетрадиционную медицину, я вновь занялся целительством и развернулся в полную силу. Без ложной скромности скажу, что был довольно популярен и известен. Ко мне ехали лечиться чуть ли не со всего Союза. Приглашали на телевидение, брали интервью. Конечно, кто-то относился к моим методам лечения скептически, наелся я досыта и желчных отзывов. Меня даже пытались оклеветать: печатали заведомую ложь. Но народная молва действует лучше и чище прессы, не в обиду будь вам, Ника, сказано. Ко мне шли, обращались за помощью, и я помогал. Плату за лечение брал, но никогда не назначал цены, мне платили столько, сколько могли дать, и

часто не деньгами, а продуктами, подарками.

Среди тех, кто обращался ко мне за помощью, были и большие «шишки». Помню одного такого человека, занимавшего не последний пост. В то время его фамилия была довольно известна и влиятельна. Обратился он ко мне за помощью с какой-то незначительной болячкой, а я разглядел у него рак желудка еще на той стадии, когда можно было помочь. Мой диагноз подтвердили врачи, я же вылечил того человека, и он в благодарность помог мне с квартирой в Москве.

Кузьма вздохнул, почесал задумчиво нос. После чего весело поглядел на притихшую Нику:

– Расхвастался я перед вами своими былыми успехами.

– Да нет, что вы, Кузьма! Мне очень интересно, – искренне воскликнула девушка. – Продолжайте!

– Хорошо. Но прежде чем вернуться к нашей истории, я должен рассказать немного о моем сыне. Его зовут Родион, ему тридцать три года. Я никогда не был женат на его матери, но сына после рождения видел. Мать его была замужем за другим, а ко мне пришла лечиться от бесплодия. С женщиной оказалось все в порядке, проблема была в муже. Я посоветовал ей привести ко мне мужа, но он наотрез отказался.

Роман у нас с нею вспыхнул стремительно – и так же стремительно угас, но у нас родился сын. С мужем своим она прожила еще года три, потом развелась. Не знаю уж, что явилось причиной их развода; возможно, она призналась супругу в измене и в том, что сын ее – от другого. В подробности она меня не посвящала.

Мы так и не поженились. У меня настали трудные времена. Как я уже говорил, меня не единожды старались очернить. Вышел у меня конфликт с человеком, который занимал важный пост в области медицины и имел влияние. Вот с ним мы и схлестнулись не на шутку. Кажется, я его чем-то оскорбил: иногда я бывал несдержан на язык. В отместку тот человек обвинил меня в шарлатанстве и сфабриковал против меня целое дело: мол, якобы мои методы лечения привели к гибели одной женщины. Он был очень влиятельным, тот профессор медицины, и своего добился. Серьезная угроза нависла не только над моей свободой, но даже над жизнью. Все, что меня волновало в тот период, – как бы спрятаться? Меня бы посадили, и надолго. Но тут произошел случай, сыгравший мне на руку. К тому времени я успел обзавестись не только квартирой, но и машиной. В один прекрасный или не очень день машину у меня украли, вместе с безалаберно оставленными в ней документами, но не успел я заявить об угоне, как случилось несчастье, которое помогло мне исчезнуть из поля зрения моих

врагов. Угонщик попал в аварию – такую, что от него почти ничего не осталось. На месте трагедии нашли борсетку с моими документами и решили, что погиб владелец. То есть я. В прессе упомянули об этом, а я не стал писать опровержения, воспользовался ситуацией, чтобы скрыться. С помощью денег и знакомств выправил себе новые документы, квартиру оформил на сына и уехал за границу. Сколько-то лет так и прожил, переезжая из одной страны в другую. В какой-то степени я повторил судьбу Прохора. Он оказался прав: дело, которым я занимался, не сделало меня счастливым; к тому же я вдруг обнаружил, что стал терять свои способности. Нет, знания, конечно, сохранялись, я по-прежнему знал о травах почти все, мог лечить ими, но перестал видеть болезни и их стадии – будто ослеп. Так хорошо лечить, как раньше, я уже не мог. Ведь мое лечение базировалось не только на знаниях, но и на внутреннем чутье, если хотите.

В том, что я стал терять силу, была моя вина. На моей совести, как и на совести моего учителя, было черное дело: я не простил человеку, который подверг меня гонениям, того, что он лишил меня всего; прежде чем исчезнуть, я проклял его. Черное дело, которое я совершил, стоило мне моей силы, но меня пугало не столько это, сколько то, что я повторял судьбу Прохора. Мне не хотелось уподобиться старику, я смирился с потерей силы и отошел от целительства.

Нагулявшись по зарубежью, я вернулся на родину. Объявился сыну. Его мать к тому времени уже умерла. Родион вырос, превратился из ребенка в молодого человека – балбеса, не без этого. Как отца он меня принял, хоть потом и случались у нас и конфликты, и споры, и уходы с хлопаньем дверьми, и возвращения с примирениями. Все было. Но главное – он меня принял.

Я хотел передать сыну свои знания, хотя бы часть, но Родион напрочь был лишен необходимой для этого дела силы. Теорию он кое-какую изучил, книги, которые я ему подсунул, почитал, но на этом все и закончилось. Впрочем, я вздохнул с облегчением, поняв, что он не пойдет по моим стопам: те знания и способности не были даром, они были тяжелым крестом. Счастья они не приносили.

Но я рассказал Родиону о своем прошлом. Про заключенный в свече дух старика тоже как-то упомянул. После я пожалел о том, что открыл сыну ту историю, но мне показалось, что он не шибко поверил в нее и вскоре забыл о ней. Тем я и успокоился.

Однако я ошибся.

Родион влюбился. Его избранница не была девушкой из хорошей

семьи. Она была девицей вольного поведения, грешила множеством связей с мужчинами и пристрастием к наркотикам. Но Родион влюбился в нее не на жизнь, а на смерть. Никакие уговоры не принимал, никакие доводы на него не действовали. А девушка уже плотно подседа на наркотики и тем самым довела себя до полного истощения. В ней не было уже жизни – сил, эмоций, вдохновения. Душой она была мертва. Родион обратился ко мне за помощью, просил, чтобы я спас ее. Но я отказал ему в помощи, потому что у меня уже не было необходимой для этого силы.

Кузьма горестно помолчал, думая о своем.

– И Родион решил, что можно воспользоваться свечой и спасти девушку тем способом, каким вы спасли Акулину? – предположила Ника, от нетерпения ерзая на кровати.

– Да, – ответил Кузьма. – Так он и решил. Поначалу я пытался уверить Родиона в том, что рассказанная мною история – чистый вымысел. Но сын выкрал у меня свечу. Не знаю, как я не уследил, но бомба оказалась у Родиона. Тогда я пробовал по-хорошему уговорить его вернуть свечу, разъяснял ему, что девушка уже обречена. И тут вовремя (или, скорее, не вовремя) появился ваш приятель Эдуард.

С Эдуардом мы познакомились случайно. Я был с Родионом в кафе, мы опять спорили. В какой-то момент я повысил голос, сын тоже вспылал, психанул и ушел, а я остался. И вот, когда я мучительно пытался решить, что же делать с сыном дальше, ко мне подошел незнакомый молодой человек, который представился Эдуардом. Он спросил, не целитель ли я Кузьма Крохин – тот самый, известный когда-то? От неожиданности я признался, что да, тот самый. Эдуард обрадовался и рассказал, что в детстве родители приводили его ко мне с болезнью желудка и я ему помог. О моей псевдогибели в автокатастрофе он ничего не знал, поэтому у него даже сомнений не возникло в том, что я – это я. Узнал он меня, увидев рядом с сыном, который очень похож на меня молодого – каким я был, когда Эдуард был ребенком.

Я пригласил молодого человека за свой столик. Эдуард представился писателем. В этот момент вернулся Родион, уже немного успокоенный. Заказал кофе и присоединился к нам. Сын почти не говорил, все больше слушал, что рассказывал Эдуард. А тот рассказывал много: о своих неудачах в писательском деле, о том, что ищет такой сюжет, который бы заинтересовал издателей, о вас, Ника... «А хотите, я расскажу вам одну историю, которая, если вы ее напишете, сразу выдвинет ваш роман в разряд бестселлеров?» – неожиданно спросил Родион и с вызовом посмотрел на меня. Возобновлять ссору с сыном в тот момент мне показалось

неудобным. Эдуард с готовностью принял предложение Родиона о новой встрече.

Мой сын обманул Эдуарда. Он пожелал получить энергию, вдохновение и силы для своей шлюхи-наркоманки и подставил вашего друга. Эдуард показался ему подходящей жертвой: парень-неудачник, у которого не складывалась писательская карьера, которому не отвечала взаимностью любимая девушка... При этом доверчивый и не лишенный творческих способностей. Идеальный вариант.

Родион представил Эдуарду историю так, будто свеча – это артефакт, который может наделить своего владельца удачей, могуществом, властью... И подстроил все так, чтобы вашему приятелю было легко выкрасть ее у него. Он надеялся, что Эдуард сразу покусится на «сокровище», но парень, видимо, колебался. Он писал свой роман и часто виделся с Родионом под предлогом, что хочет узнать подробности истории; а мой сын каждый раз ненавязчиво искушал его этой проклятой свечой, а вернее, мнимыми благами, которые она может принести. Я не вмешался только потому, что не знал об их встречах: Родион мне уже после во всем сознался.

В конце концов, Эдуард попал в ловушку, расставленную моим сыном, не смог справиться с искушением и украл свечу: надеялся с ее помощью получить удачу, силу, долголетие.

– Он что-то предчувствовал, – осторожно заметила Ника. – Накануне его гибели мы встретились, он передал мне кое-какие страницы из рукописи, которую, как он сказал, уничтожил. Может, испугался, что, если все получится, рукопись всплывет и станет известно, как он заработал везение? Или боялся Родиона и вас... Но для меня все еще остается загадкой, как свеча оказалась в заброшенной избе Прохора. Было бы понятно, если бы Эдичка провел там свой неудачный эксперимент, но он умер у себя в квартире.

– Родион через некоторое время после смерти Эдуарда навестил его родителей. Не знаю, кем он им представился и как уговорил их, но ему разрешили зайти в комнату Эдуарда. Возможно, мой сын придумал, что оставил у Эдуарда какую-нибудь важную книгу... Родион всегда умел обвораживать людей, был мастером предлогов, только со мной у него этот номер не проходил. Он нашел свечу под диваном вашего приятеля и вновь завладел ею.

Так и не добившись от меня помощи, сын решил все сделать сам: провести ритуал и добыть необходимые силы ради спасения своей девицы. Знаний и умений ему, конечно, не хватало; чтобы восполнить пробелы, он поехал в тот домик возле Пустоши. Как-то я обмолвился, что не все книги

Прохора забрал, кое-какие оставил в подполье. Родион отправился на поиски этих книг, надеясь, что они сохранились и что в них он найдет необходимые ему сведения. Но как раз в ту ночь, когда он добрался до избышки, появились вы и остановились в ней на ночлег. Родион все это время – пока вы были в доме – прятался в подвале, а свечу он случайно оставил на столе, и вы, Ника, прихватили ее в Москву.

Перед тем как покинуть избышку, сын облил ее бензином и сжег – то ли мне в отместку, то ли чтобы впредь никто не останавливался в ней. Книг, кстати, он так и не нашел. Да и времени-то сколько прошло! Чудо уже то, что домик до наших времен сохранился!

– Родион вернулся в Москву и решил за мной следить... – задумчиво произнесла Ника. – Я видела его на похоронах Стаса.

– Да. Но на похоронах он следил не только за вами, – загадочно обронил Кузьма.

Егор перестал бороздить палату и резко сел в кресло напротив Ники. При этом он крепко сжал кулаки, что не скрылось от взгляда Кузьмы.

– Вам кажется, что я рассказываю не о своем сыне, а о каком-то чудовище, – проговорил старец с виноватыми интонациями в голосе. – Я не оправдываю его. Что он сделал, то сделал. Моя вина в том тоже есть.

– Кузьма, мы вас не обвиняем, а просто слушаем. Вы остановились на похоронах... – нетерпеливо напомнила Ника.

– Да. На похоронах в поле зрения Родиона попала другая девушка – Валерия. Она так убивалась по погибшему любовнику, что это не могло остаться незамеченным. Позже Родион увидел, что вы общаетесь. И когда Валерия отправилась в поездку...

– Он последовал за ней! – гневно выкрикнул Егор. – Он преследовал ее. И спровоцировал аварию.

– Родион не хотел этого, – тихо возразил Кузьма, но Егор не принял его оправдания:

– Он, однако же, похитил Валерию...

– Он привез ее ко мне, чтобы я ее вылечил.

– Ничего подобного! Он собирался использовать ее для своих гнусных целей! Я подозревал это, а сейчас, после вашего рассказа и выводов Ники о действии свечи, лишь утвердился в своих предположениях! Лерка с ее скорбью по погибшему любовнику – просто обед из трех блюд для вашего колдуна! Первое, второе и десерт! Скорбь по умершему любимому человеку – это тебе не какие-нибудь инфантильные страдания из-за неразделенной любви или временной ссоры с бойфрендом. Если бы ваш сын добился своего, моя сестра наполнила бы свечу «эмоциями» под

завязку. И не нужны бы были другие «доноры». Я прав?

Вместо ответа Кузьма лишь потупился. Егор вновь сжал кулаки, Ника с тревогой посмотрела на него, и мужчина, перехватив ее встревоженный взгляд, шумно сделал вдох-выдох, чтобы успокоиться.

– Я помог девочке сбежать, – тихо произнес старик. – Пожалуйста, не обвиняйте меня в соучастии. Я постарался не допустить несчастья с Валерией, как постарался не допустить его и с Вероникой. Поэтому и пришел к вам.

– Ладно, – буркнул Егор. – Черт с вами. Спасибо, что спасли мою сестру и помогли найти Нику.

– Егор, вы не находили в том вагончике свечи? – спросил вдруг Кузьма.

– Далась она вам, – проворчал Егор, все еще, видимо, сердясь. – Ну, находил.

– И? Где она? – разволновался старик. Но при этом заметно перевел дыхание, будто с облегчением.

– Выбросил.

– Как «выбросил»?! Вы не должны были ее выбрасывать! Я же вас предупреждал... Просил вернуть мне эту свечу, если вы ее найдете!

– Она догорела почти до основания, там и возвращать было нечего.

– Кузьма, да не волнуйтесь так! – вступилась за Егора Ника. – Свеча почти уничтожена, значит, и дух Прохора – тоже. Опасности нет.

– Вы так и не поняли! – вскричал Кузьма. – Наоборот! Помните, я вам рассказывал, что дух Прохора зависит от свечи? Но она для него лишь темница! Нет свечи – нет оков, удерживающих дух колдуна. Он ни в коем случае не должен оказаться на свободе! Неизвестно, какие беды могут тогда приключиться!

Ника и Егор переглянулись.

– Тот огарок, который я выбросил, был настолько мал, что вряд ли на него кто уже позарится, – смущенно пробормотал Егор. – Его и не найдешь, пожалуй! Так что можно с уверенностью сказать, что дух Прохора потерялся безвозвратно.

– Дай бог, – вздохнул Кузьма. – Дай бог.

Три дня спустя

Они уже, наверное, час молча прогуливались в то ли сквере, то ли парке, раскинувшись неподалеку от скученных в большой жилищный симбиоз девятиэтажек, гаражей и детских площадок. Этот сквер – небольшой оазис, в котором можно на время спрятаться от слившихся в единый шум звуков повседневной жизни, где можно, прогуливаясь по безлюдным тропинкам, говорить о самом сокровенном либо просто молчать. Прогуливаться и молчать. Молчать и мерить шагами проклюнувшиеся в сходящем снегу асфальтированные тропки.

Неторопливые шаги. Сорванная тонкая ветка. Чуть прищуренный глаз, взгляд в подернутое легкими сумерками небо, взгляд – на склонившиеся в молчаливом почтении липы и клены, взгляд – на притихшую девушку, идущую рядом, на ветку, которую машинально, то связывая в кольцо, то развязывая, теребят ее пальцы. И снова взгляд в небо – легкий, быстрый, чуть обвиняющий и чуть виноватый. И молчание, в котором, как в основной, базовой субстанции, смешались остальные ингредиенты этого вечернего коктейля.

– Значит, ты уезжаешь... – Ника первая нарушила это слишком затянувшееся молчание. Кажется, с самого момента встречи они с Андреем не сказали друг другу ни слова. Просто молча, приняв мысленно общее решение, направились в этот парк-сквер.

– Да.

– Когда? – вопрос, заданный с напускным безразличием. Только пальцы сильнее теребят сорванную ветку.

– Через неделю.

– Ясно.

И снова пауза – четвертная по длительности, может быть – половинная.

Встретившийся на тротуаре камешек, отброшенный в сторону, еще одна ветка – сорванная и зажатая в зубах. Кора ветки – безвкусная и сухая. Такие же сухие и безвкусные мысли, которые то ли есть, то ли их нет.

– Сама понимаешь... Повышение, условия, о которых я и мечтать не смел.

– И... Лиля. Из-за нее.

– Нет, – ответ с привкусом раздражения и досады. Пауза в одну восьмую и поспешное оправдание: – Я не из-за нее уезжаю, из-за работы.

– Из-за работы, – эхом откликнулась она с таким рассеянным видом, будто задумалась о чем-то своем. – Черт возьми, Андрей... – начала она после долгой паузы и осеклась. Но он понял, что Ника хотела сказать: мы бы могли попробовать начать вместе. Если бы не твой отъезд.

– Я понимаю, о чем ты сейчас подумала. Или думаю, что понимаю. Возможно, у нас что-нибудь и получилось бы, но... Я всерьез думаю, что этот человек, которого ты встретила, даст тебе намного больше, чем я. И в материальном плане, и в плане заботы и любви.

– Какие благородные слова, – скривила она губы в ироничной усмешке. – Андрей, давай без высокопарных фраз. Просто я никогда тебе не нравилась...

– Ты мне нравишься!

– Я тебе не нравилась, – повторила она с нажимом. – Так, как мне хотелось бы тебе нравиться. Но... это уже не страшно. Правда. К сожалению, я лишь недавно поняла, что любила тебя не потому, что любила, как раньше, как в студенческие годы. Я любила тебя по привычке. Я не хочу любить по привычке. Также не хочу, чтобы ты говорил мне, что я тебе нравлюсь, из благородства.

– Ты мне правда нравишься, – с сожалением произнес он. – Как я уже сказал, у нас могло бы что-нибудь получиться. Но, похоже, у нас разные дороги.

Она улыбнулась, но с плохо скрываемой грустью.

– Это я тоже поняла, поэтому пришла попрощаться. Поставить точку, чтобы мы оба смогли со свободной душой идти своими дорогами.

– Береги себя.

– Ты тоже.

Она вновь грустно улыбнулась. А он с сожалением вздохнул.

– Мне пора, Андрей. Егор ждет.

– Беги, – сказал он с преувеличенной бодростью. – Не заставляй его нервничать. И... будь счастлива.

– Ты тоже.

– Знаешь, ты самая классная девчонка, какую я знал.

– А ты – самый классный парень. А самую-самую классную девчонку ты еще встретишь.

– Так же, как ты уже встретила самого-самого классного парня, – в тон ей ответил Андрей и, неловко обняв девушку на прощание, растрепал ладонью ее рыжие волосы.

– Пока. – Она встала на цыпочки, быстро чмокнула его в колючую щеку и, развернувшись, побежала прочь. Андрей еще долго стоял и

смотрел ей вслед. Даже после того, как она села в машину. И после того, как машина тронулась с места, увозя от него самую лучшую на свете девушку. Как жаль, что он понял это слишком поздно.

Месяц спустя

«... Любовь ворвалась в ее жизнь весенним ветром, с озорной легкомысленностью стасовав планы, будто колоду карт».

Ника перечитала фразу, в досаде выругалась и удалила написанное. И вновь, сосредоточенно хмурясь, устала в девственно-белый вордовский лист. Уже второй день она мучилась над первым абзацем, то набирая текст, бешено стуча по клавишам, то удаляя его подчистую, чертыхаясь. Нет, не получится из нее романистки. Она привыкла к сжатым и информативным фразам. Начало романа, который она задумала написать, то выходило сухим, как сводка новостей, то приторным, будто розовое варенье. А написать ей хотелось о многом. В голове уже выстроился костяк сюжета. И героиня придумалась – чем-то похожая на нее саму, чем-то – на подругу Ольгу. И водоворот приключений, и головокружительная любовь, и отчаянные решения – все это существовало в виде плана. Только не хватало слов. С ума сойти! Она, чья профессия связана со словом, не может написать художественный текст.

Ника рассерженно захлопнула ноутбук и подняла уставшие глаза к ярко-синему апрельскому небу, будто прося у него вдохновения или пытаясь вычитать на единственном облаке в форме округлого пера те фразы, которых ей так не хватало для первого абзаца. Но небо молчало, и лишь беззаботное солнце, раскрашивающее нос девушки золотыми веснушками, смеялось над ее трудностями. И будто подмигивало ей: расслабься, ты на отдыхе.

Уже вторую неделю она жила в загородном доме Егора. Сдалась на его уговоры отдохнуть, взяла отпуск и приехала в этот большой трехэтажный коттедж с огромным садом. И уже через пару дней безделья заскучала. От скуки не спасала даже библиотека, занимавшая половину второго этажа. Нике не хотелось читать, а хотелось проводить это время с Егором.

Иногда Ника даже злилась из-за того, что приняла его приглашение: она куда лучше чувствовала себя в суматошной Москве. Бешеный ритм – вот ее жизнь. Но, впрочем, не в ритме было дело. Все дело было в Егоре, который хотел, но не мог провести с ней больше двух дней. Работа! Как назло, именно теперь у него приключился полный аврал. Изначально планировалось, что он тоже возьмет неделю отдыха, чтобы провести ее с Никой, но в последний момент все переигралось.

И вот она уже вторую неделю жила за городом, и круг ее общения

составляла лишь домработница Татьяна – пожилая женщина, аккуратная, приветливая, но крикливая и немного назойливая. Она работала у Егора в те короткие периоды, когда он приезжал в этот дом, а в перерывах нянчила своих внуков и смотрела сериалы. В основном их разговоры с Никой и сводились к тому, что Татьяна пересказывала девушке, что сказала Роза дону Педро в сто пятой серии и что на это ответил сеньор Леонсио в сто восьмой.

Устав от разговоров о сериалах, Ника взялась за сочинение романа. Но как она ни пыталась, выходил не роман, а непонятно что.

Сдавшись перед заигрываниями солнца, Ника закинула руки за голову и запрокинула лицо к небу, позволяя бледным веснушкам напитаться золотом. Но ее ленивое спокойствие было нарушено громким обрадованным криком Татьяны:

– Вероника, Егор приехал!

Мгновением позже раздались шаги: Татьяна вышла к Нике на террасу. Морщинистое загорелое лицо женщины светилось от счастья, тонкие, будто высушенные, губы растянулись в радостной улыбке. Егора она любила.

– Пойду накрывать на стол, – сказала домработница, скрываясь в доме. А через минуту на террасу вышел Егор.

Белая рубашка – свежая, будто он только что ее поменял, застегнутый ворот и тугий узел галстука. Егор наверняка приехал к Нике прямо с деловой встречи. Она быстро скользнула по нему взглядом, отметив про себя и усталый вид, и морщинку между бровей. Но глаза Егора светились счастьем, и Ника улыбнулась.

– Ну что, принцесса, как тут поживаешь?

– Ленюсь. И еще раз ленюсь. В перерывах выслушиваю Татьянины пересказы сериалов. Деградирую, одним словом.

Он засмеялся и, нагнувшись к девушке, поцеловал ее покрасневший на солнце нос.

– У тебя, похоже, лицо сгорело. Будь осторожна! С твоей белой кожей...

– Переживу как-нибудь. Страшнее солнца – скука. От нее я даже начала роман писать.

– Да ладно, – делано удивился-восхитился Егор. – Покажи, что написала!

Ника открыла ноутбук и продемонстрировала ему чистую страницу.

– Да, это, определенно, будет бестселлер! Какие глубокие мысли, какие изящные обороты, какие неожиданные повороты сюжета...

– Ладно, хватит издеваться, – сокрушенно вздохнула Ника.

– К свадьбе, надеюсь, напишешь?

Она уверенно кивнула:

– Напишу! Тем более что свадьба наша еще неизвестно когда состоится. Хорошо, если в этом тысячелетии.

– Ты так и не решилась? – обеспокоился Егор.

– Я-то, может, и решилась, – задумчиво произнесла девушка, накручивая на палец отросшую прядь волос. – Только ты можешь передумать. Я ведь далеко не принцесса!

– А мне и не нужна принцесса, мне нужна обыкновенная девушка.

– Спасибо за «обыкновенную», мастер комплиментов, – съязвила Ника. – Между прочим, каждая девушка, даже я, в душе надеется, что для любимого мужчины она отнюдь не обыкновенная.

– Ты у меня самая необыкновенная! – с готовностью подтвердил Егор.

Ника, немного подумав, осторожно спросила:

– Зачем тебе на мне жениться? Даже если я необыкновенная. Я неаккуратная, и от того беспорядка, который я развожу, даже тараканы в ужасе сбегают.

– А уборщица на что? – нашелся Егор. – Она и будет наводить порядок.

– Я не умею готовить, – продолжала каяться Ника.

– Значит, питаться будем только в ресторанах. Благо у меня их несколько собственных.

– Я пишу по ночам...

– Я тоже работаю по ночам!

– Значит, мы будем драться за место у компьютера.

– Зачем драться? Купим пятьдесят компьютеров.

– Даже не знаю, какие еще доводы привести...

– А не надо приводить! Потому что на каждый твой довод я найду десять контрдоводов. Так зачем спорить? Проще согласиться! Согласна?

Вместо ответа Ника, прищурившись, посмотрела на солнце, улыбнулась и потянулась к Егору с поцелуем.

– Ты откуда такой нарядный? – спросила она с опозданием, вдоволь нацеловавшись. – С деловой встречи?

– Да так, – неожиданно смутился он.

Ника подозрительно нахмурилась:

– А ну давай, выкладывай!

– Да понимаешь... Помнишь ту твою статью про проблемы деревень? Очень она меня впечатлила, а точнее, проблемы...

– Неужели ты решил заняться спонсированием? – недоверчиво прищурилась девушка.

– Ну... В общем... В какой-то мере да. Я только что со встречи с одним губернатором, обсуждали кое-какие планы. Да, в какой-то мере я буду спонсировать деревни в его области. А деньги на это брать из нового дела. Я вот подумал, что неплохо было бы выкупить одну-две заброшенные деревеньки в живописном месте и организовать там что-то вроде базы отдыха. Рыбалка, охота, лес, природа, свежий воздух... А часть доходов пускать на поддержание остальных деревень. Вот такая моя задумка. Ну, как тебе?

– Неплохо, – засмеялась Ника и вновь потянулась к нему с поцелуем.

* * *

Андрей вышел на крыльцо магазина, вытащил только что купленную пачку сигарет и похлопал себя по карманам в поисках зажигалки. Неужели потерял? Он порылся в карманах армейской куртки, затем – в карманах штанов. Обнаружил платок, смятый билет в кино, в которое ходил в одиночестве в прошлое воскресенье, булавку, пластмассовую расческу с двумя выломанными зубчиками. А зажигалки не было. Андрей зашипел, как от боли, потому что курить хотелось смертельно, а очередь в этом магазине была как в советские времена – нескончаемая. Он уже почти привык к новой части, к большой, но пустой служебной квартире, в которой из мебели всего-то и было, что старая кровать, стул да стол (даже шкафа не было, и вещи так и лежали не разобранными, в двух чемоданах). Привык он и к веселому, любившему выпить соседу Сереге, и к его шумной жене Валентине, чей трубный глас доносился через тонкую, будто картонную стену в его квартире с такой громкостью, словно Валентина чиховостила не своего вернувшегося навеселе мужа, а Андрея. Да к многому он уже успел привыкнуть! Только не к очередям в этом торгующем и продуктами, и средствами гигиены, и прочими нужными в хозяйстве вещами магазине. Каждый раз, открывая тяжелую дверь, Андрей словно возвращался в советские времена с их очередями, горластыми продавщицами, шумными покупателями. Он старался ходить за провизией пореже и закупался на несколько дней вперед, даже хлебом. И вот теперь, чтобы купить трехкопеечную пластмассовую зажигалку, ему снова придется потерять в очереди кучу драгоценного времени.

Но делать нечего, курить хотелось. Андрей обреченно развернулся к

входу и чуть не получил по лбу дверью.

– Ой, извините! – испуганно вскрикнула худенькая девчушка, всерьез напуганная тем, что нечаянно ударила его.

– Ничего, ничего, я жив, – усмехнулся Андрей. – Тот, кто устанавливал здесь такую тяжелую дверь, вряд ли подумал о хрупких девушках вроде вас.

Незнакомка смутилась еще больше. Ее белое личико залила нежная краска. Она потупила глаза, застенчиво улыбнулась и, еще раз извинившись, стала спускаться с крыльца.

«И откуда в этих местах такой нежный цветок?» – недоуменно подумал Андрей, провожая незнакомку взглядом. Девушка как две капли воды была похожа на Нику. Худенькая чуть ли не до прозрачности, немного угловатая, как подросток, из-под беретки выбиваются светло-рыжие волосы. И краснела она так же, как Ника, – мгновенно.

– Ника! – неожиданно вырвалось у него.

Девушка, сделав пару шагов, недоуменно оглянулась:

– Вы мне?

– Простите... Вы напомнили мне одну знакомую.

Он стоял перед девушкой, чувствуя неуместную неловкость. Вглядевшись в личико незнакомки, Андрей понял, что она не школьница, как ему показалось вначале, а вполне взрослая девушка лет двадцати шести – двадцати семи. Его ввело в заблуждение хрупкое телосложение, но взгляд серых глаз принадлежал отнюдь не юной девушке, а молодой женщине, в этом ошибиться было невозможно.

– Сожалею, – улыбнулась она. – Меня зовут не Ника, а Надежда.

– Значит, Надежда. Гм... Очень хорошо. А я – Андрей. И давно вы, Надежда, здесь живете?

– С рождения. А вы?

– Три недели.

Разговор между ними завязался легко и быстро. И вот уже Андрей, забыв о том, что собирался закурить, провожает новую знакомую, а она по дороге рассказывает ему о поселке, о своих родителях, учениках (выяснилось, что Надежда преподает в местной школе русский язык и литературу). Остановившись возле дома Надежды, они все никак не могли распрощаться и расстались лишь после того, как договорились встретиться завтра.

Андрей возвращался к себе окрыленным. Поселок, который он поначалу посчитал серым, скучным, блеклым, вдруг показался ему ярким, будто раскрашенным акварелью и наполненным солнечным светом. Андрей

вновь обрел надежду. Или встретил свою Надежду.

* * *

– Гад ты синегривый, Васек! Сволочь последняя! Хрен собачий!

Местная бомжиха, известная под именем Зинка Шепелявая, долго пыталась разбудить своего «мужа» и верного собутыльника Васька. Отчаянно матерясь и ругаясь, она пинала развалившегося на дощатом полу строительного вагончика мужика, но тот не подавал признаков жизни.

Накануне Зинка и Васек в компании еще двух бомжей – Федяни и Степашки – праздновали Зинкин день рождения. Пир в строительном вагончике на замороженной стройке развернулся царский: в качестве подарка имениннице гости принесли пол-ящика паленой водки. Откуда им обломился такой бесценный подарок, Федяня и Степашка хитро промолчали. Но ни Зинку, ни Васька подробности не интересовали. Главное, что водки оказалось много. Именинница первая забылась тяжелым пьяным сном, а когда проснулась на следующий день в сером, как сумерки, похмелье, обнаружила в вагончике лишь Васька. Ни Федяни, ни Степашки уже не было. Зинка выматерилась, вылезла из вагончика на улицу – справить малую нужду – и вернулась будить собутыльника.

По опыту она уже знала, что разбудить его можно лишь ощутимым пинком в бок. Но в этот раз Васек не подал признаков жизни даже после того, как Шепелявая, не церемонясь, пнула его в бок с такой силой, что ушибла ногу. Разрядив боль виртуозным ругательством, Зинка наконец-то встревожилась и наклонилась к сожителю.

– Васек, – на этот раз уже ласково позвала она его. – Васек... – И в этот момент осознала, что Васек больше никогда не ответит. – Сволочь ты... Сволочь... – завывала Зинка, опускаясь на дощатый пол рядом с уснувшим вечным сном собутыльником и размазывая по грязному одутловатому лицу слезы. – Хрен ты собачий, как же я теперь без тебя?

Но горевала она недолго, быстро сообразив, что, если ее застанут рядом с почившим приятелем, от милиции будет не отвязаться. Тяжело поднявшись, бомжиха торопливо принялась собирать в грязную котомку с одной оторванной ручкой все свое богатство: дырявое вонючее одеяло, засаленные карты, чудом уцелевшую после «пира» бутылку водки, спички. Напоследок, прежде чем уйти, она еще раз хозяйским взглядом окинула вагончик, дабы не забыть чего. И всплеснула руками, увидев, что чуть не позабыла главную драгоценность – осколок зеркала, который ей подарил

вчера в честь дня рождения Васек. Зинка бросилась к подарку, лежащему на деревянном ящичке, и крепко выругалась, увидев, что половина зеркала заляпана воском от расплавленной до застывшей бугристой лужицы свечи.

– От дела-то какие! – сокрушенно бормотала Шепелявая, нестриженным грязным ногтем отколупывая с поверхности зеркала восковые лепешки. Когда большая часть зеркала оказалась очищенной, бомжиха горделиво глянула в него, но вместо своих опухших и мутных глаз неожиданно встретила незнакомый взгляд – острый, хищный, внимательный, даже чуть-чуть насмешливый. От неожиданности и испуга бомжиха едва не выронила зеркало, но тут же с облегчением выматерилась, увидев в нем свои привычные заплывшие глаза неопределенного цвета. Даже фингал, который она заработала, когда Васек на прошлой неделе от большой любви засветил ей в глаз, и тот был на месте, светил-переливался желто-зелеными оттенками.

– От померещица же такое! – с удивлением сказала Зинка. – Никак водялочка шутит!

Она вышла из вагончика и, пошатываясь, побрела со стройки прочь.

Если бы кто в этот момент повнимательнее пригляделся к ней, то подивился бы диковинному явлению: бомжиха отбрасывала необычную тень, напоминающую силуэт сгорбленного бородатого старика. Но никому до Зинки и ее тени не было дела. А сама она назад не оглядывалась.